

УЧЕБНИК

ДЛЯ ВУЗОВ

Д. В. Ривман

КРИМИНАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

Жертвы преступлений

Мошенничество

Хулиганство

Кражи

Разбой

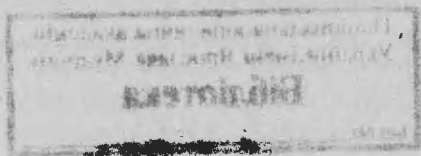
 ПИТЕР®

УЧЕБНИК

ДЛЯ ВУЗОВ

Д. В. Ривман

КРИМИНАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

 ПИТЕР®

Санкт-Петербург
Москва • Харьков • Минск

2002

Давид Вениаминович Ривман
Криминальная виктимология
Серия «Учебники для вузов»

Главный редактор
Заведующий редакцией
Выпускающий редактор
Литературный редактор
Художник
Корректоры
Верстка

Е. Строганова
И. Андреева
В. Зассеева
Е. Пряникова
Р. Яцко
Н. Викторова, С. Шевякова
Т. Петрова

ББК 67.628.333я7 УДК 343.988(075)

Д. В. Ривман

Р49 Криминальная виктимология — СПб.: Питер, 2002. — 304 с. —
(Серия «Учебники для вузов»)

ISBN 5-318-00688-4

Виктимология — это учение о жертвах преступления.

Преступность в России растет и становится все более опасной, множество людей становится жертвами преступников. Очевидно, что всестороннее изучение жертв необходимо, поскольку немало потерпевших оказывается в этой роли в силу опасного для них, но вынужденного поведения.

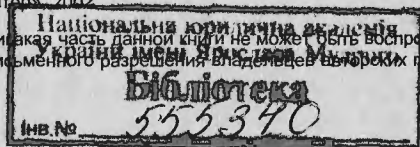
Предлагаемая вашему вниманию книга станет необходимым источником сведений при изучении криминальной виктимологии в рамках отдельного специального курса или общего курса криминологии.

© Д. В. Ривман, 2002

© Издательский дом «Питер», 2002

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 5-318-00688-4

ЗАО «Питер Бук». 196105, Санкт-Петербург, Благодатная ул., д. 67.

Лицензия ИД № 01940 от 05.06.00.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 95 3000 — книги и брошюры.

Подписано в печать 11.10.01. Формат 60×90/16. Усл. п. л. 19. Тираж 3000 экз.
Заказ № 2256.

Отпечатано с готовых диапозитивов в АООТ «Типография „Правда“.
191119, С.-Петербург, Социалистическая ул., 14.

Содержание

Введение	5
Глава 1. Виктимология: предмет, история, перспективы	8
1.1. Понятие и предмет виктимологии	8 ✓
1.2. Виктимологические идеи, представленные в религиозной и художественной литературе	19
1.3. Возникновение и развитие виктимологии	23 ✓
Глава 2. Жертва (потерпевший от преступления)	33
2.1. Понятия «жертва» и «потерпевший от преступления». Соотношение понятий	33 ✓
2.2. Индивидуальная виктимность	38
2.3. Социально-демографическая характеристика жертв (потерпевших от преступлений) и основания их классификации	44
2.4. Социально-психологическая типология жертв (потерпевших от преступлений)	56
2.5. Массовая виктимность	73
Глава 3. Виктимологическая составляющая механизма преступления	80
3.1. Виктимизация: процесс и результат	80
3.2. Понятие виктимологической ситуации и ее составляющих	83
3.3. Поведение жертвы (потерпевшего) в механизме преступления	93
Глава 4. Виктимология преступлений против жизни и здоровья	113
4.1. Убийства и причинение тяжкого вреда здоровью: жертвы и ситуации	113
4.2. Половые (сексуальные) преступления: жертвы и ситуации	147

4.3. Заражение венерическими заболеваниями и ВИЧ-инфекцией: жертвы и ситуации	169
4.4. Незаконное производство аборта: жертвы и ситуации	176
Глава 5. Виктимология хулиганства: жертвы и ситуации	183
Глава 6. Виктимология преступлений против собственности	195
6.1. Кражи: жертвы и ситуации	195
6.2. Мошенничество: жертвы и ситуации	207
6.3. Разбой, грабеж, вымогательство: жертвы и ситуации	217
Глава 7. Виктимология Экономических преступлений: жертвы и ситуации	227
Глава 8. Виктимологическая профилактика преступлений	240
8.1. Общая характеристика виктимологической профилактики преступлений	240
8.2. Организационное и информационное обеспечение виктимологической профилактики	247
8.3. Тактико-методическое обеспечение виктимологической профилактики	255
8.4. Общая виктимологическая профилактика	262
8.5. Индивидуальная виктимологическая профилактика в отношении потерпевших с различным виктимным поведением	267
Глава 9. Возмещение вреда, причиненного жертвам, их защита и помощь в социально-психологической реабилитации	285
Заключение	294
Литература	295

ВВЕДЕНИЕ

Преступность в России растет и становится все более опасной [45, с. 26]. За последние 10–12 лет ее показатели увеличились более чем в четыре раза, стала массовым явлением организованная преступность. В обществе происходит негативная «трансформация морали и права ... путем скачкообразного приспособления их к современному аморальному, противоправному и преступному массовому поведению...» [99, с. 475]. «Для современной России неуважение к закону стало нормой, а в некоторых регионах оно стало, без преувеличения, обвальным» [78, с. 16]. Наиболее ярко это проявляется в преступном поведении, но также и в виктимном, в значительной части характеризующемся своеобразной «виктимологической виной».

В современной России у значительной части граждан крайне низок уровень правосознания, что выражается, в частности, в низкой способности осознавать пределы криминальной опасности и необходимости ей противостоять. Множество людей, плохо приспособленных к самозащите, являются носителями потенциальной личностной уязвимости (виктимности), в массе проявлений определяющей виктимизацию общества, которая в России отличается более высоким уровнем, чем в развитых странах.

Ежегодно в нашей стране погибает в результате умышленных преступлений свыше 60 тыс. человек (в 1997 г. — 62 598, в 1998 г. — 64 545), причиняется тяжкий вред здоровью более чем 80 тыс. человек (в 1997 г. — 101 160, в 1998 г. — 81 565). В 1997 г. совершено 28 467, в 1998 г. — 28 794, в 1999 г. — 30 337 убийств. По коэффициенту убийств (в 1996 г. — 19,9 на 100 тыс. населения) Россия далеко опередила большинство стран мира [78, с. 199, 203, 204; 35, с. 23].

Множество людей становятся жертвами преступников. Только официально ежегодно регистрируется более 1,5 млн потерпевших (в 1997 г. — 1 704 200, в 1998 г. — 1 852 645). Преступления стали повседневным явлением. Они не могут не волновать буквально каждого человека и не только волновать, но и держать в страхе: любой может оказаться жертвой насильника, убийцы, вора или мошенника. Растет число насильственных и корыстных преступлений (количество краж за последние годы выросло более чем в 10 раз, разбоев и грабежей — более чем в 5 раз, мошенничеств — более чем в 3 раза), и нет никаких оснований

рассчитывать на положительные изменения в этой динамике [78, с. 273, 244, 250].

Виктимологическая ситуация, сложившаяся в стране, без преувеличения может быть оценена как крайне напряженная, диктующая необходимость создания системы мер, обеспечивающих личную и имущественную безопасность граждан и юридических лиц. Решение этой, а точнее, многих связанных с этим задач, невозможно без глубокого исследования детерминационных факторов и процессов виктимизации с позиции криминогенных проявлений жертв преступлений. Именно это обстоятельство инициировало исследования, проводимые в рамках сравнительно нового направления в криминологии, получившего название виктимологии.

Интерес к жертве, виктимологические идеи имеют длительную историю. Однако возникновение теории жертвы, виктимологии, датируется серединой XX века. Виктимология взяла на себя функцию исследования всех закономерностей, связанных с жертвой преступления. С этого момента проблема жертвы стала, по существу, криминологической, т. е. обращенной в область детерминации конкретного преступления и преступности.

Изучение причин и условий, способствующих совершению преступлений, позволяет сделать вывод, что наряду с массой «невиновных» жертв многие жертвы своим поведением провоцируют преступления или облегчают преступникам их совершение. Поэтому особый интерес для виктимологии представляют жертвы с виктимогенными девиациями. Без изучения всех и, в частности, таких жертв невозможно разработать особых, нетрадиционных мер по предупреждению преступности, направленных на предотвращение неосмотрительного, рискованного, легкомысленного, распушенного, провокационного поведения человека, которое может оказаться опасным для него самого.

Виктимология — это учение о жертвах, для которых типично поведение любого виктимологического качества: негативное, нейтральное, положительное. Очевидно, что всестороннее изучение жертв необходимо, поскольку немало потерпевших от преступлений оказывается в этой роли в силу опасного для них, но вынужденного поведения (например, при исполнении служебного или общественного долга). Кроме того, обобщенные данные о потерпевших помогают выявить подлинную картину преступности и ее социальные последствия.

Жертвы преступлений, виктимность и виктимизация, криминогенные факторы в системе детерминации преступления и преступности в

настоящее время изучаются в рамках курса криминологии, но этого явно недостаточно. Для более глубокого их изучения необходим специальный курс виктимологии, детализирующий криминологическое знание применительно к феномену жертвы.

Предлагаемое вниманию читателя учебное пособие, как надеется автор, станет необходимым источником сведений при изучении виктимологии в рамках отдельного специального курса или общего курса криминологии.

Виктимология: предмет, история, перспективы

1.1. Понятие и предмет виктимологии

Виктимология в буквальном смысле означает «учение о жертве» (от лат. *viktima* — жертва и греч. *logos* — учение). Эта наука возникла как реализация идеи изучения жертв преступлений и изначально развивалась как направление в криминологии. Однако со временем представления о ней претерпели изменения, определились различные позиции относительно предмета виктимологии и ее научного статуса. Эти позиции сводятся к следующему:

1. Виктимология — это отрасль криминологии, или частная криминологическая теория, и, следовательно, развивается в ее рамках.
2. Виктимология — это вспомогательная для уголовного права, уголовного процесса, криминалистики междисциплинарная наука о жертве преступления. Она существует и функционирует параллельно с криминологией.
3. Виктимология — это общая теория, учение о жертве, имеющее предметом исследования жертву любого происхождения, как криминального, так и не связанного с преступлениями. Виктимология, таким образом, самостоятельная наука, принадлежность которой к юридическим можно признать лишь отчасти. Скорее это наука о безопасности жизнедеятельности человека.

Мы рассматриваем виктимологию как направление в криминологии, но это не значит, что иные подходы к ней не имеют права на существование. Их также следует хотя бы кратко охарактеризовать.

Представляется, что столь существенные различия в определении научного статуса виктимологии не случайны. Они обозначились еще на заре виктимологии, когда один из ее «отцов» — Б. Мендельсон (1900–1998) поставил вопрос о необходимости создания новой самостоятельной науки — виктимологии, а другой — Г. Гентиг (1888–1974) — вообще не использовал это название, априори рассматривая ее как направление в криминологии.

Развитие этих подходов на протяжении более полувека свидетельствует, что, будучи единодушными в признании основной функцией виктимологии изучение жертвы и разработку мер ее безопасности, ученые расходятся в определении ее предмета, а следовательно и сфер ее практического применения.

Вопрос о том, какие жертвы должна изучать виктимология, — принципиальный. «Назначить» жертву в качестве предмета науки нельзя. Можно, конечно, волевым путем отнести к предмету виктимологии те или иные категории жертв, произвольно объединив их, но эффективность научного изучения сведется на нет, если эти жертвы не обладают сходными (аккумулированными в их личности) качествами, так или иначе определяющими их способность стать жертвами, характер уязвимости и причиняемого вреда. Требование определенной типологичности относится и к ситуациям причинения вреда.

Включение в предмет виктимологии всех категорий пострадавших лиц (не только физических), ставших жертвами самых различных обстоятельств, делает виктимологию комплексной социолого-технической наукой, не ограниченной криминальной сферой причинения вреда. Но жертвы преступлений и, например, экологических бедствий совершенно различны, а виктимоопасные ситуации не имеют ничего общего. Следовательно, признавая за виктимологией право на изучение любых жертв, надо прогнозировать ее становление и развитие в этом качестве, не забывая о внутренней противоречивости ее предмета.

Виктимология в таком понимании в отечественной специальной литературе иногда обозначается как виктимология в широком смысле в отличие от криминальной виктимологии (криминологии в узком смысле), представляемой как ее составная часть [140, с. 17].

Сегодня в отечественной науке всеобъемлющей по предмету виктимологии нет, но возражать против такого статуса виктимологии, естественно, не следует, тем более странно выглядел бы отказ от ее разработки в этом направлении только потому, что сегодня, как общая теория, она сведена к теории жертвы преступления.

Для виктимологии перспектива развития в самостоятельную науку, синтезирующую знания о жертвах любого происхождения, не исключена. По мере накопления фактологического материала и результатов его теоретического осмысления она может сформироваться в этом качестве, если станет комплексной, включающей как минимум:

- ◆ криминальную виктимологию (правда, криминология вряд ли легко расстанется с важным элементом своего предмета);
- ◆ травмальную виктимологию (изучающую жертв некриминального травматизма);
- ◆ виктимологию быта и досуга (широкий спектр проблем безопасности при использовании бытовой техники, безопасности на воде, транспортной безопасности, зависящей и от потенциальных жертв, и др.);
- ◆ психиатрическую виктимологию (проблемы жертв с отклонениями в психике) [5; 104, с. 116, 120];
- ◆ виктимологию катастроф, экологических и стихийных бедствий;
- ◆ виктимологию технической безопасности (изучающую последствия виктимного поведения, связанного с нарушением правил безопасности труда, пожарной безопасности и др.);
- ◆ программы и меры обеспечения безопасности жертв, организацию системы виктимологической профилактики.

Эти направления виктимологических исследований жестко не разделены, так как, например, жертвы травмы (объекты травмальной виктимологии) могут оказаться таковыми в результате нарушений правил техники безопасности или движения транспортного средства, правил обращения с бытовой техникой и т. д. В перспективе должны сформироваться соответствующие частные виктимологические теории (по нашему мнению, криминальная виктимология уже сформировалась в этом качестве в рамках криминологии).

Появление частных теорий не вызывается какими-то противоречиями относительно эмпирического материала, а связано с необходимостью более детального изучения предметной области общей теории той или иной науки и свидетельствует о переходе науки на достаточно высокий уровень исследования.

Перечень возможных компонентов виктимологии, естественно, нельзя считать завершенным. Как в дальнейшем будет развиваться виктимология, окажется ли она востребованной «по максимуму», сейчас определить невозможно. С этим и не следует спешить. На совре-

менном уровне виктимологических исследований ее некриминальные направления лишь обозначились, и от того, насколько глубокими и результативными будут соответствующие исследования, зависит, в конечном счете, ее статус в системе наук.

Пока что в России сторонники виктимологии в широком смысле ограничиваются ее провозглашением, признавая, что сегодня это в большей мере только научная позиция.

Представители двух других позиций, независимо от того, рассматривают ли они виктимологию как междисциплинарную отрасль научного знания или направление в криминологии, определяют ее как науку, предмет которой (в самом общем приближении) ограничен только жертвами преступлений и всем, что с ними связано.

По существу, и в том и в другом варианте — это криминальная (криминологическая) виктимология, которая в отличие от виктимологии в широком смысле не только реально существует, но и активно развивается в системе наук (научных направлений, дисциплин) криминального характера. Такова логика приращения научного знания: сама идея виктимологии, ее концептуальная основа имели источники, изначально сформировавшиеся на криминальной фактологии.

Нам еще предстоит разобраться в том, что представляет собой наука о жертвах преступлений, какое место она занимает в системе других наук, но прежде следует определиться относительно ее названия. Опираясь термином «виктимология», мы имеем в виду, что, в принципе, ее с равными основаниями можно именовать и криминологической (учитывая ее происхождение и принадлежность), и криминальной (если исходить из специфики предмета). В тех случаях, когда возникнет необходимость излагать позиции, отличающие криминальную (криминологическую) виктимологию от виктимологии в «широком смысле», мы будем использовать эти термины.

Виктимология¹ возникла как научно-прикладное направление в рамках криминологии совершенно закономерно, так как объективные потребности социальной практики потребовали ответа на вопрос: почему, в силу каких причин те или иные лица и социальные группы становятся жертвами чаще, чем иные, оказывающиеся в аналогичных ситуациях? Но ответить на этот вопрос можно было, только опираясь на определенные обобщения, анализ причин, условий ситуативного пла-

¹ Виктимология — наука криминологическая. В этом смысле она — криминологическая виктимология. Вполне правомерно и название «криминальная виктимология». Но не следует толковать это название буквально как «преступная».

на, индикаторов повышенной уязвимости — как индивидуальной, так и групповой. Иными словами, потребовалась теория социологического характера, наиболее близкая к теории причин преступности, и в особенности причин конкретного преступления.

Виктимология изменила ракурс, в котором традиционно рассматривался, да и сейчас рассматривается, человек, оказавшийся жертвой каких-либо криминальных или иных неблагоприятных для него обстоятельств. Она подошла к нему как к объективно значимому элементу конкретной опасной ситуации. Такой подход оправдан: многие преступления демонстрируют нам столь значительный «вклад» жертвы в происходящее с нею, что преступление нередко предстает как результат действия пары — преступника и жертвы. Более того, виктимология и причинителя вреда стала рассматривать с позиции жертвы, как потерпевшего, поскольку даже виновный человек становится таковым (и нередко) в силу мало зависящих от него обстоятельств [2, с. 43–44].

Наряду с общеприменимым в криминологии термином «жертва» криминальная виктимология оперирует обозначающим непосредственную жертву преступления термином «потерпевший» независимо от того, признается ли лицо, пострадавшее от преступления, потерпевшим или нет. Жертвы, поведение которых столь негативно, что исключает возможность их процессуального признания потерпевшими, для виктимологии представляют особый интерес, так как вносят в механизм преступления, как правило, наиболее весомый вклад. Виктимологию, таким образом, интересует не формально-логическое понятие потерпевшего, а его истинная роль [112, с. 8].

Соответственно предметом изучения виктимологии являются лица, которым преступлением причинен физический, моральный или материальный вред, в том числе и преступники; их поведение, находившееся в той или иной связи с совершенным преступлением (включая и поведение после него); отношения, которые связывали преступника и жертву до момента совершения преступления; ситуации, в которых произошло причинение вреда. Таким образом, виктимология изучает:

- ♦ морально-психологические и социальные характеристики жертв преступлений (потерпевших от преступлений),¹ чтобы ответить на вопрос, почему, в силу каких эмоциональных, волевых, моральных качеств, какой социально обусловленной направленности человек оказался потерпевшим;

¹ Далее — «потерпевший» и «жертва» как аналогичные понятия.

- ♦ отношения, связывающие преступника и жертву (потерпевшего),¹ чтобы ответить на вопрос, в какой мере эти отношения значимы для создания предпосылок преступления, как они влияют на завязку преступления, мотивы действий преступника;
- ♦ ситуации, которые предшествуют преступлению, а также ситуации непосредственно преступления, чтобы ответить на вопрос, как в этих ситуациях во взаимодействии с поведением преступника криминологически значимо проявляется поведение (действие или бездействие) жертвы (потерпевшего);
- ♦ посткриминальное поведение жертвы (потерпевшего), чтобы ответить на вопрос, что он предпринимает для восстановления своего права, прибегает ли к защите правоохранительных органов, суда, препятствует или способствует им в установлении истины;
- ♦ систему мероприятий профилактического характера, в которых учитываются и используются защитные возможности как потенциальных жертв, так и реальных потерпевших;
- ♦ пути, возможности, способы возмещения причиненного преступлением вреда, и в первую очередь физической реабилитации жертвы (потерпевшего).

Виктимология, следовательно, не может ограничиваться изучением потерпевшего от преступления (жертвы) на психологическом уровне, как отдельно взятого индивидуума.

В ее предмет входит и массовая уязвимость, уязвимость отдельных социальных, профессиональных и других групп. Чтобы решать научные, а главное практические, задачи, необходимо знать: каков удельный вес потерпевших от преступлений в общей массе населения; удельный вес отдельных групп населения в массе потерпевших; от каких преступлений и в каких отношениях оказываются потерпевшими различные категории лиц, различающиеся по социальным, морально-психологическим, физическим признакам.

Практическое использование виктимологических возможностей в борьбе с преступностью напрямую связано с ответами на вопросы:

- ♦ почему некоторые люди быстрее или чаще становятся жертвами преступлений (потерпевшими), чем другие (очевидно, здесь необходимо изучение уязвимости на психологическом уровне);

¹ Здесь и далее при употреблении термина «потерпевший» подразумевается жертва преступления, и наоборот.

- ♦ какова роль жертвы (потерпевшего) в механизме преступления;
- ♦ какое значение в криминологическом плане имеют отношения, связывающие преступника и его жертву;
- ♦ в какой мере общественная опасность преступника зависит от степени уязвимости жертвы (потерпевшего).

Иными словами:

- ♦ как соотносятся типичные характеристики различных преступлений с личностными качествами (пол, возраст, профессия и т. д.) и поведением жертв (потерпевших);
- ♦ каковы колебания (сезонные, суточные, удельный вес в общей структуре преступности) различных преступлений в зависимости от изменений структуры преступности в том или ином регионе;
- ♦ как влияет на реальную возможность совершения преступления определенным, склонным к этому лицом обстановка, обеспечивающая его контакты с лицами большей или меньшей уязвимости;
- ♦ в какой мере влияет «примерка» к конкретной потенциальной жертве на выбор способа совершения преступления;
- ♦ что представляет и от чего зависит сам процесс выбора преступником жертвы;
- ♦ как в организационном плане обеспечить выявление лиц, которые с наибольшей вероятностью могут оказаться жертвами (потерпевшими);
- ♦ какие меры воздействия на потенциальные жертвы (включая и принудительные для лиц негативного поведения), непосредственно обеспечивающие их безопасность, необходимо использовать, включив в общую систему мер профилактики преступлений;
- ♦ в каком направлении следует вести поиск новых возможностей этого характера [112; 128].

Криминальная виктимология активно развивается. Она осваивает значительную по объему информацию о жертвах и ситуациях различных преступлений. По мере того как их изучение «выводит» на конкретную личностную и ситуативную виктимологическую специфику, в ее составе формируются новые направления. Некоторые из них еще только появились, другие уже могут быть отнесены к частным виктимологическим теориям. В современной криминальной виктимологии представлены:

- ♦ виктимология насильственной преступности (в ее рамках — виктимология преступлений, посягающих на половую неприкосновенность); виктимология воинских преступлений; виктимология терроризма, захвата заложников, похищения людей;
- ♦ виктимология корыстной преступности; виктимология корыстно-насильственной преступности;
- ♦ виктимология экономической преступности (в ее рамках — виктимология преступлений, совершаемых в области кредитно-банковской сферы); пенитенциарная виктимология, виктимология преступности несовершеннолетних (ювенальная виктимология);
- ♦ виктимология преступлений против правосудия; виктимология преступлений, совершаемых по неосторожности, и др.¹

При формировании виктимологических частных теорий по понятным причинам нет возможности строго следовать уголовно-правовым критериям, так как непосредственная жертва может виктимогенно проявляться независимо от того, на какой объект уголовно-правовой охраны посягает преступник.

Мы уже имели возможность отметить различия в подходах к виктимологии как общей теории жертвы и виктимологии криминальной (криминологической), но этим дискуссия о ее статусе не ограничивается.

Она лишь переходит в иную плоскость, поскольку на современном уровне развития виктимологии наибольшую актуальность представляет ответ на вопрос, входит ли она в состав криминологии или находится вне ее, соответственно «работает» ли она в «криминологическом поле» или развивается как междисциплинарная наука. Эта дискуссия не затрагивает проблемы виктимологии как общей теории жертвы. Она относится исключительно к криминальной (криминологической) виктимологии, предмет которой — жертвы преступления.

По мнению Л. В. Франка и Ю. М. Антоняна, высказанному почти четверть века назад, виктимология, возникшая как научное направление в криминологии, должна будет со временем превратиться в

¹ Примером научной разработки проблем ювенальной виктимологии является книга Дж. Симсон, Г. Маккол «76 способов защитить вашего ребенка от преступников», а в области виктимологической педагогики — книга П. Статмен «Безопасность вашего ребенка». Проблемы воинской виктимологии исследуют Мацкевич И. М., Эминов В. Е. (Преступное насилие среди военнослужащих. М.: Юрист, 1994.) Дается по: Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2000. С. 11.

междисциплинарную отрасль научного знания, отдельную, самостоятельную научную дисциплину, выступающую как вспомогательная для криминологии, криминалистики, уголовного права и уголовного процесса [153, с. 73–78; 6, с. 64–65]. При таком подходе виктимология выводится за рамки криминологии и должна развиваться в качестве поставщика информации о потерпевшем всем наукам криминального цикла, в том числе и криминологии.

Аналогичного мнения придерживается и Б. В. Сидоров, рассматривающий криминальную виктимологию как межотраслевую юридическую дисциплину, имеющую прикладной характер [140, с. 19].

С точки зрения В. И. Полубинского, виктимология — это существующая параллельно с криминологией комплексная, междисциплинарная отрасль науки, предмет которой — жертвы преступлений (криминальная виктимология) и травматизма (травмальная виктимология). Отметим, что в этой позиции присутствует элемент виктимологии в широком смысле.

Криминальная виктимология, по мнению В. И. Полубинского, рассматривает проблему жертвы преступления с позиции уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Однако в предмет виктимологии он включает (вот где работает логика проблемы!) все же практически криминологические позиции:

- ♦ виктимность как специфическое биопсихосоциальное явление;
- ♦ количественные и качественные характеристики лиц, которым преступлением причинен ущерб;
- ♦ виктимогенную обстановку;
- ♦ природу и закономерности отношений жертвы и преступника;
- ♦ формы и методы защиты возможных жертв от преступных посягательств;
- ♦ порядок возмещения вреда [101, с. 37].

Авторы приведенных выше позиций сходятся в том, что виктимология — это междисциплинарная научная дисциплина, не входящая в состав криминологии.

С иной точки зрения виктимология является одним из направлений (отраслью) криминологии. В. Е. Кващис аргументированно возражает против определения виктимологии как науки междисциплинарной [49, с. 16–18].

Мы занимаем аналогичную позицию и полагаем, что на современном этапе виктимология (именно криминальная) (криминологиче-

ская) виктимология, поскольку в ином качестве она пока не существует) — это новое научное направление, развивающееся в рамках криминологии. Как таковая она, скорее всего, останется в составе криминологии и в том случае, если получат развитие исследования жертв не криминального происхождения, которые, что вполне возможно, сформируются в самостоятельную научную дисциплину. Поэтому возражать против такого термина не следует [40, с. 16]. Он полезен, так как указывает на сущностное содержание виктимологии жертв преступлений.

Виктимология изучает определенную (связанную с жертвой) часть явлений, имеющих место в сфере причин преступности и условий, способствующих совершению преступлений. Но именно эти явления только в полной их совокупности изучаются криминологией. Таким образом, предмет виктимологии в этой части — элемент предмета криминологии.

Виктимология возникла в криминологии не случайно. Она родилась на криминологическом материале, но осмысленном в новом ракурсе, с иных позиций. Сформировав в своих недрах виктимологию, криминологическая наука тем самым изменила традиционный подход к изучению и оценке обстоятельств, специфически реализующихся в явлении преступности. Новизна виктимологии не в том, что она «открыла» жертву как до того не известную криминологии. Жертва никогда не была для криминологии секретом. Обратившись к предмету, в принципе, известному (жертве), но практически почти не изученному, она в значительной мере изменила устоявшиеся привычные представления о криминологических механизмах, нашла новые пути проникновения в существо криминальных процессов и раскрыла резервы усиления профилактических возможностей в сфере контроля над преступностью. Криминология в процессе своего развития идет по пути углубления в существо исследуемых явлений, а это приводит к выделению в известной мере автономных сфер исследований. Отсюда и возникновение виктимологии как нового научного направления в криминологии.¹ Она и в дальнейшем будет развиваться в ее рамках как самостоятельное направление, отрасль или частная теория (в данном случае не столь важно). Это объективная ситуация, и изменить ее волевым решением, даже оформленным в научную позицию, вряд ли возможно.

¹ Ривман Д. В. Виктимология и профилактика преступлений. Дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1979. С. 23–24.

Пока виктимология будет иметь своим предметом только потерпевших от преступлений и все, что с ними связано, и тем самым оставаться только криминологической, она не выйдет из состава этой науки. Признание ее междисциплинарной, вспомогательной для уголовного права, уголовного процесса, криминалистики наукой ни в коей мере не изменит ее криминологического характера. Комплексная «глобальная» виктимология не «уведет» из криминологии виктимологию криминальной жертвы, потому что ее предмет — составная часть предмета криминологии и весь круг интересов сосредоточен в сфере преступности.

Изучение потерпевшего как действующей фигуры уголовного судопроизводства, как личности, с которой имеют дело оперативно-розыскные и следственные службы, конечно, необходимо и имеет многолетнюю историю. Однако его направленность, угол зрения иные, не криминологические (это вопросы следственно-судебной процедуры, оценки доказательств и др.). Все, что касается детерминационных проявлений потерпевшего, истории формирования его личности, реализации им типичных для него установок и оценочных позиций, уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность, уголовное право получают от виктимологии. Именно виктимологической (т. е., по существу, криминологической) информацией она и может им «помочь».

Возможен и обратный процесс — обогащение виктимологического знания информацией о потерпевшем в уголовном процессе, уголовном праве, криминалистике, оперативно-розыскной деятельности.

В конечном счете не столь уж важно, признается ли за виктимологией право на самостоятельное существование или ей отводится место в рамках криминологии. Таким образом, в отношении криминологической виктимологии, изучающей жертву преступления, обозримая перспектива связана только с криминологией.

Время ответит на вопрос о том, станет ли виктимология комплексной наукой о жертвах, виктимности и виктимизации во всем их спектре или параллельно сформируются научные дисциплины каждая со своим предметом (криминальными и не криминальными жертвами). За термином «виктимология» стоят отнюдь не мнимые, а реальные проблемы, изучение которых в интересах борьбы с преступностью, в целом защиты жертв, обеспечения их безопасности совершенно необходимо.

Как научное направление виктимология находит себе место и в Общей и в Особенной части криминологии: общие проблемы виктимологии являются элементом Общей части криминологии, а виктимология отдельных видов преступности, групп преступлений, групп

потерпевших входит в Особенную часть криминологии (это частные виктимологические теории).

Дискуссии по виктимологическим проблемам ведутся и за рубежом. Разброс мнений впечатляет: от признания виктимологии самостоятельной наукой (Б. Мендельсон) до признания ее частью криминологии (Х. Нагель) [173, с. 347]. Есть и сторонники полного отрицания какой-либо полезности виктимологии (Г. Кайзер) [46, с. 122, 125, 126].

Вряд ли нужно доказывать, что такая позиция неконструктивна. Даже за сравнительно короткий период практического обращения к виктимологическому аспекту борьбы с преступностью уже разработаны рекомендации, которые помогают многим потенциальным жертвам избежать виктимизации. Осуществление мер виктимологической профилактики позволило получить весьма ощутимый положительный эффект в предупреждении преступлений [61, с. 420].

1.2. Виктимологические идеи, представленные в религиозной и художественной литературе

Представления о жертве, которая не только своим поведением или отношением к тому, кто причиняет ей вред, но вообще самим фактом своего существования способствует возникновению опасной для себя ситуации, возникли много веков назад. Сведения о жертвах определенных психологических типов мы находим уже в древнегреческих мифах.

Царь Фив Эдип (герой мифа и трагедии Софокла «Царь Эдип», написанной на его основе) в силу неосознаваемых им обстоятельств оказывается мужем собственной матери и убийцей своего отца. Узнав о содеянном, он ослепляет себя. Эдип — тип невиновной или, точнее, по-особому виновной жертвы, обозначаемой сегодня как «комплекс Эдипа», «Эдипова вина».

В библейском сюжете о Каине и Авеле виктимологическая ситуация иная. Потенциальная жертва Авель осознает опасность, исходящую от брата, но в силу определенного психологического состояния (чувства некой вины перед ним) не противится обстоятельствам, идет с Авелем в поле, где и погибает от его руки. Авель иной, чем Эдип, тип жертвы: он — жертва с ощущением некой вины, поэтому не находит в себе сил к сопротивлению и как бы внутренне оправдывает действия причинителя вреда. Его поведение — объективно провоцирующее, хотя он этого не осознает.

Тип жертвы, которую мы сегодня определили бы как агрессивный с элементами не критичности, описан в сюжете о Самсоне и Далиле. Виктимное поведение Самсона характеризует его как неоправданно самоуверенного, переоценивающего свои силы. Этот тип жертвы связан с так называемым комплексом Самсона [148, с. 8–11; 153, с. 17–19; 102, с. 6].

Начиная со средних веков тема «виновной» и «невиновной» жертвы преступления находит отражение в художественной литературе.¹

Так, героиня романа известного английского писателя Д. Дефо (1661–1731) «Молль Флендерс» преступница Молль делится своим опытом совершения преступлений исходя из состояния жертвы. В зависимости от него она решает, прибегнуть ли к шантажу или просто обворовать человека, если он достаточно слаб, чтобы сопротивляться. Но Дефо очень точно прослеживает процесс не только криминализации, но и виктимизации Молль как начальный этап ее продвижения к «карьере» профессиональной воровки и проститутки. Молль выступает в романе не только как преступница, но и как жертва обмана обольстителя и собственного легкомыслия.

Персонаж романа того же автора «Полковник Джек» Билл со знанием дела говорит о легкомыслии тех, кто хранит свои бумажники в слишком просторных карманах [153, с. 19–20]. Поскольку автор говорит словами своего героя, следует признать, что в его произведениях есть высказывания, свидетельствующие о понимании роли жертвы в зарождении и развитии преступления. Сегодня для этого мы бы использовали термин «виктимологическая ситуация».

Один из героев повести другого английского писателя — Томаса Кинсея «Убийство, рассматриваемое как искусство» (20-е гг. прошлого столетия) характеризуется так: «Он был со всех точек зрения хорошим объектом для убийства... У него имелись деньги, но не имелось никакой возможности оказать хоть какое-то сопротивление». Автор повести проводит идею, что отдельные люди обладают определенными свойствами, делающими их более, чем других, предрасположенными к роли жертвы

¹ Влияние художественной литературы на формирование основных идей в современной виктимологии отмечено некоторыми зарубежными исследователями. См.: *Fattah A. La victimologie — qu'est — elle, et quel est son avenir? // Revue Internationale de Criminologie et de Police Technique. 1967. № 2, 113–124; № 3, 193–202; Amelunxen C. Das Opfer der Straftat. Hamburg, 1970; Schneider H. Victimologie. Wissenschaft von Verbrechensopfer. Tübingen, 1975.*

и даже зарождающими в сознании преступника намерение лишить их жизни [102, с. 6, 7].

В новелле «Причина» немецкого писателя Леонарда Франка (1882–1961) сюжетная линия очевидно виктимологична: поэт Зайлер убивает ненавистного с юношеских лет учителя, убедившись, что он не изменился и продолжает издеваться над беззащитными учениками. В механизме убийства решающую роль сыграли поведение жертвы, ее взаимоотношения с убийцей, причем между причиной и следствием лежит промежуток в двадцать семь лет.

В новелле другого немецкого писателя — Франца Верфеля (1890–1945) «Не убийца, а жертва виновата», вышедшей в свет в 1920 г., раскрывается процесс зарождения мысли о преступлении у отцеубийцы под влиянием и в результате накопления агрессивных аффектов, систематически насаждаемых отцом — будущей жертвой [154, 102].

Виктимологический аспект личностных отношений, деформированных буржуазным образом жизни, применительно к теме «преступник—жертва» с особой силой раскрывается в романе Теодора Драйзера «Американская трагедия» (1955). Криминально-виктимологический характер описываемой ситуации заключается в том, что Клайд (герой романа), намереваясь утопить беременную от него девушку, заманивает ее на озеро, однако не решается привести свой замысел в исполнение. В лодке происходит объяснение, обманутая девушка укоряет героя и угрожает ему разоблачением. Случайно лодка опрокидывается, и девушка тонет. На судебном процессе Клайд пассивен и безучастен, случившееся угнетает его настолько, что он психологически не в состоянии восстановить происшедшие события и не находит в себе сил для защиты. Это тип (хотя и своеобразный) преступника-жертвы [154, с. 21–22].

С потрясающей глубиной дан психологический анализ различных типов жертв, влияние не только поведения, но и самих качеств личности жертв на возникновение и развитие криминогенно-виктимных ситуаций в условиях социальной несправедливости, бессмысленных страданий и унижений, слащавости и корыстолюбия в произведениях Ф. М. Достоевского.

Один из героев его романа «Братья Карамазовы», Федор Павлович Карамазов, «человек не только дрянной и развратный, но вместе с тем и бестолковый», всей логикой своего отвратительного поведения последовательно создает и развивает конфликтную ситуацию, провоцирует свое ближайшее окружение. Это тот случай, когда жертва с неизбежностью доводит свою обреченность до логического завершения.

Его родной сын Дмитрий говорит об отце: «Вижу лишь развратного сладострастника и комичного комедианта».¹

Иной тип жертвы и иной механизм преступления раскрыты в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Жертва Раскольникова Алена Ивановна — злобная, алчная, безжалостная ростовщица, паразитирующая на стесненном материальном положении окружающих, спекулирующая на их несчастьи. Своим откровенно злобным, корыстным поведением она вызывает у Раскольникова непреодолимое отвращение, в конечном счете инициировавшее мысль об убийстве.

Выбор жертвы предопределен и личностью и социальным статусом жертвы. Это тип активной (хотя и неосознанно) провоцирующей жертвы, в отличие от кроткой и ни в чем неповинной Лизаветы, которая погибла под топором Раскольникова лишь потому, что случайно оказалась рядом с ростовщицей. Она — «случайная», нейтральная жертва.

В романах Ф. М. Достоевского глубоко раскрываются не только виктимологическая сторона преступлений, значение отношений между преступником и жертвой в генезисе криминологических механизмов, но и «самоубийственные» последствия совершаемых деяний для преступника: так, Раскольников «становится нравственным изгоем, жертвой своей идеи»; в его натуре есть и добро, и зло, но зло побеждает [102, с. 22–24; 153, с. 22–24].

Психология преступления с учетом роли жертвы отражена в произведениях А. П. Чехова. В рассказе «Убийство» раскрывается механизм преступления через взаимодействие преступника, жертвы, третьих лиц в конкретной ситуации как следствие предыстории отношений основных действующих лиц разыгравшейся трагедии.

В повести «Драма на охоте» представлены три типа жертв от преступлений, совершенных одним преступником: Ольга Николаевна, поведение которой было очевидно (хотя и неосознанно) провокационным, шаг за шагом приближавшим ее к развязке драмы; слуга Кузьма — своим поведением, явно неосторожным и нерешительным, он невольно способствовал нападению; садовник Франц, оставшийся без своих сбережений, так как, будучи человеком неосторожным, позволил преступнику лично проследить, где он прятал свои деньги [128, с. 18–22].

¹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1982. Т. 2. С. 7.

1.3. Возникновение и развитие виктимологии

Мысль о жертве как криминогенном факторе витала в воздухе. Обращение к жертве все более ясно представлялась необходимым в интересах борьбы с преступностью. В конце XIX—начале XX в. тема жертвы стала отчетливо звучать в сочинениях уже не только литераторов, но и юристов, психологов и, конечно, криминологов. Среди первооткрывателей виктимологической темы — автор исследования «Убийство и его мотивы» Ф. Т. Джас и А. Фейербах с его книгой «Документальное изложение знаменитых преступлений». Оба автора наряду с криминальной проблематикой обращаются и к жертве, являющейся с моральной точки зрения частично (наряду с преступником) ответственной за убийство. Описывая случай отцеубийства, Фейербах так говорит о жертве этого преступления: «Он сам был причиной всего, что с ним произошло, и ему принадлежит большая часть тяжелой моральной ответственности за собственное убийство» [101, с. 19–20].

В XX в. представители научного направления, получившего название «интеракционизм», провели ревизию всех криминогенных факторов и отметили значительную роль жертвы в криминализации личности. Фрагментарные исследования роли жертвы в преступлении предпринимались многими учеными. Так, в учебнике Э. Сазерленда «Криминология» третья глава посвящена жертвам преступления [44, с. 182; 45, с. 107–108].

Среди практиков, обративших внимание на важность учения о жертве преступления, канадский криминолог А. Фаттах называет американца А. В. Аллена, даже отводит ему роль основоположника виктимологии. В мае 1926 г. Аллен выступил с докладом, в котором отметил: «Когда совершается преступление, мы хватаем виновного и направляем к нему психиатра, чтобы тот его обследовал. Мне думается, что аналогичное обследование стоило бы проводить и в отношении некоторых жертв. Это дало бы большую пользу и для практики и для науки» [101, с. 20].

Установить ученого, которого можно было бы назвать единственным «отцом» или основоположником виктимологии в ее современном понимании, довольно трудно.

Создание виктимологии связывается с именами Ганса фон Гентига (1888–1974) и Бенджамина Мендельсона (1900–1998). Время рождения виктимологии, очевидно, следует соотнести с 1941 и 1947–1948 гг., когда были опубликованы разработанные ими ее основополагающие положения.

В 1941 г. появилась статья немецкого криминолога, эмигрировавшего в США, Ганса фон Гентига «Замечания по интеракции между преступником и жертвой»,¹ в которой он впервые противопоставил таким составляющим преступления, как «жертва» и «преступник», которые до этого рассматривались как механические, статичные понятия, динамическую концепцию преступности и преступного поведения, согласно которой жертва преступления не должна рассматриваться лишь как пассивный объект, ибо она — активный субъект процесса криминализации [173, с. 346]. Он показал, что, исследуя происхождение ситуаций по значительному количеству уголовных дел, можно найти жертву, которая либо поддается, либо содействует, либо провоцирует, т. е. является одним из причинных факторов. «Взаимоотношения между преступником и потерпевшим, — писал он, — вероятно, соответствуют взаимоотношениям между хищными и травоядными животными. Разница в отношениях между хищными и травоядными животными в мире животных и в отношениях между преступником и потерпевшим заключается в том, что хищным зверям приходится самим охотиться за добычей, в то время как жертва преступления во многих случаях, по-видимому, сама активно вводит в искушение преступника... Если мы считаем, что есть прирожденные преступники, есть и прирожденные жертвы».² Как видно, еще в ранних своих исследованиях Г. Гентиг подчеркивал наличие связи между жертвой и преступником и их взаимодействие в процессе совершения преступления [49, с. 10–11].

В 1948 г. Гентиг опубликовал монографию «Преступник и его жертва. Исследование по социобиологии преступности», в которой он сформулировал и развил принципиальные для виктимологии положения.

Гентиг выделяет три категории понятий, составляющих предмет виктимологии: а) посягатель-жертва, б) латентная жертва, в) отношения между посягателем (причинителем вреда) и жертвой.

Преступника и потерпевшего он рассматривает как субъектов взаимодополняющего партнерства. В ряде случаев жертва формирует, вос-

¹ См. *Hentig H. Remarks on the Interaction of Perpetrator and Victim // The Journal of Criminal Law and Criminology. 1941. V. 31. P. 303–309.*

В курсе советской криминологии Г. Гентиг назван ошибочно американским криминологом, и его фамилия пишется в другой транскрипции как Ханс фон Хентиг (см.: Курс советской криминологии. М., 1988. Т. 1. С. 169).

² *Hentig H. Remarks on the Interaction of Perpetrator and Victim // The Journal of Criminal Law and Criminology. 1941. V. 31. P. 303–309;*

питывает преступника и завершает его становление; она молчаливо соглашается стать жертвой; кооперируется с преступником и провоцирует его. Гентиг писал: «Негласное взаимопонимание преступника и жертвы является основополагающим фактом криминологии. Разумеется, никаких договоренностей, тем более паевых, при этом не заключается, однако имеет место интеракция, взаимодействие и обмен элементами причинности» [173, с. 350].

В монографии рассматриваются различные типичные ситуации и отношения, связанные с личностью и поведением жертвы, различные типы жертв, обладающих особой притягательностью для преступников, особенной возможностью к сопротивлению, бесполезностью для общества: старики, женщины, эмигранты («иноверцы»), национальные меньшинства, алкоголики, безработные, дети и др. В отдельные группы жертв выделяются «обезоруженные» (с нечистой совестью, совершившие преступление и потому не имеющие возможности сопротивляться вымогательству, шантажу) и, наоборот, «защищенные», т. е. богатые, способные обеспечить свою безопасность. Выделяются также «мнимые» жертвы, жертвы с отягощенной наследственностью, жертвы, склонные стать преступниками, и др. [153, с. 32].

В 1956 г. Г. Гентиг опубликовал многотомный труд «Преступление», последний том которого — «Жертва как элемент окружающего мира» — справедливо оценивается как «подлинная энциклопедия виктимологического учения, оказавшая огромное влияние на дальнейшее развитие не только виктимологии, но и криминологии в целом» [49, с. 12].

Наряду с Г. Гентигом первооткрывателем проблемы жертвы на принципиально новом уровне, создателем виктимологии и автором ее названия является Б. Мендельсон. В отличие от Г. Гентига, который никогда не использовал этот термин и не выводил виктимологию за пределы криминологии, Б. Мендельсон рассматривал ее как самостоятельную научную дисциплину.

В его докладе «Новые психосоциальные горизонты: виктимология», сделанном на конференции психиатров, состоявшемся в Бухаресте в 1947 г., и в более поздней работе «Новая отрасль биопсихосоциальной науки — виктимология» содержатся многие основополагающие положения виктимологии:

- а) рассматривается понятие «жертва» (называется пять групп жертв: совершенно невиновная («идеальная») жертва; жертва с легкой виной; жертва, равно виновная с посягателем; жертва более виновная, чем посягатель; исключительно виновная жертва);

б) вводятся понятия «уголовная чета» (дисгармоничное единство носителя агрессии и жертвы и, наоборот, гармоничное единство, как, например, бывает при криминальном аборте со смертельным исходом), «кандидат в жертвы», «добровольная жертва», «жертва-provokator», «жертва-агрессор», «индекс жертвенности» и др [147, с. 157; 153, с. 34].

В 1975 г. Б. Мендельсон опубликовал монографию «Общая виктимология», в которой развил свою концепцию виктимологии, связав ее с созданием «клинической» или «практической» виктимологии, в орбиту которой должны быть включены не только жертвы преступлений, но и жертвы природных катаклизмов, геноцида, этнических конфликтов и войн [49, с. 13].

Анализ воззрений основоположников виктимологии показывает, что они далеко не всегда последовательны в своих рассуждениях, некоторые позиции ими необоснованно абсолютизируются; очевидно, особенно в подходе к жертве, влияние биопсихологической концепции причин преступности. Вместе с тем позитивное содержание их работ, влияние на зарождение и становление виктимологии неоспоримо. Они инициировали интерес к виктимологической проблематике, дали импульс исследованиям в этом направлении.

Некоторые идеи и положения Г. Гентига получили свое дальнейшее развитие на психологическом уровне в работах швейцарского ученого Генри Элленбергера. Он более детально анализирует понятие «преступник-жертва», разные случаи, когда субъект может стать в зависимости от ситуации преступником или жертвой, последовательно — преступником, потом жертвой (и наоборот), одновременно — преступником и жертвой. Значительное место отводится так называемой прирожденной жертве и патологическим состояниям, порождающим виктимологические ситуации.¹

«Элленбергер поднимает вопрос о социальной изоляции как наиболее действенном факторе виктимизации, поскольку она развивает у изолированного человека “обман зрения” в отношениях с другими людьми и ведет к непродуманным действиям. Убийцы-рецидивисты ищут свои жертвы предпочтительно среди социально изолированных людей, потому что затраты усилий на них минимальны, как и связанная с этим опасность быть задержанными» [173, с. 347].

¹ *Ellenberger H. Psychologische Bizehnungen zwischen Verbrecher und Opfer // Zeitschrift für Psychotherapie und Medizinische Psychologie. 1954. № 4; Blenberger H. Relations psychologique entre le criminel et la victimes // Revue Internationale de Criminologie et de Police Technique. 1956. № 12.*

Идею создания науки виктимологии поддержал американский социолог Ф. Вертхам. В книге «Картина насилия» он писал: «Жертва убийства — забытый человек. За сенсационным обсуждением аномальной психологии убийцы мы забываем отметить отсутствие защиты со стороны жертвы. Нельзя понять психологию убийцы, не понимая социологии жертвы. Нам необходима наука виктимология». В другой работе — «Клеймо для Каина» — он обращает внимание на такой разгул насилия, который делает его уже привычным, как бы естественным в сознании общества.

«Насилие, — писал он, — представляется теперь уже не как нечто чрезвычайное и противоестественное, а, наоборот, подается как обыденное естественное явление в жизни современного общества. Оно совершается в таких масштабах и такими средствами, о которых в прежние времена не могла додуматься самая богатая человеческая фантазия... Американцы испытывают сегодня такое влияние пропаганды насилия, какого никогда не испытывало ни одно поколение ни одной цивилизованной нации» [153, с. 35].

В 1956 г. немецкий криминолог Г. Шульц ввел понятие преступления на почве личных отношений между преступником и жертвой.

Защитивший докторскую диссертацию «Основные проблемы виктимологии» (ФРГ, 1965) Ф. Р. Пааш, разделяя основные идеи Мендельсона, тем не менее считает виктимологию разделом криминологии. Предложенная им классификация жертв включает: жертв преступников; жертв собственных поступков; преступников, которые становятся жертвами; жертв, которые становятся преступниками. В диссертации представлены так называемые предполагаемые, возможные, взаимные, повторные жертвы; жертвы-посредники и жертвы-соучастники.

Швейцарский ученый Р. Гассер в книге «Виктимология. Критические размышления об одном новом криминологическом понятии» подробно излагает историю развития виктимологии, формулирует некоторые теоретические положения, исследует жертву на социологическом уровне (одинокая жертва, беженец, иностранный рабочий, жертва с особым семейно-брачным статусом, жертва большого скопления народа и др.). На психологическом уровне выделяются пассивная, неосознанно активная, осознанно активная, осознанно и неосознанно правонарушающая жертва. На биологическом уровне рассматриваются физио- и психопатологические черты жертв, жертвы с дурной наследственностью и «жертвы-рецидивисты». В работе есть и третья

часть — «Профилактика», посвященная мерам защиты жертв от посягательств.¹

В статье А. Фаттаха «Виктимология; что это такое и каково ее будущее?» рассматривается предмет виктимологии, дается расширенное понятие жертвы, к каковым автор относит не только физических, но и юридических лиц, а также общество в целом.

Немецкий криминолог Ильза Маттес в диссертации «Несовершеннолетние потерпевшие как свидетели по делам о преступлениях против нравственности» рассматривает жертв с позиции их отношения к совершенному преступлению и вытекающего из него поведения после преступления (сокрытие случившегося, сообщение родителям, другим лицам).

Предметом исследования М. Вольфганга стали не отдельные лица, а мелкие предприятия, нацменьшинства, расовые группы, жертвы геноцида и других международных уголовных преступлений.

Заметное место в виктимологических исследованиях в западных странах занимают работы Шнайдера («Виктимология», «Жертва и преступник — партнеры в преступлении»), В. Х. Нагеля («О месте виктимологии в криминологии», «Начало виктимологии»), С. Шафера («Жертва и ее преступник»), К. Миядзавы («Основные проблемы виктимологии») и др. [153, с. 36–37].

Виктимологические исследования проводились и проводятся также в Бельгии, Голландии, Швеции, Финляндии, Японии.

В Болгарии, Чехословакии, Польше, Венгрии виктимология также получила определенное развитие, и результаты виктимологических исследований нашли отражение в ряде интересных публикаций. К ним следует отнести труды болгарских ученых К. Кочева и Б. Станкова. Первый в монографиях «Общее понятие потерпевшего в уголовном процессе» (1968) и «Потерпевший как обвинитель в уголовном процессе» (1971) рассматривает проблемы активизации участия потерпевшего в уголовном процессе, его роль как источника информации о совершенном преступлении и т. д.

Второй в статье «Умышленные убийства несовершеннолетних (Роль конкретной жизненной ситуации, мотивы и мотивация преступления)» (1970) анализирует с виктимологических позиций взаимодействие субъективных и объективных факторов в конкретных криминальных ситуациях. Автор считает, что виктимология входит в состав криминологии.

¹ Gasser R. Victimologie. Chur, 1965. См.: Укрепление законности и правопорядка в период развитого социализма. Душанбе, 1973. С. 127.

Принципиальные теоретические положения формулирует в статье «К проблематике виктимологии» (1972) Йозеф Заплетал (Чехословакия). Автор рассматривает виктимологию как часть криминологии, занимающуюся жертвой, указывает на специфику связи между поведением жертвы и преступным намерением посягателя, отменяет, что виктимология известна латентная, врожденная (предопределенная) жертва.

В работе чехословацкого криминолога И. Котларжа «Некоторые сведения, полученные в результате исследования преступлений против нравственности» (1963) выделен раздел «Личность потерпевшего как фактор преступлений против нравственности». Автор приходит к выводу, что в этих преступлениях роль жертвы особенно значима.

В статьях польских авторов А. Бахраха «Криминологические и виктимологические аспекты автодорожных происшествий» (1956), Бруно Холыста «Роль потерпевшего в генезисе убийства» (1956), Антония Фриделя «Разбой в свете криминалистики и криминологии» (1974), Х. Канигонского и К. Степняка «Карманный вор и его жертва» (1991), «Кражи автомобилей» (1993), С. Пикульского «Убийство из ревности» (1990) рассматриваются применительно к специфике исследуемых преступлений «виновные» и «невиновные» виктимогенные предрасположения жертвы. В 1990 г. вышла в свет фундаментальная работа Б. Холыста по виктимологии, в которой с привлечением обширных социологических и психологических данных анализируется поведение жертвы преступления и ее роль в конкретной криминальной ситуации [137, с. 60].

В 1961 г. в ГДР вышли из печати работы Л. Феикса «Борьба с половыми преступлениями против детей» и «Значение виктимологии в уголовном расследовании на примере сексуальных преступлений», в одной из глав которой приводятся интересные данные о потерпевших детях. Другой немецкий автор — М. Блюменталь опубликовал статью «Несовершеннолетние жертвы и посягатели в преступлениях против нравственности».

Следует отметить также статью венгерского криминолога Эндрю Кароя «Виктимология — новое направление современной криминологии» (1969) и доклад того же автора и Йожефа Вига на VI Международном конгрессе по криминологии в Мадриде «Роль виктимологии и ее значение в системе криминальных исследований в Венгрии, Советском Союзе и других социалистических странах» со специальным акцентом на преступлениях, совершаемых путем насилия (1970). Это далеко не полный перечень работ виктимологического характера, опубликованных в 1960–70-х гг. теперь уже прошлого века [153, с. 60–73].

Особое внимание итальянских виктимологов привлекают проблемы оказания помощи жертвам похищения, половых преступлений, преступлений против престарелых [141, с. 77].

В Хорватии в рамках виктимологических исследований были проведены исследования, посвященные защите детей и несовершеннолетних, ставших жертвами войны [11, с. 42].

С 1973 г. проводятся международные конгрессы, конференции, симпозиумы по виктимологии: 1973 г. (Иерусалим, Израиль); 1975 г. (Белладжо, Италия); 1976 г. (Бостон, США); 1979 г. (Мюнстер, ФРГ); 1980 г. (Вашингтон, США); 1982 г. (Токио, Япония); 1989 г. (Загреб, бывшая Югославия).

В 1979 г. в Мюнстере в период работы III симпозиума было образовано под эгидой ООН Всемирное виктимологическое общество.

В Советском Союзе история виктимологии как самостоятельного научного направления открывается публикацией в 1966 г. проблемной статьи «Об изучении личности и поведения потерпевшего (Нужна ли советская виктимология?)», автор которой доцент Таджикского государственного университета Л. В. Франк в дальнейшем на протяжении многих лет плодотворно работал в этом направлении.

Перу Л. В. Франка принадлежат монографии: «Виктимология и виктимность» (1972); «Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии» (1977); статьи: «Виктимология как вспомогательная дисциплина криминологии и криминалистики» (1966); «Потерпевший от преступлений, совершаемых рецидивистами» (1968); «Несовершеннолетние как потерпевшие и правонарушители» (1968) и десятки других публикаций. Он подготовил докторскую диссертацию, которую, к сожалению, не успел защитить.

Заслуги Л. В. Франка перед виктимологией неоспоримы: он первым сосредоточился на проблеме жертвы, первым выдвинул идею формирования виктимологии в качестве самостоятельной научной дисциплины, разработал ряд виктимологических терминов и понятий и ввел их в научный оборот.

Параллельно с Л. В. Франком в последующие годы и по настоящее время исследованием виктимологических проблем занимается автор настоящей работы. (В 1979 г. им защищена докторская диссертация «Виктимология и профилактика преступлений», опубликовано около 140 работ по разным аспектам виктимологии, включая монографии «Потерпевший от преступления: личность, поведение, оценка» (1973); «Виктимологические факторы и профилактика преступлений» (1975);

«Виктимологический аспект аналитической работы в органах внутренних дел» (1977); «Виктимология» (2000) (в соавторстве с В. С. Устиновым)).

В 1970–90-е гг. наряду с множеством статей, полностью или частично посвященных виктимологическим проблемам, изданы монографии, в которых рассматриваются история и истоки виктимологии, ее основополагающие положения, терминология, понятийный аппарат, научный статус, перспективы теоретического развития и практического использования результатов и т. п. Их авторы — В. И. Полубинский («Криминальная виктимология. Что это такое?» (1977); «Правовые основы учения о жертве преступления» (1979); «Практические аспекты криминальной виктимологии» (1982)); В. Я. Рыбальская («Виктимологические проблемы преступности несовершеннолетних» (1983)); В. П. Коновалов («Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений» (1982)); Д. В. Ривман, В. С. Устинов («Виктимология» (1998)); «Виктимология» (2000)).

В период 1990–2000 гг. защищены докторские диссертации (В. Я. Рыбальская «Виктимологические проблемы преступности несовершеннолетних» (1983); В. В. Вандышев «Теоретические и практические аспекты взаимосвязи криминалистики и виктимологии» (1989)) и диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук (В. Г. Скрипкин «Личность и поведение потерпевшего от умышленных тяжких и менее тяжких телесных повреждений» (1984); О. В. Лукичев «Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства» (1997); А. Г. Горшенков «Виктимологический аспект предупредительного воздействия на преступность в сфере массовой информации» (1999); Ю. С. Шафиков «Реализация взаимосвязей “жертва — организованная преступная группа” в деятельности следственных и оперативных работников» (1999); А. А. Глухова «Виктимологические факторы преступности» (1999); С. В. Надтока «Виктимологические факторы профилактики насильственных преступлений» (1999); Е. А. Гинтовт «Изнасилование: криминологическая характеристика, предупреждение, проблема защиты жертв» (2000); Д. Р. Усманова «Криминологические проблемы внутрисемейного преступного насилия» (2000); А. В. Федоров «Криминология как частная криминологическая теория и проблемы ее практического применения» (2000); А. П. Некрасов «Профилактика пенитенциарной преступности» (2000); Н. М. Николаев «Правовые и организационные аспекты обеспечения личной безопасности осужденных к лишению свободы» (2001) и др.). Содержание этих

исследований имеет для виктимологии и теоретическое, и прикладное значение.

Активно работают над виктимологической проблематикой также А. Ю. Арефьев, Г. Н. Горшенков, Е. Е. Центров и др.

Виктимологические аспекты в рамках других тем исследуют криминологи и криминалисты: Ю. М. Антонян, Ю. В. Бышевский, К. К. Горяинов, П. С. Конев, А. Н. Красиков, Н. Ф. Кузнецова, Э. Ф. Побегайло, О. В. Старков, Д. А. Шестаков и др.

В отечественных монографиях и учебниках по криминологии виктимология в последние годы также нашла свое место («Криминология» под редакцией Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой и Г. М. Миньковского (1988) [47]; «Криминология» под редакцией И. И. Карпеца и В. Е. Эминова (1992) [51]; «Криминология» под редакцией Н. Ф. Кузнецовой и Г. М. Миньковского (1994); «Криминология» под редакцией В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова (1995) [48].

В Санкт-петербургских изданиях курса лекций по криминологии (1995 и 1998 гг.) в главе «Механизм индивидуального преступления» (автор Д. В. Ривман) имеется параграф под названием «Виктимологический аспект конкретного преступления», а в одноименном учебнике издания 1999 г. — параграф «Виктимология» [60].

В учебник под редакцией А. И. Долговой включены параграфы «Основы виктимологической профилактики» (глава «Предупреждение преступности») и «Виктимологическое направление изучения причин преступности» (глава «Социологическое направление криминологии»). В учебном пособии Г. Н. Горшенкова отдельная глава посвящена виктимологическому учению в криминологии [31, с. 128–149]. В седьмой главе двухтомного курса «Советской криминологии» (1985), посвященной понятию и природе преступности, соответствующий параграф называется «Виктимологические аспекты преступности» [73, с. 152–168].

Представляется, что положительные результаты использования виктимологических данных, учета фактора жертвы в решении практических задач борьбы с преступностью убеждают в необходимости изучения виктимологии, а соответственно и помещения в монографической и учебной литературе материалов по виктимологической проблематике [128, с. 31–32].

Жертва (потерпевший от преступления)

2.1. Понятия «жертва» и «потерпевший от преступления». Соотношение понятий

Центральное, стержневое понятие виктимологии — жертва (лат. — *victima*, англ. — *victim*, франц. — *viktime*, откуда и название самой науки). Однако в отечественной виктимологии наряду с термином «жертва» изначально используется термин «потерпевший». Им оперируют авторы первых наиболее значительных монографий и многих последующих публикаций по виктимологии. Сложилась определенная традиция и вместе с тем необходимость решить, какой из этих терминов следует предпочесть и нужно ли вообще развивать идею их конкуренции.

Для виктимологии как общей теории жертвы, предмет которой — пострадавшие в любых ситуациях не криминального характера (экологических катастроф, стихийных бедствий, отказов техники и т. п.) термина «жертва» вполне достаточно, хотя он обозначает пострадавшего, не детализируя механизма причинения вреда.

Однако такая нивелировка не подходит, когда речь идет о лице, которому причинен вред непосредственно преступлением. Это тоже жертва, но ставшая таковой в совершенно ином правовом поле. Криминальной (криминологической) виктимологии необходим термин, учитывающий это обстоятельство, а именно «потерпевший». Без него криминальной виктимологии не обойтись. Отказ от его использования в виктимологии практически ставит знак равенства между жертвой любых проявлений жизнедеятельности человека и жертвой преступника, а в более узком плане — непосредственной и опосредованной, потенциальной и реальной

жертвой, каковая, собственно, и есть потерпевший от преступления. Опасаться, что использование в виктимологии наряду с термином «жертва» термина «потерпевший» может привести к смещению соответствующих виктимологического и уголовно-процессуального понятий, нет оснований. Во всяком случае, пока такого не произошло.

Л. В. Франк отмечал, что виктимологическое понятие потерпевшего не должно быть связано с процессуальным признанием гражданина таковым [153, с. 40–41].

В виктимологическом плане потерпевший — это непосредственная жертва преступления, что и оправдывает использование в криминальной (криминологической) виктимологии как равнозначных обоих терминов, обозначающих феномен жертвы. Вместе с тем представляется логичным при обозначении жертв-носителей криминально обусловленной и тем более реализованной виктимности оперировать преимущественно термином «потерпевший».

В соответствии со ст. 53 УПК РСФСР потерпевший в уголовном процессе — это лицо, признанное в качестве потерпевшего в установленном законом порядке (субъективный критерий) в связи с причинением ему преступлением морального, физического или имущественного вреда (объективный критерий).

Следовательно, процессуальное понятие потерпевшего представляет (в обязательном порядке) единство объективного (содержания) и субъективного (формы) критериев.

Понятие потерпевшего в виктимологии основывается на объективном критерии, отражающем реальное событие, — наличие вреда, ущерба, причиненного преступлением. Если лицо, непосредственно пострадавшее от преступления (т. е. реальная жертва), не признано потерпевшим, оно, независимо от этого, является таковым. Будучи формальным актом, процессуальное решение не может «отменить» факта причинения вреда.

Таким образом, виктимологическое и уголовно-процессуальное понятия потерпевшего не совпадают. Они близки, но выполняют различные функции. Разночтения в понятиях потерпевшего необходимо учитывать, но заниматься их унификацией или рассматривать в конкурентном плане нет смысла. Виктимология должна использовать собственные термины и понятия потерпевшего и жертвы.

Виктимология изучает различные проблемы, связанные с причинением вреда. Естественно, в первую очередь она обращается к личностным качествам и поведению жертв как факторам криминогенно-викти-

могенной детерминации. Именно поэтому среди терминов и понятий виктимологии наиболее важное значение имеют «потерпевший», «жертва», «виктимность», «виктимизация», «виктимогенная» и «виктимологическая ситуация».¹ С ними связано понимание всего, чем должна заниматься виктимология; с них начинается определение границ виктимологической проблематики.

Есть две позиции относительно того, что представляет собой жертва в виктимологическом смысле.

Первая — это человек или определенная общность людей в любой форме их интеграции, которым прямо или косвенно причинен вред преступлением [153, с. 85; 136, с. 41; 54, с. 6, 350, 351].

В западной виктимологии ряд ученых относят к жертвам не только физических и юридических лиц, но даже общество, государство и международный порядок в целом [173].

В отечественной виктимологии эту позицию представляет В. П. Конвалов [51, с. 6].

Вторая — это физическое лицо, человеку, которому непосредственно преступлением причинен физический, моральный или материальный вред [122, с. 16].

Очевидно, что эти точки зрения не следует ни противопоставлять, ни абсолютизировать. Здесь нужно исходить из понимания сущности феномена жертвы и точного представления о границах и целях ее изучения в рамках криминальной (криминологической) виктимологии. Кроме того, применительно к этой проблеме надо различать понятия жертвы и потерпевшего.

С нашей точки зрения, жертва — это преимущественно физическое лицо, которому непосредственно причинен вред. Именно физические лица являются основным предметом виктимологического изучения.

Жертвой в понимании ее с позиций криминологической виктимологии может быть и общность людей, но лишь в определенной форме их интеграции, обуславливающей наличие аддитивной виктимности (о понятиях интегративной жертвы, виктимности и ее видах — ниже).

¹ Термин (от лат. *terminus* — граница, предел) — слово или сочетание слов, употребляемые с оттенком специального научного значения. Понятие — форма мышления, отражающая существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений. Основные логические функции понятия — выделение общего, которое достигнуто посредством отвлечения от всех особенностей отдельных предметов данного класса (см.: Советский энциклопедический словарь, 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 1316, 1035).

Мы исходим из того, что «общности людей в любой форме их интеграции» в качестве жертвы преступления (предмета криминальной виктимологии) реально не существует, поскольку при таком подходе к жертвам можно причислить все что угодно, даже общество в целом. Это делает виктимологию наукой без границ и фактически без предмета. «Общность людей в любой форме их интеграции» если и может быть признана жертвой, то только не в криминальной виктимологии. Понятия «потерпевший» и «жертва» в данном случае — разнопорядковые [122, с. 17].

1. Потерпевшим от преступления может быть признано и юридическое лицо, но оно не обладает качествами жертвы. Интегративная жертва появляется там, где ущерб от преступных действий, даже направленных против общности, материализован в причинение вреда непосредственно лицам, составляющим эту группу. В этом смысле общность людей, представляемая как жертва, — это совокупность жертв — физических лиц.

Условно говоря, у интегративной жертвы должна быть «живая душа», какой нет у организации, предприятия и т. п.

Таким образом, интегративная жертва — это не любая, а лишь такая общность людей, которая обладает определенными признаками.

1. Все лица, составляющие общность, должны обладать хотя бы одним общим для них качеством, обуславливающим виктимную предрасположенность в рамках общей или специальной виктимности (например, при геноциде это национальность; при криминальной приватизации — принадлежность к группе держателей акций и т. д.).
2. Общность в целом должна обладать аддитивной (интегративной) виктимностью.
3. Внутренняя структура общности, ее ролевые составляющие должны быть такими, при которых виктимизация общности невозможна иначе как причинением непосредственного вреда большинству или всем ее членам.

Общность приобретает аддитивную виктимность только вследствие интеграции.

Аддитивная (интегративная) виктимность (потенциальная и реализованная) — это качество уязвимости, обусловленное групповой предрасположенностью лиц, составляющих общность (группу), по характеру, степени и приближенности к реализации. Аддитивная (ин-

регрессивная) виктимность качественно отличается от индивидуальной потенциальной виктимности ее (общности) участников. Она принципиально иная и не является простым сложением индивидуальных виктимных предрасположений; она:

- ♦ всегда ситуативна: в значительной и даже решающей степени определяется внешними для общности факторами;
- ♦ внутренне противоречива: участники общности могут оказаться жертвами именно как таковые, но вред, причиненный непосредственно им, может быть различным;
- ♦ может реализоваться в форме самопричинения вреда в случае конфликта внутри общности.

Содержание понятия (и реальное положение) потерпевшего от преступления как физического лица в социально-психологическом плане связано с его статусом (совокупностью прав, обязанностей, кругом деятельности как в рамках уголовного процесса, так и вне его), позицией (поведением в зависимости от отношений между потерпевшим и преступником, потерпевшим и другими лицами, включая «сопотерпевших») и ролью в криминогенно-криминальном механизме. Эта роль может быть активной и пассивной, осознанной и неосознанной, решающей и второстепенной; ограничиваться непосредственно ситуацией причинения вреда и быть важнейшим элементом формирования преступника в этом его качестве и др. [153, с. 81–84]. Соответственно жертва преступления может быть активной и пассивной; осознающей сущность и последствия своего поведения или остающейся в неведении; близко связанной с причинителем вреда и вовсе с ним незнакомой; способной или не способной к сопротивлению и др.

Следует также различать потенциальных (в отношении которых реального причинения вреда еще не произошло), реальных (уже понесших ущерб), а также латентных (реальных, но по тем или иным причинам оставшихся вне официального учета) жертв преступлений. Для виктимологии латентные жертвы, потерпевшие, намеренно избегающие огласки факта причинения им вреда, представляют особый интерес.

Любой потерпевший, любая жертва преступления, как потенциальная, так и реальная, обладает определенными качествами, делающими ее в большей или меньшей степени уязвимой.

Очевидно, что определенные личностные качества, определенное поведение, специфичное общественное или служебное положение

создают предрасположенность к более вероятному причинению данному лицу физического, морального или материального вреда.

Совершенно бесспорно, что, например, уязвимость женщины, ребенка, старика от преступлений насильственного характера большая, чем у молодого мужчины, уже потому, что они, как правило, физически слабее преступника. В определенных случаях жертвой преступления может быть только женщина или только лицо, не достигшее 14 или 16 лет. Предрасположением к повышенной уязвимости может быть и исполнение лицом определенной социальной роли — профессия, общественные обязанности. Личностная уязвимость имеет сложную структуру, в которой предрасположения (субъективные и объективные качества) актуализируются конкретной ситуацией и превращаются в предпосылки причинения вреда. Большая предрасположенность далеко не всегда выражается в большей реализованной виктимности. Здесь многое решает ситуация. Предрасположенность становится предпосылкой лишь как элемент конкретной ситуации [113, с. 11].

Качество, о котором идет речь, обозначается в виктимологии термином «индивидуальная виктимность». К нему мы и обратимся.

2.2. Индивидуальная виктимность

Термин «виктимность» введен в научный оборот Л. В. Франком, однако относительно понятия «виктимность» практически с «рождением» термина появились различные точки зрения. В основном расхождения касаются:

- а) структурных элементов виктимности;
- б) ее оценки как состояния и объективного свойства лица;
- в) момента возникновения потенциальной виктимности;
- г) соотношения и зависимости потенциальной и реализованной виктимности.

Рассмотрим индивидуальную виктимность с позиций ее объективного содержания, что позволит предложить наше понимание этого феномена и его определение.

Л. В. Франк первоначально определил индивидуальную виктимность «как реализованную преступным актом “предрасположенность”, вернее, способность стать при определенных обстоятельствах жертвой преступ-

ления или, другими словами, неспособность избежать опасности там, где она объективно была предотвратима» [148, с. 22]. Как видно из этого определения, Л. В. Франк рассматривал индивидуальную виктимность как реализованную преступным актом личностную предрасположенность, способность. Учитывая высказанные по этому поводу критические замечания [123, с. 18–28], он изменил свою позицию, признав, что индивидуальная виктимность — это не только реализованная, но и потенциальная способность «тех или иных лиц стать потерпевшими или, иными словами, неспособность избежать преступного посягательства там, где объективно это было возможно» [153, с. 8]. При этом имеется в виду не усредненная, а повышенная способность стать жертвой «в силу ряда субъективных и объективных обстоятельств» [153, с. 108].

Следовательно, по Франку, индивидуальная виктимность — это потенциальная, а равно и реализованная повышенная способность стать жертвой преступного посягательства при условии, что объективно этого можно было бы избежать.¹

В. И. Полубинский, критикуя определение Л. В. Франка, приходит к выводу, «что при определении виктимности конкретного человека речь должна идти не обо всякой его повышенной способности становиться жертвой преступления, а лишь о такой, которая непосредственно связана с какими-либо особенностями личности и поведения самого пострадавшего или с его специфическими взаимоотношениями с причинителем вреда».

В. И. Полубинский определяет индивидуальную виктимность как «...свойство данного человека, обусловленное его социальными, психологическими или биофизическими качествами (либо их совокупностью), способствующее в определенной жизненной ситуации формированию условий, при которых возникает возможность причинения ему вреда противоправными действиями» [101, с. 32–33],

Иначе говоря, виктимность конкретного индивида представляет собой потенциальную способность его оказаться в роли жертвы преступления в результате отрицательного взаимодействия его личностных качеств с внешними факторами. Преступлением лишь реализуется такое свойство, объективируется данная способность [101, с. 34].

¹ Индивидуальную виктимность как повышенную способность стать жертвой рассматривает также В. П. Коновалов (Коновалов В. П. Виктимность и ее профилактика // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. Иркутск, 1982. С. 25).

В. И. Полубинский, хотя и критикует Л. В. Франка, практически занимает аналогичные позиции, признавая, что виктимность — это потенциальная способность, повышенная по отношению к некоему среднему уровню. Однако, и это существенно, В. И. Полубинский связывает виктимность исключительно с субъективными качествами индивида. Внешним факторам он отводит роль реализаторов потенций виктимности.

И Л. В. Франк, и В. И. Полубинский полагают, что потерпевшим от преступления может стать индивид, вообще не обладающий какой-либо потенциальной виктимностью. Иначе говоря, виктимизация не связывается с реализацией виктимности за исключением случаев повышенной способности оказаться в роли жертвы.

Обратимся к критическим соображениям по поводу этих определений, тем более что они не полностью совпадают.

Начнем с того, что определенное поведение, социальная роль, статус, если они создают «предрасположенность» к тому, что лицо при определенных обстоятельствах может стать жертвой преступления, выражают специфическое свойство этого лица, связанное с его личностными качествами. Это свойство — одно из составляющих качества индивидуальной виктимности, представляющей не что иное, как состояние уязвимости, зависящее не только от субъективных, но и объективных факторов.¹

Индивидуальная виктимность, следовательно, складывается из личностного и ситуационного компонентов, причем качественная характеристика первого находится в системной зависимости от второго.

Личностный компонент индивидуальной виктимности — это способность стать жертвой в силу определенных, присущих индивиду субъективных качеств. Условно говоря, это — виктимная годность определенного лица.

Повышенная степень уязвимости за счет личностного компонента виктимности вытекает из наличия соответствующих виктимных предрасположений, т. е. социальных, психологических, биофизических качеств, повышающих степень уязвимости индивида и проявляющихся в большей мере активно.

¹ В. П. Коновалов также различает личностно-психологическую и ролевую виктимность как компоненты индивидуальной виктимности (Коновалов В. П. Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений. М.; ВНИИ МВД СССР, 1982. С. 8).

Без виктимной способности (годности) нет виктимности как таковой. Виктимная предрасположенность, делающая индивида, в принципе, легкой добычей, например, вора-карманника, сведется на нет, если у этого индивида нет кармана и кошелька. Этот человек в данных конкретных условиях не способен стать жертвой кражи.

В рассматриваемом плане индивидуальная виктимность, следовательно, — это не способность, а повышенная индивидуальная виктимность — сочетание способности и предрасположенности стать жертвой, причем способность в большей или меньшей степени усиливается наличием предрасположений. Исходя из этого, мы полагаем, что позиция, из которой следует возможность для конкретного лица оказаться жертвой преступления, т. е. приобрести реальную, реализованную виктимность, не будучи потенциально виктимным, принципиально неверна. Каким бы, на первый взгляд, «невиктимным» ни казался человек, как бы идеально он себя ни вел, стать жертвой лишь за счет внешних обстоятельств он не может. Необходима еще сумма личностных качеств, определяющих способность стать жертвой, понести ущерб. Связь между личностными компонентами виктимности двусторонняя. Если виктимная способность может реализоваться (а при рядовой, обычной виктимности так и происходит) практически при отсутствии виктимных предрасположений, то противоположный вариант реализации невозможен.

По логике понятий, предложенных Л. В. Франком и В. И. Полубинским, индивидуальная виктимность, «...как повышенная способность человека в силу социальной роли или ряда духовных и физических качеств при определенных обстоятельствах становиться потерпевшим», приобретает им от какого-то конкретного уровня. И это действительно так. Суть лишь в том, что этот уровень — не отсутствие виктимности, а та самая «нормальная», «средняя» потенциальная индивидуальная виктимность, та способность стать жертвой, которую указанные авторы не заметили.

Любой индивидуум потенциально виктимен, поскольку он, находясь в определенной жизненной обстановке, включаясь в сплетение разноплановых социальных отношений, может оказаться жертвой преступления. Он не приобретает виктимность. Наоборот: просто не может быть потенциально невиктимным. Но это, разумеется, вовсе не означает, что ему «суждено стать жертвой с неизбежностью и предопределенностью».

Виктимные предрасположения, виктимная способность — специфические личностные качества — относительны. Они существуют объективно только как системные элементы. Если конкретная ситуация их реализации есть лишь частный случай на уровне единичного

факта, то качествами виктимной потенции их делает состояние общества, еще не изжившего преступность. В этом смысле индивидуальная виктимность есть состояние уязвимости лица, связанное с состоянием общества и заключающееся в возможности реализации (или нереализации) качеств, ему присущих, в ходе совершения в отношении него преступления. Субъективные качества виктимности объективируются как элементы системы «человек — среда».

Очевидно, нельзя ставить свойство виктимности в зависимость от того, могла ли жертва объективно предотвратить грозившую ей опасность (как это делает Л. В. Франк). Ведь тогда надо признать, что грудной ребенок невиктимен, так как его объективная возможность противодействовать преступнику равна нулю. Вместе с тем признание виктимности не только состоянием, но и свойством человека ни в коей мере не относится к концепции латентной, врожденной жертвы, так как объективно виктимность не связана с какой-либо фатальностью, неизбежной предопределенностью причинения вреда. В конечном счете виктимность — явление социальное.

Таким образом, индивидуальная виктимность — это обусловленное наличием преступности состояние уязвимости отдельного лица, выражающееся в объективно присущей человеку (но не фатальной) способности стать жертвой преступления. Реализованная преступным актом или оставшаяся в потенции, эта уязвимость зависит от субъективных и объективных predispositions и в конечном счете выступает как неспособность противостоять преступнику, определяемая совокупностью факторов, делающих ее объективной (не зависящей от жертвы) или составляющих ее на уровне субъективного «нежелания или неумения».

Виктимность характеризуется и таким качественным параметром, как универсальность, т. е. возможность реализации в ситуациях более или менее широкого круга преступлений. В этом плане виктимность проявляется как общая и специальная (или избирательная) характеристики человека. Эти характеристики не выражают степени уязвимости человека (повышенная, средняя, пониженная виктимность). Они лишь представляют максимально полный для данного человека «набор» общих и специальных виктимных потенций, каждая из которых может проявляться в различной (от минимальной до самой высокой) степени.

Выявление применительно к каждому объекту виктимологической профилактики его общей и специальной виктимности имеет большое значение, так как позволяет определить направления профилактического воздействия (исходя из количественной характеристики, набора

виктимных предрасположений) и необходимую его интенсивность (учитывая выраженность этих предрасположений, т. е. виктимных потенциалов). Это тем более важно, так как нередко человек характеризуется противоположными параметрами виктимной потенции: например, может легко защититься от нападения, но совершенно не способен разобратся в уловках мошенника, или наоборот. Вместе с тем виктимность как состояние уязвимости относительна, так как всегда реализуется в ситуации, оказавшейся для этого достаточной. Одинаковые личностные качества, аналогичное поведение могут привести к различным последствиям в зависимости от конкретной ситуации [123, с. 23–27; 113, с. 11–15; 128, с. 41–46].

Исходя из характера и степени выраженности личностных качеств, определяющих индивидуальную виктимную предрасположенность, можно выделить несколько типов жертв.

1. Универсальный (универсально-виктимный) тип.

К этому типу относятся лица, обладающие явно выраженными личностными чертами, определяющими их высокую потенциальную уязвимость в отношении различных видов преступлений. Это обладатели виктимных предрасположений, реализация которых возможна в ситуациях различных преступлений. Жертвы этого типа могут характеризоваться как типичной для них активностью виктимного поведения, так и пассивностью.

2. Избирательный (избирательно-виктимный) тип.

К этому типу относятся лица, обладающие высокой уязвимостью в отношении определенных видов преступлений. Виктимная предрасположенность может обуславливаться типичными формами поведения в сочетании с характером конфликтных ситуаций. Например, бытовая агрессивность имеет следствием причинение вреда жизни или здоровью, коммерческая деятельность связана с причинением имущественного вреда и др.

3. Ситуативный (ситуативно-виктимный) тип.

Потерпевшие этого типа обладают средней потенциальной виктимностью и оказываются жертвами преимущественно в результате стечения ситуативных факторов, опасность которых оказалась для них непреодолимой.

4. Случайный (случайно-виктимный) тип.

Жертвы этого типа оказываются таковыми в результате случайного стечения обстоятельств (например, в ДТП).

5. Профессиональный (профессионально-виктимный) тип.

Виктимность жертв этого типа связана с их профессиональной занятостью.

Надо, однако, учитывать, что у жертв всех типов есть общая, базовая, «незаметная» потенциальная виктимность, от которой, собственно, и идет отсчет всех количественных и качественных параметров индивидуальной виктимности.

2.3. Социально-демографическая характеристика жертв (потерпевших от преступлений) и основания их классификации

Потерпевший является объектом изучения уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, судебной медицины, судебной психиатрии, но каждой из этих дисциплин он интересен в различных отношениях, и сама степень этого интереса существенно различается [152, с. 185–186].

Современная (во всяком случае, отечественная) криминология пока проявляет свой интерес к потерпевшему лишь как к элементу криминологической ситуации, не вдаваясь в далекую предысторию формирования у него личностных виктимных предрасположений. Собственно, поэтому и появилась виктимология, взявшая на себя функцию изучения жертвы преступления (потерпевшего) с тем, чтобы синтезировать и систематизировать разноплановые и разрозненные данные о потерпевшем в единое целое в целях более глубокого и всестороннего понимания причин преступлений и условий, способствующих их совершению. Такая систематизация, в свою очередь, позволит осуществить обобщение полученных данных и сделать выводы о том, что является типичным как для ситуаций, в которых происходит причинение вреда (нам еще предстоит их рассмотреть), так и непосредственно для личности потерпевших. Технологически решение этой задачи связано с применением различных по основаниям классификаций потерпевших, учитывающих их субъективные и объективные характеристики. Рассмотрим эти классификации.

Классификация потерпевших по половой принадлежности

Пол нередко играет существенную роль в механизме преступления, поскольку является необходимым условием совершения того

или иного преступления. Есть преступления, в которых потерпевшим может быть лицо только определенного пола. Например, потерпевшей от изнасилования или насильственного лесбиянства может быть только женщина, от мужеложества — только лицо мужского пола и т. д. Естественно, при изучении лишь этих категорий преступлений классификация по полу не имеет смысла. Однако в тех случаях, когда дело касается изучения преступлений, в которых потерпевшими могут быть лица обоего пола, такая классификация полезна, поскольку позволяет установить степень и удельный вес виктимности женщин и мужчин применительно к отдельным преступлениям и в целом.

В связи с этим следует отметить, что в случае «однополых» преступлений классификации по полу не требуется, однако это не исключает необходимости учета данного признака, так как рассматриваемая демографическая категория четко проявляется, как только мы суммируем количество потерпевших от указанных преступлений и потерпевших от других преступлений. Иначе говоря, пол потерпевших в конечном итоге обязательно обретает значение, как только проводится более или менее широкое виктимологическое обобщение.

Классификация потерпевших по возрасту

Криминогенная значимость психологических особенностей потерпевших различного возраста особенно заметна как виктимообразующее качество на полюсах возрастных групп — у подростков и пожилых лиц.

Психофизические особенности детского и подросткового возраста — любопытство, жажда приключений, доверчивость, внушаемость, неумение приспособливаться к условиям, в которых возникает необходимость находиться, беспомощность в конфликтных жизненных ситуациях, наконец (в ряде случаев), физическая слабость — обуславливают повышенную виктимность этой возрастной группы. Эти же качества могут способствовать становлению не только потерпевшего, но и преступника. Практика показывает, что наиболее виктимным среди несовершеннолетних оказываются подростки в возрасте 12–14 лет. Это тот возраст, когда при отсутствии жизненного опыта подросток должен решать самые различные задачи: освобождения от опеки взрослых, взаимоотношений с лицами другого пола, сверстниками, к определенному времени возникает

проблема выбора профессии. В этот период наиболее активно формируется личность, создается нравственное лицо индивидуума. Здесь приходится ориентироваться не только на формальное совершеннолетие — достижение 18 лет — но и фактическое, так как иногда человек справляется с возникшими задачами и в 16–17 лет, а в иных случаях не способен решить их и в 20.

Повышенная виктимность несовершеннолетних определяется не только их психофизическими качествами, но и их социальными ролями, местом в системе социальных отношений, положением, которое они занимают в семье. Отсюда проистекают такие преступления, как детоубийство, истязание. Есть подтвержденные практикой основания говорить об убийствах, совершаемых в целях устранения препятствий для вступления в брак, завладения наследством, избавления от обязанности платить алименты.

Важнейшим проявлением повышенной виктимности несовершеннолетних является также негативное воздействие взрослых на их психику, формирующую у них антиобщественную установку личности. Конечно, результаты такого негативного воздействия иногда приводят несовершеннолетнего к совершению преступления (а возможно, это произойдет впоследствии, когда он станет взрослым), но могут поставить его и в положение жертвы. Другими словами, несовершеннолетний становится жертвой негативного воздействия, ибо приобретает антиобщественную установку личности, а далее, в зависимости от развития событий, иногда случайного, реализовав эту установку, может стать и потерпевшим и преступником.

Так, художественный руководитель и режиссер театральной студии в одном из городов Челябинской области Рутковский в течение нескольких лет систематически совершал развратные действия и половые акты со своей ученицей Олей Мышкиной. Его стараниями она уже в 12 лет приобрела опыт сексуального общения. В 16 лет, став помощницей Рутковского по работе в студии, она по его требованию поставляла Рутковскому новых жертв — 12–13-летних девочек, с которыми Рутковский также совершал развратные действия. Из жертвы Мышкина превратилась в преступницу и была осуждена по одному уголовному делу со своим учителем. С точки зрения виктимологии в этом примере показательны, во-первых, то, что Мышкина с определенного момента действовала уже не по принуждению, а умышленно преступно; во-вторых, что довольно много несовершеннолетних, но уже и не

малолетних девочек подчинялись преступнику, сохраняя в тайне происходившее [25, с. 14–15].

Специфическим проявлением повышенной виктимности несовершеннолетних является то, что они вовлекаются в преступную деятельность, занятие проституцией, пьянство. Рассматривая те или иные преступления, совершенные вместе со взрослыми или в результате их подстрекательства, мы не можем не видеть, что во многих случаях подросток-преступник находится одновременно и в положении жертвы. Можно указать на ряд «комплекующих» это положение позиций: подросток — жертва потому, что его нравственно искалечили; он — жертва, ибо при совершении преступления нередко именно его подставляют под возможный удар, поручая наиболее опасные роли. Не будет преувеличением сказать, что несовершеннолетний в ряде случаев эксплуатируется взрослым преступником, действует под влиянием подавляющих его волю насилия и угроз.

Особенности психофизического порядка определяют и повышенную виктимность лиц пожилого и преклонного возраста. Прежде всего здесь виктимологически проявляется физическая слабость, особенно у женщин, сказываются и определенные болезненные возрастные изменения. Так, преступником могут быть использованы слабая память, снижение половой потенции и др. «Подходы» к потерпевшему преступник находит, ориентируясь на чувство одиночества, например, овдовевшей женщины; возможны и иные варианты, когда действует преступница в расчете на одинокого пожилого мужчину.

В преступлениях некоторых видов криминологически значима и национальность потерпевшего, в частности в преступлениях, связанных с пережитками местных обычаев (например, кровной мести).

Классификация по полу и возрасту может быть применена при изучении потерпевших от различных преступлений. Это даст возможность выяснить, применительно к каким преступлениям наиболее виктимны те или иные классификационные группы жертв.

Классификация потерпевших по их ролевому статусу

Лица, занимающие определенные должности или занимающиеся определенным родом общественной деятельностью, именно в силу специфики своей работы чаще, чем другие, оказываются потерпевшими от преступления. Так, работники милиции, сторожа, кассиры, инкассаторы, военнослужащие при исполнении обязанностей по караульной службе или патрулированию, т. е. лица, обязанные противодей-

ствовать преступнику, рискуют при этом здоровьем и даже жизнью. При нарушениях правил безопасности в таком же положении могут оказаться специалисты опасных профессий. В сущности, мы имеем дело с групповым виктимным предрасположением,¹ которое следует различать с точки зрения характерного поведения потерпевших: оно может быть типично активным — для милиционера, часового, ибо они вмешиваются в ситуацию, и типично пассивным, если потерпевший подвергается нападению, например водитель такси, кассир, инкассатор (это подход с точки зрения выбранных и не выбранных ситуаций).

Имеет значение для классификации по ролевому положению и уровень состоятельности потенциальных жертв. Виктимность начинает возрастать по мере превышения среднего уровня доходов. Очень богатым соответствует высокий уровень виктимности, несмотря на значительные меры предосторожности.²

Классификация потерпевших в зависимости от их отношения к преступнику

В механизме преступления часто решающую роль играют отношения, в которых находятся жертва и преступник. Это могут быть отношения родственные, супружеские или иные интимные, соседские, товарищеские, дружеские, враждебные, служебные и т. д. Социальные связи определяют как существо конфликтов, приведших к преступлению, так и динамику развития криминологической ситуации. Достаточно ука-

¹ Брунон Холыст полагает, что для «группового предрасположения» характерно «невиновное предрасположение» в отличие от «виновного предрасположения», характерного для «индивидуального предрасположения» (Холыст Б. Роль потерпевшего (жертвы) в убийстве // *Panstwo i prawo*. 1964. № 11). То, что определенное положение, профессия могут быть фактором повышенной виктимности, никаких сомнений не вызывает. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что «групповое предрасположение» всегда характеризуется «невиновным» поведением жертвы. Среди потерпевших группового предрасположения достаточно часто встречаются лица, внесшие свой «виновный» вклад в механизм преступления. Например, работник милиции, не принявший мер предосторожности или превысивший свои права, верхолаз, оказавшийся жертвой несоблюдения правил техники безопасности. На специальные предрасположения повышенной виктимности, связанные с должностным и общественным положением, указывает Элленбергер (см.: Франк Л. В. Виктимологические исследования за рубежом // *Укрепление законности и правопорядка в период строительства коммунизма*. Душанбе, 1973. С. 151).

² Виктимология. СПб., 2000. С. 73.

зять на так называемую бытовую преступность, в которой наиболее ярко проявляются стабильные отношения между преступником и потерпевшим. Без учета этих отношений невозможно вести эффективную профилактику умышленных убийств, причинения телесных повреждений по бытовым мотивам и других бытовых преступлений. В значительной мере от характера указанных отношений зависит стабильность контактов между потерпевшим и преступником, а следовательно и реализация профилактических мероприятий, основанных на изоляции конфликтующих лиц друг от друга. Г. Гентиг отметил, что «часто преступник и жертва подходят друг к другу как замок и ключ».¹ Это не преувеличение. Удельный вес взаимоотношений между потерпевшим и преступником для различных преступлений не одинаков. Однако виктимологический характер ряда преступлений совершенно очевиден. К таким преступлениям следует отнести умышленное убийство, причинение вреда здоровью, изнасилование, мошенничество и др.

Виктимологическая типичность указанных и многих других преступлений делает целесообразной указанную классификацию в интересах тактического обеспечения профилактики преступлений (в первую очередь насильственных) против лиц определенного семейного, должностного или общественного положения.

Классификация потерпевших по нравственно-психологическим признакам

В механизме преступления проявляются самые различные нравственно-психологические особенности потерпевших, такие как половая распущенность, склонность к употреблению алкогольных напитков и наркотических веществ, жадность, деспотизм, агрессивность, грубость, трусость, жестокость, мнительность, пассивность, доверчивость, доброта, некритичность, предусмотрительность, моральная устойчивость, рассудительность, тактичность, вежливость,

¹ Отношения преступника с потерпевшим, как правило, детально исследуются в процессе раскрытия многих преступлений, в особенности тех, в которых преступник не установлен. Например, при работе по раскрытию убийств — это непреложное правило. Гентиг обращает внимание на виктимологические резервы работы по раскрытию преступлений: «В большинстве преступлений преступник скрыт, а жертва, живая или мертвая, налицо. Основательное изучение отношений между преступником и жертвой позволит по-новому подойти к проблеме раскрытия преступления». Несколько иной по редакции, но аналогичный по смыслу перевод этого положения см.: Квашис В. Е. Основы виктимологии. С. 13.

решительность, храбрость, хорошая физическая подготовка, физическая слабость и др. Все эти качества проявляются в поведении и при определенных обстоятельствах могут способствовать или препятствовать совершению преступления.

Личностные качества проявляются неоднозначно. Поэтому нельзя исходить из того, что объективно негативное качество всегда негативно проявится и в криминологическом механизме. Так, трусость (качество, несомненно, отрицательное) может реализоваться в уклонении лица от вмешательства в рискованную ситуацию, а это устраняет возможность причинения ему ущерба. С другой стороны, в подобной ситуации окажется более уязвимым лицо, обладающее такими положительными качествами, как храбрость, порядочность, готовность прийти на помощь. Положительные качества лица во многих случаях, но не всегда, реализуются в попытках пресечения или предотвращения преступлений. Возможно и такое стечение обстоятельств, при котором самые ценные качества человека делают его наиболее доступной жертвой.

Нравственно-психологическая характеристика имеет значение в первую очередь применительно к тем категориям преступлений, в которых указанные черты личности потерпевших ложатся в основу способа и формы совершения преступления или провоцируют преступление. Преступники учитывают, что представляет собой избираемая ими жертва, определяют, какие ее качества можно использовать.¹ Например, такие негативные качества потерпевшего, как жадность, страсть к наживе, азарт, включаются в саму технику совершения мошенничества. В частности, шулера выбирают себе в партнеры лиц, которые и сами не прочь обыграть «доверчивого простака», ничуть не смущаясь этической стороной этого дела. Столь же практично преступники эксплуатируют доверчивость потерпевших, при необходимости прибегая к средствам воздействия, усиливающим эти «удобные» для них качества. Достаточно указать на известные «пирамиды», создатели которых очень удачно для себя использовали психологическую беспомощность миллионов людей, обманув их с помощью примитивной, но очень агрессивной рекламы.

¹ Мудьюгин Г. Н. Расследование убийств по делам, возбужденным в связи с исчезновением потерпевшего: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1962. С. 6; Франк Л. В. О классификации потерпевших в целях виктимологического исследования // Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии. Душанбе, 1968. С. 190—191.

Легкомыслие, распушенность, неопытность некоторых женщин принимаются во внимание и используются преступником при определении места, времени, формы преступления. Это касается не только половых преступлений. Хорошо известны мошенничества, когда преступники действуют под видом «престижных» женихов. Здесь срабатывают не только легкомыслие, неопытность, но не реже и желание «устроиться», взять как можно больше от жизни. Пример тому — тысячи россиянок, погнавшихся за заграничным богатством и оказавшихся в домах терпимости.

Негативные нравственно-психологические характеристики могут проявиться в виде создания обстановки, способствующей совершению преступления. В этом отношении наиболее показательно состояние опьянения. (Конечно, разница между алкоголиком и человеком, редко употребляющим спиртные напитки, существует, но для ситуации, в которой человек активно или пассивно ведет себя именно в силу состояния опьянения, это не имеет значения.) Привычка к спиртному, к наркотикам — черты личностного облика явно виктимного плана. Взять хотя бы столь характерное в этом плане преступление, как «обидание» пьяных.

Очевидно, помимо нравственно-психологических особенностей потерпевших следует учитывать и различные отклонения от нормального умственного развития. Негативное проявление этих отклонений может заключаться как в агрессивном, так и в пассивном поведении.

Негативные нравственно-психологические качества могут реализоваться в самых различных ситуациях, в том числе и выгодных, с точки зрения потерпевшего, для него самого. Это обстоятельство привело к тому, что в классификацию потерпевших предлагается ввести группу «атипичных» потерпевших [152, с. 191], «фальшивой (мнимой) жертвы». Механизм причинения вреда атипичным потерпевшим несколько специфичен. В качестве атипичных потерпевших указываются лица, пострадавшие от преступлений, совершенных ими самими (членовредительство с целью уклонения от военной службы), добровольные потерпевшие (сожительство лица, не достигшего половой зрелости), самоубийцы (при доведении до самоубийства).

Вероятно, атипичных потерпевших нет необходимости выделять в отдельную классификационную группу, так как вошедшие в нее потерпевшие типичны для определенных категорий преступлений и найдут свое место в других классификационных группах (например,

в категории сознательных или неосторожных самопричинителей или подстрекателей).

Классификация потерпевших по виду и кратности причиненного им вреда

По кратности причинения вреда потерпевшие могут быть разделены на эпизодических (пострадали один раз) и «рецидивистов», которым вред причинялся неоднократно.

Последние могут быть также разделены по признаку причинения им вреда однородными или разнородными преступлениями [148, с. 48]. Такая дифференциация может быть полезна при организации индивидуальной профилактики, построенной на виктимологической основе.

Классификация потерпевших в зависимости от тяжести преступлений, от которых они пострадали

Классификационные группы должны включать потерпевших от преступлений небольшой тяжести, средней тяжести, тяжких преступлений, особо тяжких преступлений (ст. 15 УК РФ). Возможна группировка потерпевших по тяжести вреда, независимо от тяжести преступления [148, с. 48]. Эта классификация полезна для решения аналитических задач.

Классификация потерпевших по степени «вины»

Разделение на классификационные группы зависит от того, оказался ли потерпевший таковым случайно или в силу обстоятельств, носивших закономерный характер.¹

Однако классификации в зависимости от демографических, ролевых, нравственно-психологических характеристик и отношения потерпевшего к преступнику, так же как и по другим параметрам, позволяющие четко представить, какова общая виктимность той или иной классификационной группы (это необходимо для общей профилактики), все же не могут быть приняты как общеприменимые.

¹ Классификация потерпевших по степени «вины» хорошо известна в виктимологической литературе. Так, один из основоположников виктимологии Мендельсон различает: а) совершенно невиновную жертву («идеальная жертва»); б) жертву с легкой виной (жертва как результат своего незнания, неведения); в) жертву, вина которой проявляется в равной степени с виной посягателя (сюда относятся и провоцирующие жертвы); г) жертву, целиком виновную в совершенном на нее покушении (см.: Укрепление законности и правопорядка в период строительства коммунизма. Душанбе, 1972. С. 151).

*Классификация в зависимости от преступления,
которым потерпевшему причинен вред*

Эта классификация является наиболее подходящей для разработки соответствующих методик и непосредственно практических целей предотвращения конкретных преступлений. В преступлении все виктимологические характеристики объединяются в определенную систему взаимодействий и взаимообусловленностей. Применительно к конкретным преступлениям, но уже как отдельные, исследуемые в общей совокупности виктимологических характеристик, здесь найдут свое отражение и демографические факторы, и все, что связано с отношением «преступник — потерпевший».

В этом плане возможна классификация как по отдельным видам преступлений (например, убийство, причинение телесных повреждений, изнасилование, развращение несовершеннолетних, мошенничество и др.), так и по преступлениям, объединенным одним общим объектом (например, потерпевшие в области половых преступлений, дорожно-транспортных преступлений и др.). Внутри этой классификации могут найти свое отражение более «дробные» различия: по некоторым элементам субъективной стороны состава преступления (например, потерпевшие от неосторожных преступлений, от убийства на почве ревности, кровной мести, хулиганских побуждений), по месту совершения преступления, по особенностям преступника, причинившего вред (подростки, рецидивисты, половые психопаты, лица, занимающие определенное должностное положение), по характеристике состояния потерпевшего в момент совершения преступления [152, с. 186–187].

Возможны и комплексные классификации (например, потерпевшие от убийства, находившиеся в состоянии алкогольного опьянения, с учетом совершения преступления по месту проживания преступника или, наоборот, потерпевшего).

Принимая за основу классификации потерпевших вид преступления, от которого они пострадали, мы имеем возможность определить, исходя из особенностей преступления, какие социально-психологические качества потерпевших, каким образом и в каких ситуациях проявляются как активный компонент криминологического механизма.

Очевидно, что для одних преступлений актуальными окажутся одни, для других — другие качества личности потерпевшего, его положение в семье, на работе и т. д. Точно так же по-разному включаются в механизм

преступления особенности отношений, связывающих потерпевшего с преступником и другими причастными к преступлению лицами.

Решение задач профилактического характера в значительной степени зависит от своевременного выявления потенциальных потерпевших от преступлений по их поведению. В этом плане представляется полезной классификация потерпевших по характеру их поведения.

Классификация потерпевших по характеру их поведения

Эта классификация помогает ориентироваться в выявлении лиц, относительно которых (судя по их поведению) можно заключить, что для них опасность стать жертвами наиболее реальна. В частности, с позиций индивидуальной профилактической работы соотнесение конкретного субъекта с параметрами этой классификации позволит решить вопрос о необходимости профилактического воздействия, ориентируясь на уже продемонстрированное им поведение и, в определенной мере, на аналогичное поведение в будущем.

Лица, рискующие оказаться жертвами преступления, ведут себя по-разному: агрессивно или иным провоцирующим образом; пассивно, уступают насилию; проявляют полное непонимание уловок преступников или элементарную неосмотрительность. Их поведение может быть правомерным или, наоборот, правонарушающим и даже преступным, а вклад в механизм преступления как минимальным, так, при определенных обстоятельствах, и решающим. Исходя из их ситуативно ориентированных ролей, в данной классификации выделяются агрессивные, активные, инициативные, пассивные, некритичные и нейтральные потерпевшие. (Детальные характеристики этих классификационных групп с учетом мотивов «виновного» и «невиновного» виктимного поведения раскрываются применительно к виктимологической типологии личности).

АГРЕССИВНЫЕ ПОТЕРПЕВШИЕ

Эту группу составляют потерпевшие, поведение которых заключается в нападении на причинителя вреда или других лиц (агрессивные, насильники) или агрессии в иных формах — оскорблении, клевете, издевательстве и т. д. (агрессивные провокаторы).

Агрессивные насильники общего плана. Их агрессивность выражается в нападении, но не имеет жестко ограниченной адресности. По ведущей мотивации это — корыстные, сексуальные, хулиганы, негативные мстители, лица, психически больные, страдающие расстройствами нервной системы.

Избирательно агрессивные насильники. Их агрессия реализуется в нападении на лицо, как правило, стабильно связанное с нападавшим. По ведущей мотивации это — корыстные, сексуальные, семейные деспоты, скандалисты, негативные мстители, лица, психически больные, страдающие расстройствами нервной системы.

Агрессивные провокаторы общего плана. Их агрессивное поведение не связано с физическим насилием и не имеет жесткой адресности. По ведущей мотивации это — хулиганы, негативные мстители, лица, психически больные, страдающие расстройствами нервной системы.

Избирательно агрессивные провокаторы. Их агрессивность реализуется без применения физического насилия и, как правило, направлена на стабильно связанное с потерпевшим лицо. По ведущей мотивации это — семейные деспоты, скандалисты, корыстные, сексуальные, негативные мстители, лица, психически больные, страдающие расстройствами нервной системы.

Активные потерпевшие

В эту группу входят потерпевшие, поведение которых не связано с нападением или толчком в форме конфликтного контакта, но причинение им вреда происходит при их активном содействии: сознательные подстрекатели, неосторожные подстрекатели, сознательные самопричинители, неосторожные самопричинители.

Инициативные потерпевшие

В эту группу входят потерпевшие, поведение которых имеет положительный характер, но приводит к причинению им вреда: инициативные по должности, инициативные по общественному положению, инициативные в силу личностных качеств.

Пассивные потерпевшие

В эту группу входят лица, не оказывающие сопротивления, противодействия преступнику по различным причинам: объективно не способные к сопротивлению (стабильно или временно), объективно способные к сопротивлению.

Некритичные потерпевшие

В эту группу входят лица, демонстрирующие неосмотрительность, неумение правильно оценить жизненные ситуации: с низким образовательным уровнем, низким интеллектом, несовершеннолетние, преклонного возраста, больные, в том числе психически больные, некритичные без очевидных «формализованных» качеств.

НЕЙТРАЛЬНЫЕ ПОТЕРПЕВШИЕ

В эту группу входят лица, поведение которых во всех отношениях безусловно: оно не было негативным и никоим образом не вызывало преступные действия; в пределах своих возможностей потерпевший критически осмысливал ситуацию [118, с. 89–105].

2.4. Социально-психологическая типология жертв (потерпевших от преступлений)

Для того чтобы с достаточной объективностью прогнозировать индивидуальное поведение, обоснованно избирать меры воздействия на субъект профилактических усилий, необходимо знание внутреннего мира человека, мотивов, которыми он руководствуется, всего психологического механизма поведения. Необходимо знание не только общего, но и конкретного, единичного. С использованием только классификаций (по каким бы исходным параметрам они ни были построены) эту задачу не решить.

Именно поэтому возникает необходимость создать возможно более полную социально-психологическую типологию потерпевших, которая позволила бы судить о внутреннем механизме поступков потерпевшего. В противном случае, рассматривая поведение как компонент механизма преступления, мы не имели бы исходных позиций для объяснения этого компонента. Так, например, пассивное поведение, определенным образом негативно проявившееся в механизме преступления, может быть следствием различных обстоятельств, как внешних по отношению к потерпевшему (объективных, от его воли не зависящих), так и субъективных, связанных с определенными личностными характеристиками данного индивида. Очевидно, что только на первый взгляд криминологическое значение этого поведения в обоих вариантах одинаково. На самом деле оно одинаково лишь по своей объективизации в смысле влияния на развитие криминальных событий, но совершенно различно по своей внутренней, психологической сущности. А это обстоятельство по-разному ставит проблематику воздействия на потенциального потерпевшего, хотя в то же время позволяет «унифицировать» внешнюю сторону профилактической работы.

С типологией потерпевших связаны все рассмотренные нами классификации, однако в этом отношении классификация по поведению занимает особое место.

Во-первых, в ее основе лежат общие типы потерпевших, выступающие как исходные позиции классификационных групп.

Во-вторых, в эту классификацию включены элементы, отражающие типичную мотивацию того или иного виктимного поведения и являющиеся исходными для характеристики определенных разновидностей типов (подтипов) потерпевших.

Здесь нет погрешностей против логики, хотя классификация и типология — различные методы научного исследования.

Под классификацией понимается «закрепленное, обычно твердо установленное распределение статистической совокупности на определенные классы, разряды, категории» [144, с. 67]. В этом своем качестве классификация и используется в криминологии как один из методов изучения преступности [43, с. 51].

Типология, в отличие от классификации, выступает как «типологическая дифференциация сложных явлений, дающая возможность выделять более или менее однородные единицы и отбирать индивидуальные величины одного и того же вида» [93, с. 36]. То есть при сведении бесконечного разнообразия индивидуальных особенностей людей к тем или иным обобщенным образам (типам) за критерии обобщения принимаются различные, притом неравнозначные свойства, признаки. Это зависит от того, в каком ракурсе исследователь намерен раскрыть содержание типа личности. Выделение типов и подтипов зависит от уровня обобщения [144, с. 40].

Классификация — это устойчивая группировка (в нашем случае — признаков потерпевших), а метод типологии не подразумевает жесткой дифференциации. Типология не содержит резкого обособления одной группы от другой.

Применительно к проблеме типологии личности потерпевшего от преступления (как и типологии личности преступника) эти общие положения типологии как метода имеют принципиальное значение, так как, руководствуясь ими, можно использовать различные уровни и масштабы обобщения индивидуальных и групповых особенностей.

Для типологии потерпевших в первую очередь необходим метод обобщения, позволяющий выявить социально-психологический облик потерпевшего, криминологически значимо проявляющийся в механизме преступления.

Классификация и типология — относительно самостоятельные методы исследования, но они взаимосвязаны. Рассматривая соотноше-

ния классификации и типологии личности преступника, К. Е. Игошев указывает три варианта влияния классификации на типологию:

- а) классификация создает предпосылки для выделения личности преступника как особого типа;
- б) классификация может использоваться для более углубленного изучения структурных элементов личности;
- в) классификация позволяет одновременно изучать структуру типа и выделять его как внутреннее целостное образование — тип.

Связь может быть и обратной, когда типология влияет на выбор оснований и особенности построения классификации. В конкретных исследованиях выделение типов может предшествовать их классификации. Тип выступает как наиболее общая модель, которая конкретизируется в классификационных схемах [43, с. 54–55].

Это рассуждение в полной мере относится к соотношению поведенческой классификации и типологии потерпевших.

Классификация потерпевших по типичному виктимному поведению и типология потерпевших (по мере ее дальнейшего развития) должны составить единую систему. Они тесно связаны между собой, и связь эта сложная.

С одной стороны, поведенческая классификация имеет в основе общие типы потерпевших и, таким образом, в определенной мере «начинается» от типологии, которая и сама находится в стадии формирования. С другой — поведенческая классификация за счет наполнения и углубления социально-психологических характеристик применительно к комплекующим классификационные группы элементам создает подходы к выработке конкретных подтипов потерпевших и, в конечном счете, — типологии в целом.

Однако возможность разработки социально-психологической типологии потерпевших от преступлений, которая нам представляется совершенно необходимой как в исследовательских, так и в сугубо практических целях, зависит от ответа на вопрос, имеет ли право на существование само понятие «личность потерпевшего»? Этот вопрос в достаточной мере спорный,¹ но ответ на него следует дать положительный.

¹ П. С. Дагель, в частности, полагает, что «...вряд ли можно выделить какие-то общие признаки, свойственные всем потерпевшим... кроме причинения вреда преступлением» (Дагель П. С. Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974. С. 21).

Причинение вреда преступлением, возможное, в принципе, в отношении абсолютно каждого человека, тем не менее реализуется в отношении сравнительно небольшого процента людей (причем далеко не во всех случаях можно объяснить «везение» или «невезение» исключительно внешними обстоятельствами). Следует, таким образом, признать, что существуют, вероятно, определенные личностные качества, обуславливающие большую, чем средняя, уязвимость данного конкретного индивида.

Другими словами, лицо может обладать определенным сочетанием криминологически значимых качеств, которые в известной мере могут расположить его к роли потерпевшего. Эти качества могут стать фактором (в сочетании с элементами ситуации), толчковым или иным образом содействующим совершению преступления. Данные качества могут проявиться в поведении, обязательно выходящем за рамки нейтрального (со знаком плюс или минус). Для потерпевших характерны как совокупность качеств, определяющих активное вмешательство в ситуации, в результате чего они пострадали, так и пассивное поведение, также приведшее к негативному результату. В таком поведении реализуются социально-психологические качества потерпевшего. Но если это так, то можно сделать вывод, что само понятие «личность потерпевшего от преступления» должно приобрести права гражданства, ибо оно отражает объективное положение вещей. При этом следует еще раз подчеркнуть, что понятие «личность потерпевшего» ни в коей мере не предполагает наличия каких-либо врожденных биологических свойств, с необходимостью обуславливающих «страдательную» роль данного индивида.

Мы исходим, таким образом, из признания того факта, что существуют определенные, типичные черты личности, характеризующие потерпевших, однако с той оговоркой, что потерпевшие не составляют однородной массы. Характерные особенности их личности в достаточной мере выражены в группах, представляющих те или иные категории преступлений.

Многие характерные для потерпевших личностные характеристики встречаются у лиц, не являющихся потерпевшими. Это, однако, не противоречит самой идее понятия «личность потерпевшего». Суть в том, что типичное поведение для потерпевших может быть и у не потерпевших, но являться для этих последних нетипичным. Поэтому, включая черты, характеристики, качества в понятие «личность потерпевшего», мы должны исходить не из их исключительности, а из того, что они характерны, типичны для потерпевших. Отсюда и необходимость рассмат-

ривать эти качества не в отдельности, но в характерной совокупности, определяющей комплекс взаимопроникновений и взаимовлияний, выступающих в качестве целостной характеристики определенной направленности личности. Такой подход к личностным характеристикам в их совокупности позволяет найти соответствующую типизацию этих характеристик сообразно личности и в отношении потерпевших от преступлений различных категорий.

В широком понимании типичным для потерпевших определенных категорий является не только наличие, но и отсутствие определенных качеств личности, проявляющееся негативно во взаимодействии с обстоятельствами или иными чертами личности.

Совокупность личностных качеств определенного человека может проявиться негативно и привести его к положению жертвы преступления лишь в условиях специфической жизненной ситуации, объективные свойства которой проявляются через опосредование их внутренним миром конкретного индивида [69]. При этом надо иметь в виду, что практически никогда не «срабатывает» одно качество личности, одна личностная особенность, но обязательно более или менее полная их совокупность. Именно типичное сочетание различных, нередко прямо противоположных личностных качеств, виктимная значимость которых не абсолютна, а относительна применительно к специфике конкретных, типичных для различных преступлений ситуаций, позволяет говорить о личности потерпевшего и, что не менее важно, о производном понятии «личность потерпевшего от определенных категорий преступлений».

Соотношение этих понятий связано с такой характеристикой виктимности, как «универсальность», т. е. возможность реализации в ситуациях более или менее широкого круга преступлений и соответственно с понятиями общей и избирательной, или специальной, виктимности.

Лицо может обладать качествами, определяющими его высокую уязвимость в отношении очень широкого круга преступлений (почти оптимальная виктимная «универсальность»), и наоборот, для него может быть наиболее виктимоопасным какое-то одно, возможно крайне редкое, преступление. Но и в том и в другом случае лицо обладает определенной общей характеристикой, обуславливающей его принадлежность к определенной группе и, в конечном счете, к категории лиц, обладающих повышенной виктимностью. Это очень важно, ибо исследование потерпевших от преступления имеет смысл только в том случае, если действительно существуют личностные качества, делающие лицо при

определенных обстоятельствах, в принципе, более уязвимым в отношении преступления, чем другие лица в аналогичных обстоятельствах.

Разумеется, определенные качества человека можно отнести к бесспорно положительным или столь же бесспорно отрицательным, но это не ответ на вопрос, какие из них создают для него большую виктимность.

Она зависит от характерного для определенного лица положительного или отрицательного поведения, причем не вообще, а в ситуациях, актуализирующих не все, а определенные качества личности в их совокупности.

Личность потерпевшего, таким образом, характеризуется сочетанием социально-психологических и биофизических качеств, проявление которых в условиях ситуаций, характерных для определенных преступлений, обуславливает типичное поведение индивида и связанную с этим поведением большую, чем для общей массы людей, вероятность причинения ему физического, морального или материального ущерба действиями преступника.

Сложность исследования внутреннего мира потерпевших от преступлений, а такое исследование необходимо и в теоретическом, и в практическом плане, требует создания типологии потерпевших, ибо если есть типичные, характерные формы виктимного поведения, то есть и та психологическая база, реализацией которой эти формы являются. «Сходства и различия в положении людей порождают целую систему типов индивидуального сознания и поведения, а стало быть, и систему типов личностей. Тип личности — совокупность существенных черт характера, которые проявляются в отношении к социальным явлениям и которые человек усваивает из конкретной среды» [142, с. 41].

«Под социальным типом понимается, — пишет А. М. Яковлев, — определенный тип личности, проявляющий свои ведущие характеристики в виде устойчивых способов (или стереотипов) поведения. Социальный тип представляет собой единство индивидуальных свойств личности с типичными элементами его ближайшей среды... Свое реальное воплощение это единство среды и личности находит в поведении индивидуума» [175].

Типичное поведение людей в определенных ситуациях есть выражение их внутренней сущности. Каждый человек живет и действует в условиях определенной социальной системы, выполняя множество различных социальных ролей, представляющих динамическое

выражение его социальных позиций, статусов. В этом плане потерпевший от преступления ничем не отличается от других людей. Но поскольку для потерпевшего его поведение есть выражение определенной жизненной ориентации, мы должны обратить внимание на зависимость потенциальной уязвимости потерпевшего от этой ориентации. Важно знать, какая ориентация для потерпевшего типична — общественно полезная или общественно вредная.

Поведение человека избирательно, оно основано на совокупности характерных для него мотивов, побуждений, стабильных, устойчивых отношений к явлениям действительности, другим людям, фактам, обстоятельствам жизненной обстановки. Поэтому, оценивая личность того или иного потерпевшего, необходимо определить, какая установка¹ ему присуща.

Специфика потерпевшего от преступления как социально-психологического типа заключается в том, что он является носителем внутренних психологических причин виктимного поведения, которые при определенных внешних обстоятельствах могут реализоваться в таком поведении на основе как негативных, так и положительных мотивов.

Выявление устойчиво повторяющихся «стандартных» способов поведения, следовательно, равнозначно выявлению социально-психологических типов личности [175].

В этом смысле сходным в выработке типологии потерпевших является характер их поведения. Поэтому вполне логичным представляется сохранить общую для классификации и типологии терминологию и выделить следующие общие, исходные типы потерпевших.

АГРЕССИВНЫЙ ТИП ПОТЕРПЕВШЕГО

К этому типу относятся лица, оказавшиеся потерпевшими от преступления в результате проявленной ими агрессии в форме нападения на причинителя вреда или других лиц, иного провоцирующего поведе-

¹ Под *установкой* понимается важнейший компонент структуры личности, представляющий собой «некоторую ось сознания, вокруг которой вращаются помыслы и чувства человека и с точки зрения которых решаются многие жизненные вопросы» (Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности // Социология в СССР. М.: Мысль, 1965. Т. 2. С. 199). Другими словами, социальная установка — это система социальной ориентации, которую человек для себя принял (см. эту же работу). А. М. Яковлев понимает под установкой способность «действовать определенным образом или избирательное установление связей» (Яковлев А. М. Некоторые теоретические вопросы общей методики изучения личности преступника // Проблемы искоренения преступности. М., 1968. С. 85).

ния (оскорбление, клевета, издевательство и т. д.) Соответственно в этом типе представлены **агрессивные насильники и агрессивные провокаторы**.

Для потерпевших этого типа характерно намеренное создание конфликтной ситуации. Их поведение (оно может быть преступным, административно наказуемым или только аморальным) является реализацией типичной для них антиобщественной направленности личности, в рамках которой агрессивность проявляется по отношению к определенным лицам и в определенных ситуациях (избирательно), но может быть и «размытой», не персонифицированной по объекту. Соответственно агрессивные потерпевшие по своему отношению к другим лицам и поведению представляют типы избирательно агрессивных насильников и провокаторов и агрессивных насильников и агрессивных провокаторов общего плана.

Для потерпевших — **агрессивных насильников** (исключения могут быть лишь у психически больных), при всех различиях в мотивации поведения, характерно наличие насильственной антиобщественной установки личности. Их виктимное поведение, за некоторыми исключениями, одновременно и преступное, а их типологические характеристики вытекают из типологии субъектов указанных преступлений.

Поведение **агрессивных провокаторов** менее опасно, так как оно не связано с физическим насилием. Оно большей частью также правонарушающее, но реже — преступное.

Типологические различия между агрессивными потерпевшими общего плана и избирательно агрессивными в основном прослеживаются не в конкретных, отдельно взятых ситуациях, а в масштабе виктимного проявления негативных качеств потерпевших. Так, примером корыстного агрессивного насильника общего плана может быть лицо, совершающее разбойные нападения на улице и имеющее достаточно широкую возможность оказаться жертвой активного противодействия. Несравненно меньшие возможности в этом отношении у корыстного избирательно агрессивного насильника, совершающего разбойное нападение на своего соседа. Его виктимные возможности ограничены, с одной стороны, единственностью ситуации, с другой — вполне определенной, часто известной нападающему способностью к противодействию избранной жертвы.

Отношение агрессивных потерпевших к своему поведению всегда осознанное (действуют умышленно). Что касается возможных опасных для них последствий, то здесь наличествует самый широкий круг

представлений — от четкого понимания развития ситуации до полного его отсутствия. Это зависит от личностных качеств (в одном случае — это низкий интеллект, неспособность осознать виктимность своего поведения в сочетании с типичной для субъекта агрессивностью, в другом — агрессивность, реализуемая в расчете на избежание виктимных последствий, в третьем — полная бездумность типичного самоуверенного хулигана и др.), временного состояния (как правило, алкогольного или наркотического опьянения), влияния конкретной ситуации.

Совершенно различна мотивация агрессивного виктимного поведения. Она может быть корыстной, сексуальной, связанной с бытовыми конфликтами, развиваться на фоне психической неуравновешенности и т. д. Соответственно с учетом мотивационной и поведенческой характеристик могут быть представлены типы (или подтипы) агрессивных потерпевших как общей, так и избирательной направленности.

Корыстный агрессивный тип. Виктимное поведение потерпевших этого типа направлено на завладение чужим имуществом. Оно заключается в нападении, физическом или психическом насилии, иных действиях, объективно провоцирующих ответное причинение вреда. Выбор объекта агрессии может быть случайным (например, нападение из хулиганских побуждений на незнакомого человека) или избирательным, направленным на конкретное заранее выбранное лицо (например, насильственные действия с целью устранения совладельца собственности). Агрессивное виктимное поведение, не связанное с физическим насилием, может провоцировать ответную насильственную реакцию за счет угроз насилием.

Сексуальный агрессивный тип. Виктимное поведение потерпевших данного типа — это поведение лица, покушающегося на совершение изнасилования или иного полового преступления, которому в результате сопротивления причинен вред. Для сексуального агрессивного насильника общего плана характерно посягательство на случайную жертву, а избирательно агрессивного — на определенное, стабильно связанное с нападавшим лицо. Ненасильственное провоцирующее виктимное поведение с сексуальной мотивацией свойственно иному типу потерпевшего — это «любовники», вторгающиеся в чужую семью, становящиеся жертвами ревнивых мужей; «беглецы» от сексуальных партнерш, нарушившие обещания, и т. д. Агрессивная составляющая провоцирующего поведения выражается в грубости, оскорблении, унижении, издевательствах и др.

Хулиган (тип с установкой на немотивированную агрессию). Виктимное поведение потерпевших этого типа может заключаться в нападении, физическом насилии или ненасильственных, но провоцирующих действиях — пристаивании, оскорблениях, нецензурной брани и т. д. Это типичное поведение «неудачливого хулигана», часто становящегося жертвой себе подобных.

Негативный мститель. Виктимное поведение потерпевших этого типа заключается в нападении или выражено в иных действиях толкового характера — оскорблениях, клевете, угрозах и т. д. в ответ на негативное поведение другого лица, как случайного, так и определенного, находящегося с ним в стабильных отношениях. Соответственно среди потерпевших этого типа представлены агрессивные насильники и провокаторы общего и избирательного плана.

Скандалист. Виктимное поведение потерпевших этого типа выражено в физическом насилии или иных провоцирующих действиях — оскорблении, клевете и др. — в отношении соседей, сослуживцев, знакомых. Агрессивность потерпевших этого типа избирательна.

Семейный деспот. Виктимное поведение потерпевших этого типа выражается в физическом или психическом насилии в отношении членов семьи. Это тип истязателя, пьяницы, пользующегося тем, что жена связана материальной зависимостью, детьми; чаще всего это мужчины среднего и более старшего возраста, нередко ранее судимые.

Лицо, больное психически или страдающее расстройствами нервной системы, с повышенной общей или избирательной агрессивностью, реализующейся в виктимных насильственных или иных провоцирующих действиях в отношении определенного лица или лиц.

Активный тип потерпевшего

К потерпевшим этого типа относятся лица, поведение которых не агрессивно и не конфликтно, но в конечном счете приводит к причинению вреда им самим. Оно заключается в обращении с просьбой о причинении вреда или в иной форме провоцирует причинение вреда. Виктимная активность может быть и «замкнутой». По существу, для активных потерпевших характерно поведение двух видов: провоцирующее, если для причинения вреда привлекается другое лицо, и самопричиняющее. С учетом специфики поведения и отношения к виктимным последствиям в рамках этого типа представлены:

- ♦ **сознательный подстрекатель** (обращающийся с просьбой о причинении ему вреда). Типичный пример сознательного подстрекателя

теля — женщина, обращающаяся с просьбой сделать криминальный аборт;

- ♦ **неосторожный подстрекатель** (поведение объективно в форме какой-либо просьбы или иным способом провоцирует преступника на причинение вреда, но сам потерпевший этого в должной мере не сознает). Типичная ситуация неосторожного подстрекательства — поведение лица, предложившего сесть за руль пьяному водителю и в конечном счете пострадавшего в аварии;
- ♦ **сознательный самопричинитель** (лицо, умышленно причиняющее себе физический или имущественный вред). Чаще других встречаются лица, причиняющие себе травмы или иное повреждение здоровью с целью уклонения от воинской службы;
- ♦ **неосторожный самопричинитель** (вред причинен собственными неосторожными действиями в процессе совершения иного умышленного или неосторожного преступления). Типичный неосторожный самопричинитель — человек, пострадавший при подготовке взрывного устройства в криминальных целях.

Различие в понимании виктимных последствий и отношении к ним заключается в том, что сознательный подстрекатель, понимая неотвратимость причинения ему вреда, может и не осознавать, каким именно он будет, точно так же, как сознательный самопричинитель. В свою очередь, неосторожный подстрекатель и неосторожный самопричинитель вообще не осознают того, что их действия опасны. Во всяком случае, они рассчитывают избежать вреда.

Инициативный тип потерпевшего

Потерпевшие этого типа — лица, поведение которых имеет положительный характер, но приводит к причинению им вреда. Сюда относятся в первую очередь те лица, служебное или общественное положение которых делает для них вмешательство в опасные ситуации обязательным. Иначе говоря, это лица, положительное поведение которых обращает на них преступные действия причинителя вреда непосредственно или «взамен» другого лица, ими защищенного, а также оказывающие активное сопротивление в ситуациях, где их первоначального вмешательства не было.

Инициативные потерпевшие подразделяются на инициативных общего плана (для них характерно инициативное положительное поведение в любых ситуациях конфликтного порядка) и избирательно инициативных (положительное инициативное поведение которых ха-

актерно лишь для определенных ситуаций). С учетом исполняемых ими социальных ролей в этом типе выделяются:

- ♦ **инициативный по должности** (виктимное поведение определяется обязанностями, вытекающими из должностного положения потерпевшего). Типичный пример — сотрудник милиции, пострадавший при задержании преступника;
- ♦ **инициативный по общественному положению** (виктимное поведение диктуется необходимостью вмешательства в конфликтные ситуации, недопустимостью уклонения от этого по моральным соображениям). Это депутаты, члены общественных фондов защиты прав и др.
- ♦ **чисто инициативный** (исключительно в силу личностных качеств, свободных от требований должностного и общественного положения).

Потерпевшие этого типа имеют положительную установку личности. Их осознание последствий вмешательства может быть различным: от стопроцентного до нулевого. Пользуясь терминологией Б. Холыста, можно сказать, что потерпевшие этого типа, более чем какие-либо другие, представляют собой «невиновное групповое предрасположение».

Пассивный тип потерпевшего

Потерпевшие этого типа — лица, не оказывающие сопротивления, противодействия преступнику по различным причинам: в силу возраста, физической слабости, беспомощного состояния (стабильного или временного), трусости, из опасения ответственности за собственные противоправные или аморальные действия и т. д.

Следует иметь в виду, что пассивность поведения и отнесение потерпевшего к пассивному типу далеко не всегда выражают качества конкретной личности, поскольку в принципе активный, инициативный, даже агрессивный человек может не проявить своих качеств из-за обстоятельств, которые диктовала ему предпочтительность (с его точки зрения) пассивного поведения. (Типичная ситуация такого поведения потерпевшего — не оказание сопротивления насильнику из-за боязни огласки, скандала, вызванного призывами о помощи, если обстановка, в которой оказалась потерпевшая, создавалась при ее участии.)

В рамках пассивного типа выделяются:

- ♦ **объективно не способный к сопротивлению** (стабильно или временно);

- ♦ **объективно способный к сопротивлению** (не оказывающий его из-за трусости, боязни огласки, опасения собственной ответственности, нежелания привлечения к ответственности причинителя вреда, страха за судьбу близких, по религиозным соображениям и т. д.).

Способность или неспособность к сопротивлению, противодействию преступнику — категория не абсолютная: это качество связано с конкретными ситуациями. Хотя, естественно, существуют лица, беспомощные применительно к любым ситуациям и обстоятельствам.

Некритичный тип потерпевшего

К потерпевшим этого типа относятся лица, демонстрирующие неосмотрительность, неумение правильно оценить жизненные ситуации. Некритичность может криминологически значимо проявиться как на базе личностных негативных черт (алчность, корыстолюбие и др.), так и положительных (щедрость, доброта, отзывчивость, смелость и др.), а кроме того, в силу невысокого интеллектуального уровня. В данном случае некритичность выступает как основное, решающее личностное качество, поскольку, естественно, для подавляющего большинства потерпевших в той или иной мере характерна некритичность, неумение достаточно дальновидно оценить ситуации, которые привели к причинению вреда.

Некритичные потерпевшие подразделяются на некритичных общего плана (некритично воспринимают любые жизненные ситуации) и избирательно некритичных (не могут разобраться лишь в ситуациях определенного содержания). Например, отлично ориентируясь в ситуациях, связанных с насильственными действиями, проявляя сообразительность и умение избрать правильную линию поведения, человек оказывается совершенно не способным «раскусить» уловки мошенника. Некритичность потерпевших в связи с личностными и ситуативными факторами может проявиться по-разному, в связи с чем выделяются варианты личности данного типа:

- ♦ с низким интеллектуальным и образовательным уровнем;
- ♦ несовершеннолетний;
- ♦ преклонного возраста;
- ♦ больной, в том числе психически больной;
- ♦ некритичный без очевидных «формализованных» качеств.

Нейтральный тип потерпевшего

К этому типу относятся лица, поведение которых во всех отношениях безупречно: оно не было негативным и никоим образом не вызыва-

ло преступные действия; в пределах своих возможностей потерпевший критически осмысливал ситуацию.

Конечно, и нейтральное поведение, строго говоря, не нейтрально, поскольку не мешает преступнику. Однако оно не создает каких-либо дополнительных условий и не повышает виктимности индивида от уровня средней.

Ясно, что эти общие типы потерпевших имеют в основе, как ведущий типобразующий параметр, поведение, проявление потерпевшего внешне, в ситуации преступления. О внутренних психолого-мотивационных механизмах поведения они дают относительное представление. Действительно, агрессивность, например, может иметь в основе и сексуальную, и корыстную направленность; пассивность — как различные изображения «невыгодности», так и неспособность к противодействию; некритичность — самые различные уровни непонимания и т. д. Соответственно для того, чтобы «раскрыть» общий тип, наполнить его максимально возможной по объему концентрацией психологических черт, присущих в той или иной мере потерпевшим данного типа, следовало бы идти по пути обобщения, которое, в принципе, может и не найти (на уровне конкретного индивида) отражения в жизненном материале.

Очевидно, этот путь нецелесообразен, и надо оставить за исходным типом нагрузку самой общей поведенческой характеристики различных групп жертв. Иное теряет смысл, поскольку эта категория — «социально-психологический тип потерпевшего» — реально «работает» лишь в расшифровке, в детализации. По сути дела, внутренний, психологический механизм поведения потерпевшего раскрывается только на уровне максимальной конкретизации внутренних побуждений и внешних условий их проявления, т. е. применительно к тем или иным видам преступлений. Таким образом, познавательное содержание социально-психологического типа потерпевшего раскрывается главным образом через детализацию, расшифровку сходного типа, иначе говоря, через те варианты, которые составляют типологическую группу.

Социально-психологический тип потерпевшего от преступления — это, в принципе, построенная на описании модель, более или менее полно отражающая оригинал, а точнее, типичное как результат суммы конкретных личностей, послуживших объектами изучения и обобщения.

Таким образом, само понятие «социально-психологический тип потерпевшего» следует рассматривать в двух аспектах:

- а) оно может относиться к человеку, конкретной личности, соответствующей определенному типическому сочетанию индивидуальных социально-психологических свойств, качеств, черт, характеристик;
- б) оно может означать модель, построенную на суммировании типического в личностях массы людей, проявивших себя в конкретных обстоятельствах, причем в форме «стандартного», привычного, типичного, повторяющегося и тому подобного поведения. Это поведение может быть отрицательным или положительным, но обязательно отклоняющимся, выходящим за пределы «нормы безопасности» и, следовательно, повышающим степень виктимности.

Эта точка отсчета — «норма безопасности» — предложена не случайно. Исходным в типизации потерпевших должно быть положение об отклонении индивида от нормы безопасности, выход за границы того условного поля (поля безопасности), в пределах которого ему объективно было бы обеспечено избежание вреда. Здесь должно учитываться именно объективное положение вещей, а не моральные и правовые оценки, потому что «норма безопасности» может быть соблюдена и ценой нарушения норм морали и права.¹

Конечно, и нейтральное поведение — компонент, строго говоря, не нейтральный (в объективном плане нейтральное поведение смыкается с пассивным), однако здесь срабатывает положение, что, в принципе, потерпевшим может оказаться любой человек. Другими словами, это столь распространенное, типичное явление (но складывающееся не за счет личности, а за счет ситуации), что здесь достаточно указания на общий, исходный тип. Детализировать его, чтобы «уложить» подтипы, варианты в рамки определенных моделей, очень сложно, а главное — не нужно.

Существуют типы потерпевших, для которых характерными являются не только поведение, но и иные личностные параметры, напри-

¹ Норма безопасности — это определенное обстановкой правило, линия поведения, обеспечивающая лицу избежание причинения вреда преступлением. Она может быть простой, если имеется опасность причинения вреда одного вида, и сложной — при опасности причинения вреда различного характера.

Поле безопасности — это внешняя для лица обстановка (ситуация), в пределах которой объективно исключается опасность причинения вреда преступлением.

мер должностное, общественное или семейное положение и др. Эти моменты также находят свое отражение в детализации исходных, общих типов.

В модели (а социально-психологический тип — это модель) должны быть отражены все элементы структуры личности потерпевших от преступлений, специфичность, типичность проявления оригинала в ситуациях тех или иных преступлений. На первый план выдвигаются или социальные, или психологические (а чаще и те и другие) компоненты личности, именно те из них, которые наиболее значимы в ситуациях этих преступлений. Поэтому и сконструирована модель, в известной мере, односторонне: в ней наиболее четко отражены именно «нужные», т. е. криминологически значимые для определенных ситуаций, определенных преступлений элементы, черты, которые находят себе место в тех или иных подструктурах личности [99, с. 69–70; 100, с. 111–145; 53, с. 20].

Тип личности никогда в идеале не повторяет, не отражает конкретного индивида. Как обобщение, тип богаче, полнее отдельного индивида. Но в то же время, именно как обобщение, он беднее, ибо не может отразить абсолютно все психологические нюансы, которыми отличается каждая конкретная личность. Модель богаче в блоках, в крупных мазках, индивидуум — в деталях, ибо многое, четко обрисованное на уровне блока, в нем смазывается, преломляется в различные варианты, смешанные, промежуточные типы.

Создавая типологию потерпевших, т. е. возможно более полную систему моделей, отражающих общее в массе конкретных личностей, мы получаем возможность при решении задач различного рода (в том числе и профилактических) не просто изучать конкретного индивида, но и находить его соответствие определенному социально-психологическому типу и получать исходный вариант работы «по модели». Этот процесс обязательно приведет к тому, что какие-то из компонентов модели отпадут (этого нет в оригинале), какие-то добавятся (этого нет в модели). В итоге создастся возможность ответить на вопрос, что представляет собой индивид; какому, чистому или смешанному, типу он соответствует.

При разработке типологии потерпевших, таким образом, необходимо иметь в виду следующее:

- а) типичность социально-психологического облика потерпевших, не являясь совокупностью качеств, черт, свойств, принадлежащих исключительно этой категории лиц, вытекает из проявления этих качеств в виктимном поведении, т. е. поведении, отклоняю-

щемся за пределы «нормы безопасности» (хотя по существу это поведение может быть и положительным и отрицательным, в том числе правонарушающим);

- б) поскольку ситуации различных преступлений по-разному виктимно «проявляют» те или иные свойства личности, типичность избирательна. Следовательно, общие социально-психологические типы, отражающие лишь главную отличительную черту — поведение — и соотнесенные с классификационными группами, могут быть раскрыты лишь за счет расшифровки, детализации применительно к мотивам поведения и ситуациям криминологически однородных преступлений.

Типология как схема размещения — это блоки (социально-психологические типы), сгруппированные по определенному принципу. В этом плане возможны два варианта.

Поскольку типичное поведение типично не вообще, а в определенных обстоятельствах, постольку и типология потерпевших может быть сконструирована применительно к определенным видам преступлений. В пользу такой конструкции говорят и потребности практической профилактики: осуществление предупредительной работы требует информации о потерпевших от определенных категорий преступлений.

Вместе с тем это не единственный конструктивный вариант. Типологию потерпевших можно построить и по принципу углубления и расширения классификации по признакам поведения, за счет наполнения социально-психологическим содержанием классификационных групп, имеющих в основе общие, исходные типы потерпевших. Для решения некоторых задач (в частности, общей и индивидуальной профилактики) эта типология может быть наиболее удобной.

Типология личности вообще и потерпевших от преступлений в частности может быть сконструирована лишь на фактическом материале. В этом плане каждый блок типологии, т. е. каждый социально-психологический тип личности, есть извлечение из существующего, описание тех социально значимых свойств личности, которые воплощаются в различных по своему характеру типах поведения (для нашего случая — виктимного) в условиях определенных типичных, специфических ситуаций.

Такие блоки (социально-психологические типы) могут быть созданы лишь через развитие элементов поведенческой классификации потерпевших, которая в этом отношении «питает» типологию, по какой бы схеме она ни строилась.

Создание типологии потерпевших — задача сложная, но вполне решимая. Уже сейчас обрисовываются психологические типы потерпевших от некоторых наиболее характерных в виктимологическом отношении преступлений.

Можно утверждать, что для некоторых преступлений типичны отрицательные по своим качествам и поведению типы потерпевших, для других — положительные, хотя, конечно, в большинстве случаев среди потерпевших от того или иного преступления мы находим и тех и других [114, с. 8–17, 43–69; 128, с. 82–102].

2.5. Массовая виктимность

Люди, обладающие аналогичными, сходными или, наоборот, различными морально-психологическими, биофизическими и социальными качествами, определяющими ту или иную степень уязвимости в отношении преступлений, составляют массу, в которой отдельное лицо с его индивидуальной виктимностью выступает лишь как элемент совокупности.

Отсюда следует, что помимо индивидуальной виктимности существует и виктимность массовая, виктимность как социальное явление. Это сложное явление, которое в зависимости от реализации определенных личностных и ситуативных факторов, сложившихся в определенное множество, некую количественную новую суммарность, выражается в различных видах. К ним следует отнести групповую виктимность (виктимность отдельных групп населения, категорий людей, сходных по параметрам виктимности); объектно-видовую виктимность (виктимность как предпосылку и следствие различных видов преступлений); субъектно-видовую виктимность (виктимность как предпосылку и следствие преступлений, совершаемых различными категориями преступников) [122, с. 23]. Субъекты последней — антиподы субъектов виктимизации.

К явлению массовой виктимности относится и виктимность интегративных жертв — аддитивная (интегративная) виктимность.

Однако, прежде чем рассмотреть явление массовой виктимности по существу, следует выяснить, как соотносятся массовая и индивидуальная виктимность, является ли массовая виктимность простой суммой актов индивидуальной виктимности или есть нечто иное, качественно отличное [108, с. 111–120].

Ответ на вопрос, чем отличается преступность от отдельного преступления, как объяснить то положение, что взятые поодиночке явления обладают одними свойствами, но, если их же рассмотреть в целом, свойства этого целого становятся другими, отличными от свойств, составляющих данное целое частей, заключается в том, что если каждое отдельно взятое преступление «могло случиться, а могло и не случиться», «могло быть, а могло и не быть», т. е. может рассматриваться как «случайное» явление, то по отношению к совокупности этих «случайных» явлений такой подход невозможен. Здесь приходится констатировать, что это не только могло, но и должно было случиться, т. е. преступность в целом есть явление закономерное для конкретных условий конкретного общества. Здесь необходимое прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей [175, с. 40; 68, с. 106–107; 48, с. 128, 74].

В этой же плоскости лежит и ответ на вопрос о соотношении индивидуальной виктимности (отдельного факта виктимности и акта виктимизации) и виктимности как массового, социального явления.

Конкретное лицо может оказаться жертвой преступления, может и избежать причинения вреда (либо потому, что не произошло преступления, либо потому, что преступление случилось, но данному лицу «повезло»). Однако совокупность таких «случайных» явлений не оставляет шансов на «постоянное благополучие»: причинение вреда (реализация индивидуальной виктимности) не только может, но и должно происходить. Виктимность на этом уровне — такое же закономерное явление, как преступность.

Если индивидуальная виктимность может реализоваться, а может и остаться в виде не реализованных предрасположений и предпосылок, то виктимность массовая — это, в конечном счете, всегда виктимность реализованная, так как виктимные предрасположения и предпосылки массы индивидов, для большинства остающиеся в потенции, вместе с тем закономерно реализуются для некоторой части этих индивидов.

Использование категории причинности применительно к массовым явлениям позволяет вскрыть наряду с общими причинами, определившими главную тенденцию развития того или иного явления, и причины различных отклонений от этой тенденции [70, с. 22, 23].

Применительно к проблемам виктимности, например, можно (и нужно) исследовать отклонения у отдельных лиц в формировании положительных установок личности и дать этим отклонениям конкретное при-

чинное объяснение. Очевидно, они зависят как от индивидуальных личностных качеств, так и от условий, создающих обстановку, в которой формировался конкретный индивид, социальной среды, с которой он как личность взаимодействует [7, с. 10].

Складываясь из отдельных актов индивидуальной (потенциальной и реализованной) виктимности, массовая виктимность образует социальное явление, отличающееся от составляющих его частей. Индивидуальная виктимность и виктимность как социальное явление качественно различаются, соотносясь как отдельное и общее.

Виктимность как социальное явление (общее) существует лишь в актах индивидуальной виктимности (отдельном), но это не означает, что они — два похожих явления: «большое» и «маленькое».

На социальном, массовом уровне специфической причиной виктимности является преступность, ибо прежде всего она «создает», «производит» виктимность. В этом смысле виктимность как массовое, социальное явление (а это, в конечном счете, всегда реализованная виктимность) есть следствие преступности. Иными словами, причины массовой виктимности — это причины преступности, но не рождающие виктимность непосредственно.

Однако виктимность как массовое социальное явление, производное от преступности, — это одна сторона взаимосвязи между этими явлениями. Существует и другая, в которой преступность и виктимность (в некоторых ее компонентах) как бы меняются местами.

Массовая виктимность включает в себя три компонента:

- а) совокупность потенций уязвимости, реально существующей у населения в целом и отдельных его групп (общностей);
- б) деятельный, поведенческий компонент, который выражен в совокупности актов опасного для действующих индивидов поведения (позитивного, негативного, толкающего на преступление или создающего способствующие условия);
- в) совокупность актов причинения вреда, последствий преступлений, т. е. реализации виктимности, виктимизации (виктимность — результат).

Анализ причин правонарушений свидетельствует, что «совокупность правонарушений и их причин можно рассматривать как систему с гораздо большими основаниями, чем лишь один массив правонарушений как таковых» [70, с. 63; 1, с. 53; 153, с. 109–110]. Но если это так, то виктимность в поведенческом аспекте, виктимное поведение находит

себе место в ряду причин преступности и условий, способствующих проявлению этих причин.

Виктимность является элементом (подсистемой) социальной системы «преступность» и «представляет» в сфере ее причин, способствующих условий и последствий.

Элементы подсистемы «виктимность» (виды виктимности) как бы накладываются на элементы системы «преступность» в той ее части, которая связана с механизмами причинения вреда физическим лицам как индивидуально, так и в составе интегративной жертвы.

Психологический фон массовой виктимности проявляется многопланово: в содержательном плане массовое виктимное поведение может быть, как и индивидуальное, нейтральным, положительным и негативным.

Массовая виктимность характеризуется состоянием (уровнем, структурой и динамикой) [121, с. 24–25].

Уровень виктимности — это выраженное в абсолютных цифрах число преступлений, повлекших причинение вреда физическим лицам; число потерпевших от этих преступлений, а также случаев причинения вреда преступлениями, так как их может быть больше, чем преступлений и потерпевших (жертв).

Индексы (или коэффициенты) виктимности отражают относительные параметры, характеризующие виктимность. Они, в принципе, аналогичны индексам преступности.

Индекс виктимности по лицам исчисляется из количества потерпевших от преступлений (жертв) за определенный период времени на той или иной территории и общего количества населения в расчете на тысячу, 10 тыс., 100 тыс. человек. Этот показатель выражается только в относительных цифрах [121, с. 24–25]. Расчет производится по формуле:

$$K_{\text{вл}} = \frac{\Pi}{H} \times 1000,$$

где $K_{\text{вл}}$ — коэффициент виктимности по лицам; Π — количество потерпевших; H — все население региона, независимо от возраста.

Расчет специальной (избирательной) виктимности производится по формуле:

$$K_{\text{свл}} = \frac{\Pi}{H} \times 1000,$$

где $K_{\text{свл}}$ — коэффициент специальной виктимности по лицам, т. е. виктимности — следствия определенных видов преступлений; Π — количество потерпевших от определенных видов преступлений; N — все население региона, независимо от возраста.

Расчет коэффициента реальной виктимности, учитывающий не только лиц, признанных потерпевшими, но всех жертв преступлений, производится по аналогичным формулам, где $K_{\text{вл(ж)}}$ — коэффициент виктимности по лицам; $Ж$ — количество жертв преступлений; N — все население региона; $K_{\text{свл(ж)}}$ — коэффициент специальной виктимности.

$$K_{\text{вл(ж)}} = \frac{Ж}{N} \times 1000$$

и

$$K_{\text{свл(ж)}} = \frac{Ж_{\text{с}}}{N} \times 1000.$$

Коэффициент виктимоопасности всей совокупности преступлений (исходя из количества лиц, признанных потерпевшими, или общего количества жертв) рассчитывается по формулам:

$$K_{\text{воп}} = \frac{\Pi}{\Pi_{\text{р}}} \times 1000 \text{ или } K_{\text{воп(ж)}} = \frac{Ж}{\Pi_{\text{р}}}.$$

Для расчета коэффициента виктимоопасности отдельных видов преступлений применяются аналогичные формулы:

$$K_{\text{своп}} = \frac{\Pi_{\text{с}}}{\Pi_{\text{рс}}} \text{ или } K_{\text{своп}} = \frac{Ж_{\text{с}}}{\Pi_{\text{рс}}}.$$

Коэффициент виктимоопасности может рассчитываться и по многоэпизодным преступлениям по формуле:

$$K_{\text{вэ}} = \frac{\Pi}{\Xi} \text{ или } K_{\text{вэ(ж)}} = \frac{Ж}{\Xi}.$$

Для более точной оценки виктимности могут применяться коэффициенты латентной виктимности

$$K_{\text{влат}} = \frac{Ж}{\Pi + Ж}$$

и латентной виктимности по ее видам (физический вред, сексуальное насилие и др.).

Структура виктимности может быть построена по самым различным признакам: полу, возрасту, образованию и другим параметрам, относящимся к потерпевшим; признакам, относящимся к преступникам, причинившим вред, а также к преступлениям. Она должна отражать удельный вес отдельных видов преступлений, которыми причинен вред, в общем количестве преступлений, совершенных за определенный период времени на той или иной территории; удельный вес различных групп потерпевших в отдельных видах преступлений; удельный вес потерпевших от отдельных видов преступлений в различных группах и в общем числе потерпевших и др.

Динамика виктимности отражает изменения в пределах конкретно-го временного периода состояния виктимности, ее уровня и структуры в отдельности, в сочетаниях и в полной совокупности.¹

Динамика виктимности сложна по ее функциональным зависимостям. С одной стороны, виктимность изменяется в связи с количественными и качественными изменениями преступности, с другой — в потенциальном компоненте и не в связи с ее изменениями: виктимность изменяется «раньше» преступности, и уже это влечет изменение в последней. «Спрос определяет предложение», и поэтому, например, появление социального слоя богатых и хорошо обеспеченных людей увеличивает количество грабежей, разбоев, вымогательств, захвата заложников с целью получения выкупа, усиливает борьбу за обладание собственностью внутри коммерческих структур, в том числе и путем насилия, вплоть до убийств, и др. Наоборот, позитивные изменения в столь многочисленной группе, как неосмотрительные пешеходы, отразится на снижении транспортных происшествий.

Разумеется, это только «частичка» динамики: изменения преступности и виктимности могут и не быть связаны с влиянием одного из этих явлений на другое, а вызываться социальными изменениями и процессами, которые «параллельно» воздействуют и на преступность, и (в смысле изменения «набора» виктимных потенций) на виктимность.

¹ Практическое состояние виктимности (уровень, структура, динамика) отражает в большей мере уровень ее реализации, иначе говоря, уровень виктимизированности. Что касается ее (виктимности) структуры, то, в принципе, она есть выражение и реализованной и потенциальной ее составляющих. В известной мере структура виктимности — это ее прогноз.

Виктимность — лишь относительно «внутреннее дело преступности». В определенном смысле она, наряду с другими причинами и условиями, обеспечивает существование преступности, определяет возможность совершения преступлений, влекущих причинение ущерба физическим лицам.

Социальная сущность явления виктимности вытекает из того, что:

- ♦ реализованная виктимность есть следствие социального явления — преступности;
- ♦ виктимность в потенции есть результат действия совокупности социальных условий на уровне макросреды и социальной сферы отдельных личностей.

«Помощники» преступников, «соавторы» преступлений (в отдельности и в массе) появляются не случайно; они создаются социальными условиями. Если индивидуальная виктимность может реализоваться, а может и остаться в виде не реализованных предрасположений, то виктимность массовая всегда одновременно потенциальная и реализованная, ибо виктимные предрасположения массы людей, для большинства из них остающиеся потенциальными, вместе с тем закономерно реализуются для некоторой их части.

Таким образом, массовая виктимность — отражающее состояние общества, связанное с преступностью, исторически изменчивое социальное явление, оно выражается в совокупности всех жертв и актов причинения вреда преступлениями физическим лицам на определенной территории в определенный период времени и общих для населения и отдельных его групп потенций уязвимости, реализующихся в массе разнохарактерных индивидуальных виктимных проявлений, в различной степени детерминирующих совершение преступлений и причинение вреда.¹

¹ В принципе, сходное определение массовой виктимности как потенциально реализованной предлагает В. И. Полубинский (*Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления. Горький, 1979. С. 36*). См. также: *Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. 2000. С. 46–53.*

Глава 3

Виктимологическая составляющая механизма преступления

3.1. Виктимизация: процесс и результат

Виктимизация — это процесс и результат превращения лица в жертву преступления. Виктимизация, таким образом, объединяет в себе и динамику (реализацию виктимности) и статику (реализованную виктимность). Она являет собой некую материализацию субъективных (личностных) и объективных (ситуативных) виктимных (виктимогенных) потенций в качество реального, состоявшегося потерпевшего [128, с. 53–56].

Виктимизация неразрывно связана с процессом криминализации, действиями, следствием которых является причинение вреда. Вне его она невозможна. Индивидуальная виктимизация происходит в процессе совершения причинения вреда конкретному лицу, но в реальной действительности совершается множество преступлений и вред причиняется множеству жертв, вследствие чего их индивидуальная виктимность, оставаясь таковой, приобретает качество массового явления.

Следовательно, виктимизация как процесс и результат объективно существует не только на индивидуальном, но и на массовом уровне, представленном в суммарном выражении актов виктимизации и их последствий. Показатели массовой виктимности (ее уровень, структура, виды, динамика и т. п.), собственно, и отражают состояние результативной массовой виктимизации, виктимизации от преступности [54, с. 12].

Виктимизация заключается не просто в причинении вреда (это криминальная сторона события). В процессе причинения вреда он (вред), условно говоря, воспринимается субъектом, в результате чего потен-

циальная жертва становится реальной. У субъекта виктимизации всегда есть определенное отношение к опасности, оценка возможности ее избежать и т. д. Иначе говоря, виктимизация имеет субъективную (эмоционально-волевою) окраску. Виктимизация субъекта происходит в конкретной ситуации, это объективная ее сторона. Наконец, виктимизация нарушает охраняемые законом общественные отношения, гарантии личной и имущественной безопасности. Таким образом, на индивидуальном уровне виктимизация включает такие элементы, как субъект и объект, субъективная (эмоционально-волевая) и объективная (ситуативная) стороны [54, с. 10].

Виктимизация на массовом уровне включает аналогичные элементы, но представленные в обобщении определенных, наиболее типичных качеств индивидуальной виктимности. Личностные виктимные предрасположения и ситуативные предпосылки реализуются во множестве актов причинения вреда конкретным лицам конкретными преступлениями. Это объективное качество и виктимности, и процесса ее реализации, с учетом которого разрабатываются различные классификации и типологии жертв, в частности социально-психологическая.

Понятие «субъект виктимизации» и понятие «непосредственная жертва» всегда совпадают, но это не правило для массовой виктимизации.

«Субъектом виктимизации является субъект тех охраняемых уголовным законодательством общественных отношений, которые в результате преступного деяния претерпели общественно опасные изменения или на которые было направлено посягательство» [54, с. 10]. Исходя из этого можно представить непосредственных жертв преступления как субъектов виктимизации.

Субъект индивидуальной виктимизации (непосредственная жертва) — это имеющее определенный социальный статус физическое лицо, гражданин, включенный в систему законодательно охраняемых общественных отношений [54, с. 10].

Интегративный субъект виктимизации — это общность людей, обладающая аддитивной виктимностью (интегративная жертва). При виктимизации интегративной жертвы реальный вред также причиняется физическим лицам, но индивидуальная виктимизация является частью общей, суммарной и представляет собой реализацию аддитивной виктимности.

Субъект массовой виктимизации — это множество, совокупность субъектов — жертв непосредственной индивидуальной виктимизации,

непосредственно виктимизированных интегративных жертв, а также опосредованно виктимизированных субъектов (опосредованных или косвенных жертв). Но это не особая, представляющая собой иное новое качество коллективная жертва.

Объект виктимизации — это «охраняемые уголовным законодательством общественные отношения, которые в результате виктимизации подверглись социально нежелательным изменениям, причинно связанным с совершением преступного деяния» [54, с. 11].

Объективная сторона виктимизации (внешняя по отношению к ее субъекту) — это ситуация, в которой происходит виктимизация: место, время, способ причинения вреда, поведение потерпевшего, последствия виктимизации. Эти составляющие объективной стороны могут в определенных случаях зависеть от субъекта виктимизации.

Субъективная сторона виктимизации включает мотивы, цели субъекта виктимизации, восприятие им ситуации, которое влияет на его поведение, осознание и отношение к результату виктимизации [54, с. 11–12].

Л. В. Франк предложил рассматривать четыре уровня виктимизации:

- а) первый (непосредственные жертвы, т. е. физические лица);
- б) второй (семьи);
- в) третий (коллективы, организации);
- г) четвертый (население районов, регионов) [153, с. 110–111; 128, с. 55].

В принципе, здесь нет оснований для возражений. Действительно, объективно преступлениями вред причиняется и отдельным лицам, и коллективам, и организациям, и населению, но здесь на первое место выдвигается масштаб виктимизации, а критерий непосредственности причинения вреда не учтен.

Типичные виктимные характеристики позволяют определенным образом дифференцировать субъектов виктимизации всех уровней с учетом этого критерия: во-первых, это жертвы — физические лица и интегративные жертвы, которым вред причинен непосредственно (жертвы); во-вторых, — физические лица и интегративные жертвы, которым вред причинен опосредованно (опосредованные жертвы); в-третьих, иные формы интеграции людей, не имеющие качества аддитивной виктимности [54, с. 10–12], которым вред может быть причинен только опосредованно или косвенно (вероятно, есть основания рассматривать

их как определенный класс субъектов, не являющихся жертвами в наиболее точном понимании этого понятия). Соответственно непосредственную и опосредованную жертву следует четко различать. (Очевидно, что для виктимологии наиболее актуальна первая из них.)

Индивидуальная опосредованная жертва не возникает самостоятельно. Ее появление обусловлено опосредованной виктимизацией — последствием непосредственной виктимизации. Так, виктимизация физического лица может иметь следствием причинение, например, имущественного вреда другому лицу, связанному с ним отношениями собственности. Убийство отца (не имеющее никакого отношения к его семейному положению) лишает детей кормильца и тем самым причиняет им материальный и моральный вред. И в том и в другом случае налицо опосредованные жертвы. Ситуация включает физическое лицо — непосредственную жертву и физическое лицо — опосредованную жертву. Если же убийство отца совершено лицом, знающим, что он лишает семью кормильца, посягательству подвергается семья именно как таковая, как интегративная жертва. Она является непосредственной жертвой, а члены семьи, возможно в разной форме, но также становятся непосредственными жертвами (сочетающими в себе качества индивидуальной и интегративной жертвы).

Таким образом, основной (но не единственный) субъект виктимизации — это физическое лицо, которому вред причинен непосредственно, а в некоторых случаях имеющая аддитивную виктимность интеграция людей, которые непосредственно виктимизированы как составные элементы этой интеграции. Физическое лицо, находясь среди других лиц, вероятно, виктимизируется не в той «технологии», как в одиночестве, но в любом случае для каждого индивида его «товарищи по несчастью» есть элементы виктимологической ситуации. С этой точки зрения жертва — всегда «одинокая жертва».

Лишь в том случае, когда интеграция обладает аддитивной виктимностью, она приобретает качество своеобразной, но все же жертвы.

3.2. Понятие виктимологической ситуации и ее составляющих

В понятийном аппарате виктимологии важное место занимают понятия криминологической и виктимологической ситуаций, а также ситуаций, охватываемых этими понятиями. Без анализа и рассмотре-

ния компонентного состава этих ситуаций невозможно разобраться в криминогенной роли потерпевших в механизме преступления.

В юридической литературе встречаются различные наименования и, следовательно, определения ситуации.

Ю. М. Антонян определяет ситуацию (от лат. *situs*) как «совокупность, сочетание обстоятельств и условий, создающих те или иные отношения, определяющие обстановку или положение. Под ситуацией понимается также расстановка и соотношение сил».

С. Б. Алимов понимает под ситуацией совершения преступления «совокупность объективных обстоятельств, которая оказала прямое влияние на возникновение, форму, степень тяжести и иные особенности конкретного проявления данного преступного акта».

В. С. Квашис полагает, что конкретная жизненная ситуация — это «совокупность обстоятельств, влияющих на поведение субъекта».

По мнению В. Н. Кудрявцева, конкретная жизненная ситуация — это «определенное сочетание объективных обстоятельств жизни человека, непосредственно влияющих на поведение человека в данный момент. В криминологическом смысле — это событие или состояние... которое приводит к преступному результату вследствие умысла или по неосторожности. Таким образом, ситуация всегда предшествует преступлению». Ситуацию непосредственно преступления В. Н. Кудрявцев называет «обстановкой совершения преступления».

Конечно, авторы этих определений правы. Ситуация — действительно совокупность обстоятельств сложившегося или реально возможного взаимодействия лица и внешних для него обстоятельств в тот или иной определенный момент времени. Вопрос в ином: где границы ситуации.

Если точно следовать приведенным определениям, надо ограничиться анализом обстановки, непосредственно предшествующей преступлению. Остальное остается за пределами ограниченной таким образом ситуации. В известной мере ограничивается («укорачивается») и роль потерпевшего, а следовательно, существенно меняется и ее криминологическая оценка. При таком подходе она не будет отражать объективной значимости виктимологической составляющей механизма преступления.

Об том, что потерпевший часто играет криминологически значимую роль в механизме преступления, известно давно. Это наблюдение, имеющее в основе оценку множества ситуаций конкретных преступлений, представлено теперь в обобщениях, позволяющих судить о виктимологической стороне криминальных проявлений как о явлении типич-

ном. Рассматривать это явление (все его компоненты — личностные, мотивационные, ситуационные, поведенческие) можно и нужно как составную часть криминологического механизма.

Разумеется, типичным может быть и активное и пассивное и положительное и негативное поведение потерпевшего. Но было бы неправильно полагать, что криминологическая значимость виктимного поведения связана лишь с активностью и негативной мотивацией. Пассивное, некритичное поведение, положительная мотивация действия или бездействия потерпевшего тоже не нейтральны в механизме преступления. Сталкиваясь с различными ролями потерпевших от преступления, мы и должны разобраться в степени их криминологической значимости. Иногда материал для таких оценок лежит на поверхности, но часто — в глубине ситуативных факторов. Интерес к потерпевшему, собственно, и обусловлен тем, что он является необходимым элементом ситуации — одной из составляющих, наряду с личностью преступника, механизма преступления.

Однако этим роль потерпевшего не ограничивается. Она может проявиться в механизме преступления не только через ситуацию, но и через личность преступника, если в прошлом будущая жертва оказала на него формирующее влияние.

Нравственное формирование личности, равно и положительное и отрицательное (дефектное), в значительной мере определяется вольным или невольным, сознательным или неосознанным влиянием лиц, составляющих важнейший компонент микросреды субъекта, — родителей, родственников, друзей и др., так как «иногда условия бытия человека сложнее, чем какие-либо общие идеи и воззрения, формируют человека как личность».

Человек не рождается личностью. Он становится ею, овладевая опытом социальной жизни, в процессе присвоения своей социальной сущности⁸. При формировании личности разные по характеру и силе внешние воздействия, преломляясь через психофизические данные этого лица, превращаются в его привычки, потребности, становятся критериями предъявляемых к себе и другим требований. «Все внешние условия формируют и развивают личность, но из обстоятельств жизни решающее влияние оказывают взаимоотношения людей, в сфере действия которых находится личность».

Нередко «авторы» негативных влияний на потенциальных причинителей вреда в дальнейшем (иногда спустя длительное время) оказываются их жертвами.

Обстановка, в которой оказывается преступник, далеко не всегда бывает объективно нейтральной. Во многих случаях она в большей или меньшей степени влияет на преступника и его поведение. В криминологическом плане оценить преступление можно, лишь рассмотрев самым детальным образом все внутренние связи обстоятельств, которые в своей совокупности сделали возможным его совершение, определили решимость преступника нарушить закон, повлияли на мотивацию поведения. Но каждая конкретная ситуация воспринимается различными лицами по-разному, ибо они «вступают» в нее с ранее сформированными личностными установками, представлениями, способностью к критическим оценкам и т. д.

Отсюда необходимость обращения к этапам, отделенным от времени совершения преступления. Именно здесь в ряде случаев обнаруживаются отношения будущего потерпевшего с будущим преступником, отразившиеся на формировании черт его личности.

Соответственно, если мы хотим выяснить, какова роль потерпевшего, степень его влияния на возникновение, развитие и последствия преступления действительно во всей полноте, нельзя ограничиваться только ситуацией, непосредственно предшествовавшей преступлению.

Необходимо определить понятие и границы ситуаций, в пределах которых целесообразно исследовать роль потерпевшего в криминологическом механизме.

В свое время Г. Гентиг заметил, что «в некотором смысле жертва создает преступника». Это замечание давно утратило новизну, но не утратило актуальности. Анализ многих преступлений показывает, что действия преступника, казалось бы, не спровоцированные поведением потерпевшего в предпреступной ситуации, в действительности являются в большей или меньшей (иногда решающей) степени результатом вклада лица, которому причинен вред, в формирование личности преступника. Очевидно, уже здесь проявляется «социальная связь, которая подразумевает поведение, создаваемое всеми участвующими сторонами и осознанно ориентирующее их на действия других лиц».

Отдаленные по времени от непосредственно преступного акта, взаимоотношения будущих преступника и потерпевшего могут содержать не только формирующие, но и иные элементы зарождения в дальнейшем криминально разрешившегося конфликта.

Таким образом, сумма объективных и субъективных обстоятельств, факторов и их зависимостей (как связанных, так не связанных с потер-

певшим), составляющих предысторию преступления и само преступление, значительно больше той их части, которая относится лишь к самому преступлению и обстоятельствам, ему непосредственно предшествовавшим. Поэтому целесообразно провести различие между ними через понятия личностно-формирующей, предкриминальной (жизненной), криминальной, посткриминальной, криминогенной и криминологической ситуаций.

Личностно-формирующая ситуация — система факторов, условий, обстоятельств, оказавших решающее влияние на преступника, формирование его личностной направленности и общественно опасных установок.

Предкриминальная (жизненная) ситуация — это совокупность обстоятельств, непосредственно предшествующих преступлению и взаимодействующих с личностными качествами субъекта, совершающего преступление.

Криминогенная ситуация — это этап развития криминологического механизма до момента преступления, включающий личностно-формирующую и предкриминальную ситуации.

Криминальная ситуация — это непосредственно преступление (обстановка совершения преступления).

Посткриминальная ситуация — совокупность всех обстоятельств, характеризующих поведение преступника и жертвы (если она жива) после преступления во всем, что имеет отношение к преступлению, его последствиям, квалификации и оценкам.

Криминологическая ситуация — это совокупность обстоятельств, включающих этап формирования личности преступника, как бы он ни был отдален от события преступления (личностно-формирующую ситуацию), предкриминальную (жизненную) ситуацию, непосредственно предшествующую преступлению, само преступление (криминальную ситуацию), а также посткриминальную ситуацию, рассматриваемых как единый причинно связанный процесс.

Таким образом, криминологическая ситуация включает:

- а) обстоятельства формирования личности преступника;
- б) ситуацию, в которой формируется конкретное намерение и (или) создается реальная обстановка, способствующая совершению преступления;
- в) само преступление;
- г) ситуацию после преступления.

Ситуация, предшествующая преступлению, может быть как кратковременной, так и сравнительно длительной — «...от нескольких секунд до нескольких лет», причем потерпевший от преступления может «вступить» в ситуацию на самых отдаленных этапах или, наоборот, непосредственно предшествующих преступлению.

Криминологическая ситуация охватывает все обстоятельства, относящиеся к конкретному преступлению, причем формирование личности преступника не исключается из нее и рассматривается как этап (и одновременно составной элемент) предшествующей преступлению ситуации (предкриминальная обстановка).

Анализ конкретного преступления в рамках криминологической ситуации позволяет не только глубоко вникнуть в обстоятельства «появления» потенциального, а затем и реального преступника, но и (в такой же динамике) потерпевшего, хотя последний может оказаться действующим лицом ситуации на самых отдаленных или, наоборот, непосредственно предшествующих преступлению этапах.

В криминологической ситуации мы можем наблюдать потерпевшего уже в известной степени сформировавшегося как личность. Однако потерпевший, поведение которого в предпреступной обстановке и непосредственно в ситуации преступления было агрессивным, пассивным или иным, оказывается в ситуации уже как обладатель определенных виктимных предрасположений. И если индивидуум в процессе формирования личности приобретает качество повышенной виктимности, то тем самым создается негатив криминологической ситуации — виктимологическая ситуация.

Виктимологическая ситуация включает:

- ♦ личностно-формирующую виктимную ситуацию (систему факторов, условий, обстоятельств, оказавших решающее влияние на формирование у потенциальной жертвы качеств повышенной виктимности);
- ♦ предкриминальную (жизненную) виктимную ситуацию (систему обстоятельств, непосредственно предшествующих преступлению, во взаимодействии с личными качествами субъекта виктимизации (потенциальной жертвы)); в совокупности эти ситуации составляют виктимогенную ситуацию;
- ♦ криминально-виктимную ситуацию (ситуацию непосредственно совершения преступления и причинения вреда);
- ♦ посткриминальную виктимную ситуацию (поведение жертвы после преступления и все обстоятельства, влияющие на ее положение).

Содержание виктимологической ситуации, таким образом, составляют совокупность обстоятельств формирования личности с повышенными виктимными потенциями; конкретная предпреступная (жизненная) ситуация, преступление и обстоятельства, сложившиеся после преступления, в которых непосредственно реализуется индивидуальная виктимность, рассматриваемые как единый причинно связанный процесс.

Виктимологическая и криминологическая ситуации реализуются во взаимодействии, так как на этапах конкретной предпреступной (жизненной) ситуации и ситуации преступления (а в ряде случаев — и после него) они совпадают. Различие лишь в том, с каких позиций они воспринимаются преступником и потерпевшим, в чем объективно выражается давление ситуации на каждого из них.

Более того, участие потенциальной жертвы в формировании потенциального причинителя вреда (преступника), т. е. виктимологический аспект начального этапа криминологической ситуации, имеет аналогию в рамках виктимологической ситуации. При наличии стабильных связей и потенциальный преступник может оказывать воздействие на формирование потенциального потерпевшего. В этом случае налицо криминологический аспект виктимологической ситуации.

Оперируя рассмотренными выше терминами, понятиями и определениями, мы можем рассмотреть роль жертв в механизме совершения преступлений, «выйти» на классификацию ситуаций индивидуальной виктимизации и типологию потерпевших (жертв).

В предпреступной ситуации, в которой будущий преступник «сталкивается» с будущей жертвой, создается своеобразная система «преступник — жертва», которая является подсистемой более крупной системы «преступник — ситуация». Во многих случаях потенциальная жертва своим поведением формирует ситуацию, в которой повышается вероятность причинения ей вреда. Такие ситуации могут возникать в результате:

- а) неправомерных, неэтичных действий, носящих провокационный характер;
- б) действий, снижающих критическое восприятие окружающей обстановки (алкогольное или наркотическое опьянение);
- в) неосторожного поведения, создающего благоприятные условия для реализации преступных намерений причинителя вреда;
- г) подстрекательских действий;

д) правомерных поступков, но вызывающих преступную реакцию у потенциального причинителя вреда.

В зависимости от криминологического значения поведения потерпевшего, его вклада в механизм преступления и следует классифицировать ситуации, которые, в конечном счете, привели к причинению ему вреда. В основе такой классификации лежит в первую очередь виктимологическая составляющая криминогенной ситуации.

Виктимологические ситуации в зависимости от поведения потерпевшего делятся на:

- а) ситуации толчкового характера, объективно провоцирующие, толкающие преступника на совершение преступления. В случае реализации они выступают в виде повода к совершению преступления. В этих ситуациях поведение потерпевшего заключается в нападении, оскорблении, причинении обиды, унижения, провокации, подстрекательстве, просьбе, угрозе и т. д.;
- б) ситуации толчкового характера, в которых поведение потерпевшего положительное, т. е. не провоцирующее, однако связанное с обращением на него насильственных действий преступника (например, действие работника милиции, пострадавшего при задержании преступника или защите третьего лица);
- в) ситуации, в которых поведение потерпевшего создает объективную возможность совершения преступления, хотя и не выступает как толчок. К этим ситуациям следует отнести, например, действия потерпевшего, создающего аварийную обстановку на дороге; «все-прощение», позволяющее преступнику продолжать дальнейшую преступную деятельность; нескритичность, без которой было бы невозможно мошенничество;
- г) замкнутые ситуации, в которых действия потерпевшего направлены на причинение вреда самому себе без непосредственного вмешательства другого лица. Например, причинение себе увечья с целью уклонения от военной службы, уничтожение своего имущества с целью неуплаты налогов и т. д.;
- д) ситуации, в которых поведение потерпевшего совершенно нейтрально с точки зрения влияния на поведение преступника и причинение вреда.

Виктимологические ситуации в зависимости от их временной протяженности и количества составляющих их эпизодов делятся на ситуации разового характера, однофактные (один факт) и многофактные (ситуа-

ции-системы), в которых много эпизодов поведения, определенная их совокупность.

Виктимологические ситуации в зависимости от *характера взаимодействия потерпевшего и преступника* включают:

- а) ситуации столкновения, в которых потерпевший и преступник находятся в конфликтных отношениях, а их действия реализуются в одностороннем или обоюдном причинении вреда. Ситуации столкновения могут быть:
- ◆ последовательными (столкновение имеет место с момента возникновения, завязки ситуации);
 - ◆ непоследовательными (когда первоначально отношения и действия потерпевшего и преступника не носят конфликтного характера, но в дальнейшем приобретают его).

Примерами непоследовательной ситуации столкновения могут быть совместное употребление спиртных напитков, которое заканчивается дракой, причинением телесных повреждений, либо откровенное демонстрационное поведение своей доступности женщиной, которая в дальнейшем отказывается от совершения полового акта, но становится жертвой насильника.

- б) ситуации сотрудничества, в которых действия потерпевшего и преступника направлены на достижение одного результата, и они не связаны конфликтом. Например, незаконное производство аборта, сожительство с лицом, не достигшим половой зрелости.

Эти ситуации могут быть как последовательными, когда от начала до конца действия и отношения не носят конфликтного характера, так и непоследовательными, в которых первоначально конфликтные действия и отношения перерастают в согласованные, сотруднические. Сожительство с лицом, не достигшим половой зрелости, с его согласия, если ранее это лицо возражало против такого сожительства, а потом под влиянием уговоров, соблазнившись подарками, согласилось на это, — пример непоследовательной ситуации сотрудничества.

Виктимологические ситуации в зависимости от *степени и характера понимания потерпевшим динамики и перспективы развития ситуации* разделяются на:

- а) закрытые ситуации, в которых потерпевший совершенно не представляет, какой вред ему может быть причинен, и не допускает такой возможности;

- б) относительно закрытые ситуации, в которых потерпевший допускает возможность причинения ему вреда, но заблуждается относительно его характера или даже рассчитывает на причинение вреда, но не того, который в действительности оказался причиненным;
- в) открытые ситуации, в которых потерпевший предвидит возможность причинения ему вреда и понимает, каков этот вред;
- г) открытые ситуации самонадеянности, в которых потерпевший понимает, какой вред ему грозит, но необоснованно рассчитывает его предотвратить. Примером такой ситуации является, в частности, попытка потерпевшего обезоружить преступника в расчете на знание приемов самбо, если переоценка своих возможностей привела к причинению вреда.

По глубине предвидения и представления о возможности активного вмешательства с целью недопущения вреда возможны и смешанные варианты, включающие признаки различных видов ситуаций.

Криминологические ситуации в зависимости от *отношения потерпевшего к последствиям своих действий и действий преступника* (отношение к результату) могут быть разделены на:

- ♦ негативные, когда потерпевший, независимо от цели своих действий, не желает наступления того вреда, который в конечном итоге имеет место;
- ♦ позитивные, когда потерпевший желает наступления объективно вредного для него результата.

Варианты отношения к преступному и виктимному поведению и их последствиям могут быть представлены как:

- 1) неосторожность (в форме небрежности) преступника — небрежность потерпевшего;
- 2) неосторожность (в форме самонадеянности) преступника — небрежность потерпевшего;
- 3) неосторожность (в форме небрежности) преступника — самонадеянность потерпевшего;
- 4) неосторожность (в форме самонадеянности) преступника — самонадеянность потерпевшего;
- 5) умысел преступника — небрежность или самонадеянность потерпевшего;
- 6) умысел преступника — умысел потерпевшего.

В массе преступлений эти соотношения различны. Например, последний вариант встречается редко, причем в специфических преступлениях — криминальном аборте, членовредительстве, половом сношении с лицом, не достигшим 14 лет.

Криминологические ситуации в зависимости от *отношения жертвы к исходным обстоятельствам ситуации* быть разделены на выбранные и не выбранные. В выбранных ситуациях жертва осознанно включается в механизм развития событий, по собственной воле и своим поведением (толчковым, пассивным или иным) создает возможность причинения себе вреда. Не выбранные — такие ситуации, в которые потерпевший, не имея выбора, попадает помимо своей воли и вынужден принять всю сумму обстоятельств, составляющих обстановку, проявляющую его личные качества в определенном поведении.

Без знания этих обстоятельств невозможно предупреждать преступления, так как преступник во многих ситуациях выступает во «взаимодействии» с конкретным потерпевшим, на которого, как и на преступника, должно направляться индивидуальное профилактическое воздействие.

Виктимное поведение жертвы при всей его многовариантности укладывается в рамки виктимологических ситуаций. В них, собственно, и реализуется «участие» жертвы в причинении ей вреда.

3.3. Поведение жертвы (потерпевшего) в механизме преступления

Любое преступление представляет собой акт поведения. В умышленном преступлении это поведение имеет в своей основе более или менее полную оценку лицом как самого поведения, так и его результата. Вместе с тем при анализе преступления нельзя рассматривать поведение преступника в отрыве от той конкретной ситуации, в которой он действует. Это было бы неправильным не только потому, что нереально представлять преступника в некоем безвоздушном пространстве, но и потому, что в значительном количестве преступлений ситуация не является нейтральной и в большей или меньшей степени влияет на преступника и его поведение. Анализируя любое преступление, мы не можем оценить его в криминологическом плане до тех пор, пока не рассмотрим самым подробным образом все внутренние связи обстоятельств, которые в своей совокупности сделали возмож-

ным его совершение, так или иначе повлияли на результаты преступной деятельности, определили как решимость преступника нарушить закон, так и мотивацию поведения. Предкриминальная ситуация в рамках детерминации может играть и роль 'причины и' роль условия, способствующего совершению преступления.

Жертва — элемент предкриминальной и непосредственно криминальной ситуации. От нее нередко зависит, в какой ситуации окажется преступник — способствующей или препятствующей совершению преступления. Нередко жертва выступает в роли соавтора и даже автора провоцирующих преступника ситуаций. Давление ситуации — это характеристика объективного ее содержания, выражающая степень психологического воздействия на лицо, включенное в систему составляющих данную ситуацию обстоятельств и воспринимающее и оценивающее их с большей или меньшей адекватностью.

Разумеется, «люди — не пассивные существа, находящиеся во власти внешних стимулов», и они, в свою очередь, воздействуют на ситуацию [171, с. 62]. «Именно поэтому одна и та же ситуация может привести различных людей к совершенно противоположным решениям и действиям» [68, с. 15].

В поведении, в том числе преступном, проявляется взаимодействие личности и ситуации, причем в крайних точках соотношений этих компонентов мы находим:

- а) сильное влияние конкретной жизненной ситуации при отсутствии антиобщественной установки;
- б) глубокую устойчивую антиобщественную установку при отсутствии по существу какого-либо давления внешней ситуации.

Между этими крайними точками расположен ряд переходных случаев, когда взаимодействуют более или менее напряженная ситуация и более или менее развитые антиобщественные качества личности» [68, с. 15].

Для виктимологического исследования, естественно, наибольший интерес представляют ситуации, давление которых сложилось в большей или меньшей мере за счет действия, бездействия или личностных качеств потерпевшего.¹

¹ Конкретное проявление взаимодействия лица и внешних для него обстоятельств также следует рассматривать как своеобразную синтезирующую объективные и субъективные элементы ситуацию, поскольку, во-первых, для криминологии имеют значение только те ситуации, в которых действуют люди, во-вторых, люди и сами, как элементы ситуаций, составляют внешнюю обстановку для тех, кто воспринимает эти ситуации «со стороны».

Жертва самим фактом своего существования в определенной ситуации может превратить ее в криминогенную, поскольку может повлиять не только на зарождение мотивов, но и на возникновение самой мысли о преступлении. Она может реально создать обстановку, провоцирующую причинение ей вреда. Здесь много вариантов виктимного поведения — от самых малозначительных до решающих.

Таким образом, чтобы ответить на вопрос, какова роль потерпевшего в механизме конкретного преступления, необходимо установить:

- а) в какой мере ситуация, оказавшаяся не нейтральной в отношении создания у преступника решимости совершить преступление или содержащая условия, способствующие совершению преступления, сложилась за счет поведения потерпевшего;
- б) каким было объективное содержание «давящей» ситуации и насколько адекватно потерпевший воспринял причинение вреда;
- в) каким образом и в какой степени потерпевший оказал влияние на формирование личностной установки преступника, реализовавшейся во взаимодействии с ситуацией в причинении вреда;
- г) какие личностные качества потерпевшего делали его в большей степени уязвимым для преступника.

В конечном счете наиболее значимым для виктимологического исследования остается вопрос о детерминационном значении предкриминальных и криминальных ситуаций и месте, которое занимает в их формировании и реализации будущая жертва, превратившаяся затем в реального потерпевшего.

Пока наша криминологическая наука не имеет четких критериев для оценки перевеса ситуации над установкой личности [68, с. 45], однако есть, на наш взгляд, достаточные основания утверждать, что по значительному количеству преступлений их причину следует искать именно в конкретной жизненной ситуации. Но поскольку в ряде случаев жизненная ситуация, оказывающая основное влияние на преступника, связана именно с поведением потерпевшего от преступления (жертвы), она может выступать в качестве обстоятельства, в значительной и даже решающей степени определяющего криминальное развитие событий.

Дело в данном случае не только в том, явилось ли поведение потерпевшего причиной преступления или условием, способствовавшим его совершению. Важно принципиальное положение о зависимости поведения преступника от поведения потерпевшего (жертвы). Конечно, сами действия потерпевшего могут быть различны в плане их право-

вой оценки: противоправными, правомерными, безразличными с точки зрения права, а иногда и с точки зрения морали.

Практика показывает, что именно поведение жертвы нередко служит толчком к совершению преступления. В частности, противоправные или аморальные действия потерпевшего (жертвы) могут выражаться в нападении, грубом обращении, обмане, оскорблении, провокации, подстрекательстве и других подобных действиях, направленных на будущего причинителя вреда и создавших ситуацию, реализовавшуюся в причинении вреда потерпевшему.

Интенсивность воздействия обстановки на преступника (в данном случае — причинителя вреда потерпевшему) подчас настолько высока, что, как свидетельствует судебно-следственная практика, в ряде случаев приводит лиц, не имеющих антиобщественной установки, к совершению преступления. Следовательно, в этой крайней точке соотношения ситуации и личности преступника реализуется возможность совершения преступления субъектом, у которого отсутствует антиобщественная установка личности.

В связи с этим возникает естественный вопрос: нет ли такой установки у того, чьи действия вызвали преступление, в том числе и у жертвы преступления?¹ Такая постановка вопроса имеет смысл даже в том случае, когда речь идет о преступлениях, явившихся результатом неосторожности потерпевшего (например, создание аварийной ситуации на транспорте лицом, систематически злоупотребляющим алкоголем, нарушающим общественный порядок), и уж бесспорно она закономерна, если преступление вызвано умышленными противоправными или аморальными действиями потерпевшего.

Н. С. Лейкина, в частности, справедливо отмечает, что если «под социальной установкой понимать систему социальной ориентации, которую человек для себя принял, ... то очевидно, что антиобщественной установки нет у лиц, совершивших преступление под влиянием случайного стечения обстоятельств, в состоянии аффекта, вызванного противоправным действием, при превышении пределов необходимой обороны, впервые по неосторожности, и в зависимости от этого действия потерпевшего могут играть роль и смягчающих, и отягчающих вину преступника обстоятельств» [75, с. 8]. К таким преступлениям можно отнести превышение пределов необходимой обороны, соверше-

¹ Здесь и далее, употребляя термин «потерпевший от преступления», мы имеем в виду жертву преступления вне зависимости от того, признано ли лицо потерпевшим по уголовному делу согласно ст. 53 УПК РСФСР.

ние преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего, преступления, совершенные в отношении работников милиции при исполнении ими обязанностей охраны общественного порядка, и др.

В таких ситуациях преступление совершается в результате не прямого, а опосредованного проявления, реализации антиобщественной установки. Жертва — носитель антиобщественной установки (это имеет место, например, при превышении пределов необходимой обороны и преступлениях, совершенных в состоянии аффекта, вызванного действиями потерпевшего), воздействуя на лицо, не имеющее такой установки, но не способное противостоять этому воздействию, выступает в качестве непосредственного и основного «соавтора» преступления.

Н. у себя в квартире из охотничьего ружья застрелил избивших его и угрожавших ему убийством А. и С. Преступники, члены одного из санкт-петербургских преступных сообществ, вымогали у него крупную сумму денег. Воспользовавшись невнимательностью преступников, Н. из имевшегося у него охотничьего ружья застрелил обоих — одного в квартире, а второго — догнав на лестнице.

Очевидно, что в этой ситуации антиобщественная установка личности потерпевших реализовалась чужими руками непосредственно в отношении ее обладателей.¹ Что же касается Н. (в его действиях имелось превышение пределов необходимой обороны), то для него сложившиеся обстоятельства следует оценить как сильное давление ситуации при отсутствии антиобщественной установки.

С точки зрения обратной связи в реализации антиобщественной установки личности в отношении ее обладателя в определенной мере аналогична оценка и тех ситуаций, в которых взаимодействуют более или менее устойчивая антиобщественная установка и мотивы поведения потерпевшего, явно вызывающие преступника на негативную ответную реакцию.

В этой связи В. Н. Кудрявцев пишет следующее: «...в большинстве случаев непосредственная причина преступления — взаимодействие

¹ А. М. Яковлев правильно отмечает, что в насильственных преступлениях мотивация в виде агрессивного уродливого утверждения собственного «Я» свидетельствует о глубоких внутренних конфликтах, которые требуют криминологического и социально-психологического изучения (см.: Яковлев А. М. Взаимодействие личности со средой как объект криминологического изучения // Советское государство и право. 1966. № 2).

антиобщественной направленности личности и ситуации, причем в этом взаимодействии указанные факторы могут быть далеко не равноценны: иногда главную роль играет антиобщественная направленность личности, а иногда — ситуация» [69, с. 6–7].

Здесь речь идет о ситуации, непосредственно предшествующей преступлению. Если же иметь в виду криминологическую ситуацию, охватывающую самые отдаленные этапы формирования криминогенной личности, которая и реализуется во взаимодействии с ситуацией, предшествующей преступлению, то превалирование «внешнего» (объективного) по отношению к «внутреннему» (субъективному) представляется весьма реальным.

Следует отметить, что в приведенном примере с убийством А. и С. мы имеем дело с относительно «чистым» проявлением обратной связи в реализации антиобщественной установки в отношении ее обладателей, поскольку в самих действиях потерпевших имеется состав преступления. Возможно, однако, положение, когда при совершенно очевидной антиобщественной установке личности потерпевшего в его негативных действиях, вызвавших причинение ему вреда, нет состава преступления.

Ситуации такого содержания стали особенно часто встречаться в сфере экономики, бизнеса и всего, что с ними связано. Чаше всего эти ситуации возникают как следствие нарушения договорных обязательств, отказов от возмещения ущерба, споров при распределении прибыли и т. п. Здесь идет речь не об оправдании действий неудовлетворенных кредиторов, нередко представляющих опасность для жизни и здоровья недобросовестных должников, а о виктимологических детерминантах возникновения таких ситуаций.

Механизм обратного воздействия антиобщественной установки лица, которому в результате преступления причинен физический, моральный или материальный вред, может также исключать какое-либо волевое поведение партнера потерпевшего по криминологической ситуации. Так, например, насильник, заразившийся венерической болезнью или СПИДом от потерпевшей, тоже приобретает качества жертвы, но исключительно от того преступления, которое им же совершено.

Нередко в механизме преступления роли преступника и жертвы переплетаются настолько причудливо, что вообще приходится констатировать тот факт, что само различие между ними весьма относительно, поскольку лишь случай решает, кто станет потерпевшим, а кто преступником. К тому же эти роли могут взаимозаменяться и совмещать-

ся в одном лице.¹ Так, например, в ситуациях, связанных с нападением при драках и т. д., стороны взаимно причиняют друг другу вред, и от трудноуловимых нюансов зависит, за кем в этом отношении останется преимущество. Нередко в таких случаях потерпевший и преступник не только ведут себя однотипно, но и обнаруживают сходство в чертах личности. Толчком к совершению преступления, повлекшего причинение вреда, может быть поведение потерпевшего, преступное по существу, но не связанное с нападением. Например, при совершении мошенничества преступник-мошенник может оказаться жертвой ответных действий выбранного им в качестве объекта лица. При этом ущерб может быть самым различным — физическим или материальным (человек, которого намеревался обмануть мошенник, пользуясь физическим превосходством или угрожая передать его в органы милиции, отбирает деньги, вещи и т. д.).

Л. В. Франк для случаев смены ролей потерпевшего и преступника, когда причинение ущерба имеет место с обеих сторон, предложил термин «инверсия вины» (от лат. *inversio* — переворачивание, перестановка). Вероятно, здесь более точным было бы говорить о смене, переходе ролей, а не вины, поскольку каждый субъект виновен лишь в том, что совершил.

Хотя при смене ролей преступника и жертвы ущерб обоюден, его характер может существенно различаться. Так, причинитель телесных повреждений, в свою очередь, может быть оскорблен (моральный ущерб), причинитель морального вреда — получить телесные повреждения. В современных условиях все чаще конфликты в сфере экономической деятельности, предметом которых являются деньги, материальные ценности, недвижимость, разрешаются физическим устранением конкурентов.

Негативный вклад жертвы в механизм преступления может быть не связан с конфликтными отношениями между нею и преступником, причинившим ей вред. Возникают ситуации, в которых причинитель вреда действует по настоянию, просьбе, поручению лица, для которого по тем или иным причинам вред выгоден, необходим:

¹ Гентиг объединил эти случаи понятием «преступник-жертва». Элленберг различает случаи, когда субъект в зависимости от обстоятельств может стать или преступником, или жертвой, последовательно преступником, а потом жертвой (и наоборот), одновременно преступником и жертвой. См. также: Франк Л. В. Виктимологические исследования за рубежом // Укрепление законности и правопорядка в период строительства коммунизма. Душанбе, 1973. С. 151.

например — увечье, получаемое с целью уклонения от воинской службы. В подобных ситуациях вред может оказаться не тем, на который это лицо рассчитывало, но это уже в большей мере посткриминальная ситуация.

В механизме преступления отсутствуют конфликтные отношения между действующими сторонами, и именно это обстоятельство является решающим в криминологической оценке подобных ситуаций. Причинение вреда может произойти в результате неосмотрительных действий жертвы, из-за неправильной оценки ситуации и следующего из этого неправильного поведения.¹

К ситуациям, в которых поведение жертвы создает объективную возможность совершения преступления, следует отнести также и случаи не оказания сопротивления, отсутствие необходимой реакции на преступные или неправильные действия, «всепрощение», столь частое во взаимоотношениях близких родственников.

В механизме преступления роль жертвы может заключаться в самопричинении вреда. Действия такого лица могут быть по отношению к результату неосторожными или умышленными. Так, например, лицо, причинившее себе телесные повреждения с целью уклонения от воинской службы, действует умышленно, а гибель в результате взрыва самодельной мины, изготовленной для убийства, — результат неосторожности. В ситуации доведения до самоубийства жертва лишает себя жизни под давлением преступного поведения другого лица. Однако во всех этих случаях исполнитель реализует роль самопричинителя.

Криминологически значимым в определенных ситуациях является не только негативное поведение жертвы (нападения, оскорбления и др.), но и положительное, которое также может привести к причинению вреда (при защите третьего лица от нападения, пресечении преступления и т. д.).

При всем разнообразии ситуаций, как предшествующих преступлению, так и составляющих его как таковое, в них усматриваются типические черты, в значительной мере связанные с поведением жертвы. В данном случае имеется в виду не столько фактическое сходство ситуаций, сколько типичность проявления виктимного поведения в причинных связях механизма преступления.

Известную фактическую однотипность можно проследить, например, в ситуациях, связанных с убийством, причинением телесных по-

¹ А. Фаттах, в частности, приводит остроумное замечание о неосторожности тех, кто кладет свой бумажник в слишком просторные карманы.

вреждений, хулиганством. Фактическая сторона ситуаций совершения половых преступлений иная, но и здесь налицо типичность, свойственная именно этой категории преступлений. Сходство обнаруживается и в ситуациях экономических преступлений, но в более узком диапазоне: они существенно различаются по фактической стороне. И поведение потерпевшего типично только в преступлениях, близких по фактической стороне ситуаций.

Это, однако, не исключает возможности выделить общие для любых преступлений типы поведения потерпевшего, создающего виктимопасную ситуацию, в той или иной мере способствующую совершению преступления, взяв за основу криминологическую значимость этого поведения.

В зависимости от криминологического значения поведения жертвы, ее «вклада» в механизм преступления и следует классифицировать ситуации, которые, в конечном счете, привели к причинению ей вреда. Конечно, классификации могут быть построены на различной основе, однако нам представляется, что такой основой в первую очередь должна быть степень конфликтности, определяемая типичной для жертвы «остротой» поведения. Таким образом, классифицируя ситуации, мы исходим прежде всего из интегрированных форм поведения жертвы.¹

Нет сомнений, что многие криминогенные ситуации (мотивирующие, проблемные, особенно конфликтные) возникают не только, а иногда и не столько из-за преступника, сколько из-за потерпевшего.

В криминологической литературе отмечается существование ситуационных механизмов связи между преступником и жертвой, и на основании этого даются различные классификации жертв как с морально-юридической, так и с психологической точек зрения. Смысл этих классификаций состоит в том, чтобы показать в широком диапазоне взаимодействий преступника и жертвы в предпреступной ситуации различную роль жертвы, которая варьируется от молчаливого соглашения с преступником и сговора с ним до провокации, от полного неучастия до почти идеального сотрудничества. Сами ситуации с учетом типологических характеристик жертв и преступников, особенностей механизмов взаимодействия между ними, других криминологически

¹ Ю. М. Антонян, рассматривая различные виды ситуаций криминогенного характера, отмечает, что создание таких ситуаций в ряде случаев связано с поведением потерпевшего (см.: Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973. С. 5, 63–70).

значимых компонентов разделяются на специфические или опасные, в которых всегда есть повод для преступления; неспецифические, где преступник ищет удобный случай; промежуточные. Гентиг назвал специфические ситуации потенциальными, чреватými вредом. Такое «укрупненное» разделение ситуаций само по себе может быть принято, но детализация здесь необходима. Кроме того, нас интересует в первую очередь виктимологический аспект любых ситуаций. С этих позиций, например, отнесение ситуации к «опасной» говорит очень мало. Необходимо знать, опасна она из-за потерпевшего или других моментов.

Выделяются ситуации, в которых поведение жертвы совершенно нейтрально с точки зрения влияния на поведение преступника и причинение вреда.

Ситуации могут носить черты не одной, а нескольких указанных групп, например, сочетая определенные характеристики замкнутой и создающей объективную возможность совершения преступления, толковой и создающей объективную возможность совершения преступления. Однако конечная, итоговая криминологическая оценка так или иначе сводится к одному из приведенных типов по принципу превалирования элементов, наиболее значимых в криминологическом механизме.

Реализовавшиеся ситуации толкового характера выступают в качестве повода к совершению преступления. Однако это не означает, что понятия криминологического толчка и повода совпадают, что это одно и то же. В связи с этим необходимо сделать следующее замечание.

В юридической литературе понятие «повод к преступлению» употребляется широко. В применении к рассматриваемой теме, следовательно, можно говорить о поведении потерпевшего как поводе к ответным действиям лица, причинившего вред. При этом поводом к совершению преступления обычно считают негативное поведение.¹ Дает ли такой подход что-либо для объяснения криминологической картины преступления? В известной мере — да. Но вместе с тем он приводит (притом совершенно неправильно) к общему знаменателю понятия, далеко не равнозначные по существу. Так, поводом к совершению преступления может быть и положительное и отрицательное поведение потерпевшего. Это поведение может быть направлено на причинителя вреда, но мо-

¹ Например, Ю. М. Антонян выделяет три группы ситуаций с криминологически значимым поведением потерпевшего, относит к содержащей повод лишь первую группу — ситуации, в которых имеется негативное поведение потерпевшего (противоправное или (и) аморальное).

жет вообще его не касаться. Дело, однако, не только и не столько в объективной значимости этого поведения для причинителя вреда, сколько в том, как оно (поведение) им воспринято, к какой реакции он физически, психически и морально подготовлен. В конце концов, для пьяного дебошира, у которого, как говорят, «руки чешутся», достаточно и такого повода, как неправильно истолкованный взгляд или ссора между совершенно посторонними ему людьми (лишь бы вмешаться).

В. Н. Кудрявцев правильно отмечает, что каждая жизненная ситуация имеет объективное содержание и субъективное значение, которые могут очень сильно расходиться. «При этом человек поступает в соответствии со своим представлением о ситуации... Ситуация играет для него роль повода к совершению преступления, хотя объективно она иногда и не содержит никаких «провоцирующих моментов»» [68, с. 39] А. М. Яковлев характеризует преступное поведение как неадекватную реакцию на сложившуюся ситуацию. В различных сочетаниях, взаимодействиях поведения потерпевшего и преступника криминологическая картина, естественно, будет различной. Однако в любых вариантах криминологических ситуаций, в отличие от повода, толчком к совершению преступления будет такое поведение потерпевшего, которое является исходной криминологической составляющей механизма преступления, несет нагрузку создания у причинителя вреда преступной решимости.

• Толчковый характер ситуации — это ее объективная характеристика, причем толковые элементы могут быть как негативными, так и позитивными по существу. Объективное давление ситуации не может восприниматься лицом иначе как с его субъективных позиций. Это давление может оказаться достаточным для формирования решимости совершить преступление у данного лица, и в этом случае толчок реализуется. Реализовавшийся толчок может выступить в виде повода к совершению преступления, тогда как повод может и не содержать в основе своей толчка. В сущности, повод есть субъективное отражение объективного содержания ситуации, причем обязательно с негативных позиций, определяющих ее «достаточность» для совершения преступления, даже при отсутствии объективно толковых моментов.

Внешнее проявление толчка в виде повода может отличаться от его объективного содержания. Так, например, толчком к совершению убийства, иного преступления против личности может быть супружеская измена, создавшая предельно напряженную ситуацию, а внешним проявлением толчка — повод в виде недовольства плохо выстиранной рубашкой.

Оценивая негативное поведение того или иного человека, которое не привело к ответным, опасным для него действиям только потому, что он «не на того напал», мы как раз и признаем объективно толчковый характер его поведения, не реализовавшийся в преступление и, таким образом, не выступивший в виде повода [118, с. 51–52].

Вернемся к рассмотрению ситуаций, в которых поведение жертвы объективно выступает в качестве существенных и даже решающих криминологических составляющих механизма преступления. В зависимости от конкретных обстоятельств ее поведение может быть одной из причин или условием, способствующим совершению преступления в зависимости от того, какую детерминационную нагрузку несет конкретная ситуация.¹

✓ Поведение жертвы и до и после того, как она превратилась в реального потерпевшего, — составляющая криминологической и непосредственно криминальной ситуации, и если она (ситуация) — причина преступного поведения, то вклад потерпевшего, во всяком случае, является компонентом этой причины.

✍ Естественно, поведение жертвы не может привести к преступлению само по себе. Оно обязательно взаимодействует с негативными факторами, относящимися к преступнику. Криминологическое значение виктимного поведения потерпевшего в подобных ситуациях очевидно: объективно отрицательное поведение является одной из криминологических составляющих механизма преступления.

✍ Сложнее дело обстоит с ситуациями, в которых поведение потерпевшего было бесспорно положительным, но опасным для него. Возникает естественный вопрос: что представляет собой положительное поведение потерпевшего, если оно выступает как неперемнный компонент механизма преступления?

¹ В. Н. Кудрявцев считает, что при решающем значении ситуации в совершении преступления она является его причиной (*Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии // Вопросы философии. 1971. № 10. С. 79*). Таково же мнение Н. С. Лейкиной (*Лейкина Н. С. Причины конкретных преступлений и личность преступника в аспекте индивидуализации наказания // Преступность и ее предупреждение. Л., 1991. С. 127–140*).

Возражения против этой позиции сводятся к тому, что будто бы из нее следует признание возможности совершения преступления помимо воли и сознания субъекта и даже вопреки его желанию. Но такой вывод представляется произвольным, так как речь здесь идет лишь об удельном весе субъективного и объективного компонентов причины.

Представим себе такое положение: милиционер задерживает преступника, напавшего на другое лицо. При отсутствии этого вмешательства преступление было бы доведено до конца, преступник причинил бы вред данному третьему лицу. Однако вмешательство прервало развитие событий. В результате изменения направления преступных действий милиционер получил телесные повреждения и т. д. Это конкретное преступление не свершилось бы, если бы не было положительных, общественно полезных действий потерпевшего, но тогда эти действия — положительная составляющая совокупной причины преступления. Действия потерпевшего, направленные на пресечение преступления, привели к положительному результату — защите третьего лица. Но в то же время они привели к негативному результату в виде причинения вреда ему самому. Здесь нет противоречия. В целом положительное поведение, в частности противодействие преступнику, может сыграть роль толчка к преступным действиям, направленным на противодействующее лицо. Таким образом, можно сделать вывод, что явления положительного характера (в том числе и поведение потерпевшего) могут выступать (но при решающей роли негативных факторов) в качестве элементов общей причины конкретного преступления. Положительное поведение потерпевшего может вызвать действия, направленные на причинение ему вреда, и в ситуациях, не связанных с защитой и иными вмешательствами такого плана. УК РФ знает и такие составы преступлений, объективная сторона которых включает как обязательный элемент положительное поведение потерпевшего, например преступления, предусмотренные ст. 295, 296, 317, 318, 319 УК РФ.

Криминологические характеристики ситуаций причинения вреда зависят от развития их во времени.

Практика показывает, что разрыв во времени между толчковыми действиями жертвы и действиями преступника в ответ на этот толчок иногда велик. Но это никак не меняет принципиальной криминологической связи между ними. Если решимость совершить преступление вызвана действиями потерпевшего, значит, толчковый характер этого поведения налицо. Это положение остается в силе и в том случае, когда у преступника была возможность немедленно отреагировать на толчковое поведение жертвы, но он по каким-либо причинам этого не сделал. Например, решимость причинить вред появилась не сразу, а после потребовавшей времени оценки действий будущего потерпевшего. Схема механизма преступления аналогична и в случаях положительного поведения потерпевшего, когда действия преступника, направленные на потерпев-

шего, осуществились с определенным разрывом во времени. Так, при защите третьего лица вред потерпевшему-защитнику может быть причинен непосредственно в процессе защиты. Но возможно причинение вреда и в порядке сведения счетов спустя продолжительное время. Наконец, положительное поведение жертвы вообще может быть не связано с защитой другого лица, но прямо затрагивать интересы преступника (с его точки зрения) и вызывать соответствующую реакцию.

Б-в, отбывший 5 лет лишения свободы за карманную кражу, после освобождения из исправительного учреждения совершил покушение на убийство Щ., который задержал его с поличным и свидетельствовал против него в суде.

Самой различной может быть протяженность во времени также в ситуациях, когда поведение жертвы создает обстановку, условия, объективно способствующие совершению преступления. Такая ситуация может возникнуть буквально за несколько минут или секунд до совершения преступления, а может трансформироваться в криминогенную в течение нескольких лет за счет нагнетания негативных ситуативных компонентов. Вероятно, максимальное отдаление исходных моментов от их негативной реализации следует видеть в отдалении этапа негативного формирования личности причинителя вреда от проявления его в причинившем вред поведении.

Обстоятельства, задержавшие ответную реакцию причинителя вреда на действия жертвы, могут быть самыми различными. Потерпевший может не предусмотреть возможность ответной реакции, может рассчитывать на пассивность лица, интересы которого затрагивает, наконец, может просто не учитывать возможного развития событий. В любых вариантах решающим криминологическим фактором является не протяженность во времени, не причины длительного развития событий, а объективная значимость поведения жертвы.

В криминологическом механизме преступления фактор времени – единственный и не всегда определяющий во «взаимодействии» преступника и потерпевшего. Поэтому следует также различать ситуации, которые представляют собой единичный акт поведения потерпевшего и (или) преступника, и ситуации, в которых имеется определенная система, последовательный ряд действий потерпевшего и (или) преступника. Иначе говоря, надо различать ситуации, в которых причинение вреда связано с единичным фактом (эпизодом) поведения потерпевшего или преступника (однофактные), и ситуации взрывного характера, в которых происходит нагнетание криминологически значимой обстановки,

заканчивающейся взрывом — совершением действий, причинивших вред, т. е. ситуации-системы (многофактные).

В ситуациях-системах поведение преступника-причинителя вреда не обязательно выступает как непосредственно оборонительная реакция на действия потерпевшего. К причинению вреда может привести не какое-то одно нападение, избиение, издевательство, а суммарное давление множества актов негативного порядка, приведшее причинителя вреда к решимости совершить преступление. Недооценка таких ситуаций в практической деятельности органов милиции, понимание каждого отдельного негативного факта как малозначительного как раз и приводит к совершению «неожиданных» преступлений, которые в действительности явно назревали [98, с. 14–16].

С другой стороны, ситуации-системы могут быть связаны с положительным поведением потерпевшего, когда причинение вреда — результат негативной реакции преступника на воздействие актов позитивного порядка. Ситуации-системы могут быть не только толчковыми. Так, в частности, систематичность действий потерпевшего может заключаться в ряде актов «непротivления» преступнику и т. д.

Возникновение многих ситуаций, их развитие во времени, разного рода «повороты» в действиях преступников и потерпевших, т. е. объективные характеристики ситуаций, часто связаны с содержанием отношений, соединяющих преступника и потерпевшего. Отношения между преступником и потерпевшим нередко влияют не только на возникновение ситуации, но на и выбор преступником способа совершения преступления. В ряде случаев на основе существующих между преступником и жертвой отношений однозначно создается возможность совершения преступления. Наконец, сам выбор преступником жертвы может вытекать из существующих между ними отношений.¹

Родственные, иные отношения в одних случаях определяют пассивность реакции потерпевшего на преступное поведение, причинившее ему вред, в других, наоборот, именно стабильный контакт потерпевшего и преступника приводит к такому развитию событий, которое характеризуется как «упреждающее» причинение ущерба.

Ф. на протяжении ряда лет издевался над женой, регулярно избивал ее (в день получки), сделав это своеобразной традицией. В день очередной получки жена Ф., доведенная до отчаяния, как только он вошел в кварти-

¹ Мудьюгин Г. Н. Расследование убийств по делам, возбужденным всвязи с исчезновением потерпевшего: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1962. С. 6.

ру, проломила ему голову чугунным пестиком. В этой ситуации события развивались таким образом потому, что преступница (она же потерпевшая по начальному этапу ситуации) на основе опыта отношений с жертвой (а этот опыт приобретен исключительно в силу стабильного контакта) предвидела возможное поведение потерпевшего и соответственно реагировала на него.

Степень стабильности отношений определяет, насколько реальна возможность их прекращения, а это, в свою очередь, — понимание участниками ситуации перспектив и, как следствие, характер реакции. Вряд ли можно отрицать, что решимость причинителя вреда может быть вызвана отчаянием, сознанием безвыходности положения.

Поведение потерпевших, нередко имеющее сходную, близкую объективную значимость в механизме преступления, основывается подчас на резко отличающемся отношении к происходящим событиям. Свою роль в этом плане играют и оценка, и предвидение “последствий, и отношение к этим последствиям, и соображения возможности их предотвращения. Поэтому понять виктимологическую составляющую механизма преступления можно, лишь разобравшись в обстоятельствах, лежащих в основе этого поведения.

Жертва воспринимает ситуацию с позиции человека, перед которым стоит задача разрешения определенного конфликта. Острота ситуации, степень ее конфликтности определяет силу ее воздействия на потерпевшего, причем объективная степень воздействия потерпевшим воспринимается субъективно.

Давление ситуации может сложиться как за счет поведения преступника, так и других факторов. Возможно и такое положение, когда ситуация не носит с точки зрения потерпевшего конфликтного характера, по крайней мере, в той части, которая связана с действиями причинителя вреда. Таким образом, мы переходим к рассмотрению ситуаций как бы изнутри, в плоскости движущих сил, определяющих динамику всего криминологического компонента механизма преступления — личности и поведения жертвы. При этом следует учитывать, что влияние ситуации на потерпевшего не ограничивается непосредственно обстановкой совершения преступления. В более широком плане можно отметить влияние определенной жизненной обстановки (тоже ситуация, но несравненно более широкая по масштабам и охвату индивидов), в той или иной мере способствующей появлению новых потерпевших, как по количеству, так и по типу. Например, слух о якобы предстоящей денежной реформе в той или иной форме денежной

конфискации прямо играет на руку мошенникам, работающим под валютчиков, и толкает в их объятия легковверных, а то и просто отчаявшихся людей.

Период приемных экзаменов в учебных заведениях рождает специфический тип жертв мошенников, работающих под «людей со связями в приемных комиссиях», и т. д.

Поведение жертвы — одна из криминологических составляющих ситуации, в которой действует преступник. Нельзя, однако, рассматривать это односторонне, так как не только преступник, но и потерпевший взаимодействует с ситуацией. Поведение последнего есть результат взаимодействия личностных качеств (психологических, волевых, моральных) и объективных обстоятельств. Вклад потерпевшего в ситуацию, давящую на преступника, оценивается и по тому, насколько сильно эта ситуация влияет на него самого и как он это влияние воспринимает в зависимости от опыта, характерной для него реакции, эмоциональной поглощенности данной ситуацией, в целом — психофизической организации.

Одна и та же объективная обстановка, одна и та же ситуация воспринимается по-разному преступником и потерпевшим, во-первых, потому, что им принадлежат различные роли в механизме преступления, во-вторых, в силу различий, которые всегда имеются между людьми.

Для преступника ситуация включает всю совокупность обстоятельств, в том числе и жертву: он все происходящее видит и оценивает как бы вне, «от себя» [6, с. 28]. Диаметрально противоположно положение потерпевшего, для которого ситуация — это все обстоятельства, включая преступника, и, следовательно, база для оценок.

Оказавшись в определенных обстоятельствах, и преступник и жертва привносят в ситуацию свое индивидуальное проявление как в динамическом (поведение), так и в статическом (качества личности) плане. Привнесение индивидуальной специфики изменяет, а по сути дела, создает новую ситуацию, в большей или меньшей степени отличную от исходной. При этом преступник и жертва становятся элементами новой ситуации, органически вписывающимися в нее.

Давление ситуации может действовать одновременно и в отношении преступника, и в отношении потерпевшего, может направляться и на одного из них. Криминологические связи и взаимодействия как бы противоположны, соответственно направлены на потерпевшего и преступника.

Так, при негативном поведении жертвы, выразившемся в нападении, оскорблении, провокации, направленных на положительно характеризующееся лицо, ставшее в конечном итоге причинителем вреда, налицо отсутствие какого-либо давления ситуации на потерпевшего при максимуме такого давления на причинителя вреда. При взаимном столкновении равно отрицательно характеризующихся потерпевшего и преступника существует большая или меньшая степень давления за счет отрицательного поведения обеих сторон.

Негативный вклад сторон не всегда связывается с конфликтными отношениями потерпевшего и преступника. Криминологическое взаимодействие потерпевшего и преступника, например толчковое, может основываться как на диаметрально противоположном, так и на едином, по сути, отношении к возможному результату, если стороны преследуют единые цели.

В принципе, одинаковое по интенсивности и характеру давление ситуации может привести к различному результату в зависимости от того, как ориентируется потерпевший в сложившейся обстановке, как представляет себе перспективу развития событий и, наконец, какую реакцию считает приемлемой и реально возможной для себя. Если по равно незначительному поводу одно лицо завязывает драку и получает телесные повреждения, а другое просто не реагирует на происшедшее, то это, видимо, объясняется различным подходом к оценке, различным пониманием дозволенного и недозволенного.¹

Когда ситуация ставит человека перед необходимостью решать, возможно и следует ли оказать сопротивление, и он в одном случае активно сопротивляется нападающему, а в другом — не оказывает ему противодействия, здесь проявляются различные качества личности: способность оценить обстановку, предусмотрительность, смелость, трусость и т. д. При этом нельзя однозначно оценивать поведение потерпевшего как объективно целесообразное при оказании сопротивления и нецелесообразное — при противодействии. Конечно, речь идет не о

¹ Характер восприятия ситуации, представление о возможном развитии событий у потерпевшего имеют не только криминологическое значение. Например, в таком преступлении, как угроза убийством, представление потерпевшего о реальности этой угрозы, его мнение об основательности возникших у него опасений, имеют прямое отношение к уголовно-правовой оценке действий угрожавшего лица. Но результат этой оценки в определенной мере зависит и от личных качеств потерпевшего — его смелости, трусости, критичности, жизненного опыта и т. д.

принципе «непротивления», а о выборе наиболее целесообразной и действенной формы противодействия преступнику.

Если физически сильный человек без сопротивления, только по трусости отдает кошелек грабителю, его поведение объективно создает обстановку, способствующую совершению преступления. Когда жертва, будучи заведомо обречена на неудачу, оказывает сопротивление группе грабителей, — налицо неумение ориентироваться в ситуации, выбрать наиболее целесообразную линию поведения. В данном случае было бы правильно проследить за преступниками, запомнить их приметы и как можно скорее сообщить о преступлении в милицию.¹

То, что нецелесообразное сопротивление может ухудшить ситуацию, совершенно очевидно. Когда, например, грабеж перерастает в убийство, соотносительная тяжесть последствий того и другого преступления очевидна. И тем не менее потерпевший далеко не всегда способен это понять.

Когда такое сопротивление приводит к физическому ущербу, объективно оно оказывается условием, которое также способствовало совершению преступления. Это вовсе не означает, что с этических, гражданских позиций поведение потерпевшего заслуживает осуждения. Наоборот. И тем не менее очевидно, что это положительное поведение при определенных обстоятельствах выступает как объективно способствующее совершению преступления. Ничего не меняет в этом плане и то обстоятельство, что в определенных случаях рискованное поведение лиц, в дальнейшем потерпевших от преступления, связано с исполнением ими служебного долга, который не оставлял им возможности какого-либо выбора.

В ряде ситуаций сравнительно незначительное давление обстановки приводит к серьезным последствиям лишь потому, что физические недостатки потерпевшего делали его не способным к сопротивлению.

Конечно, решающим в оценке криминологической значимости ситуаций является объективный характер поведения потерпевшего, весомость его вклада в механизм преступления. Тем не менее характер его поведения, мотивы, которыми он руководствуется, цели, которые он преследует, глубина предвидения последствий, которая для него характерна, — все это обстоятельства, без учета которых нельзя

¹ Платанов К. К. Правовые способности как проявление правосознания // Вопросы судебной психологии. М., 1971. С. 26.

всесторонне оценить, что значило поведение потерпевшего в механизме возникновения и развития той или иной конкретной криминологической ситуации.

В свою очередь, поведение потерпевшего и все, чем он в этом поведении руководствовался, неразрывно связано с его личностными характеристиками: установкой личности, полом, возрастом, профессией, общественным, должностным и семейным положением и т. д. Без знания этих криминологических обстоятельств совершенно невозможно осуществлять профилактику преступлений, так как преступник во многих ситуациях выступает во взаимодействии с конкретной жертвой, на которую, как и на преступника, должно быть направлено индивидуальное позитивное воздействие [117, с. 40–48; 113, с. 23–27, 29–30; 128, с. 105–146].

Виктимология преступлений против жизни и здоровья

4.1. Убийства и причинение тяжкого вреда здоровью: жертвы и ситуации

Тяжкие насильственные преступления против личности в структуре преступности составляют небольшой процент. Так, доля умышленных убийств в 1992 г. составила 0,8%, в 1994 г.— 4,3%, в 1995 г.— 1,2%, в 1998 г.— 3,2%, но в бшую статистику не включены убийства в Вооруженных силах и убийства сотрудников милиции.

Неуклонно растет число оконченных убийств относительно покушений. Это свидетельствует не только о растущей агрессивности преступников, но, вероятно, и о недостаточно активном сопротивлении потерпевших.

В 1988 г. с применением огнестрельного оружия совершено 619, а в 1994 г.— 3282 убийства (увеличение в 5,3 раза). Происходит явный сдвиг в сторону убийств по корыстным мотивам.

Умышленные убийства (с покушениями) в России в 1986–1995 гг. по своим абсолютным показателям возросли более чем в 3,4 раза [78, с. 95, 202, 205, 207]. В Санкт-Петербурге в 1997 г. погибло 879 человек, в 1998 г.— 897, в 1999 г.— 935.¹

Коэффициент совершения убийств (с покушениями) на 100 тыс. населения в Санкт-Петербурге и Москве несколько ниже, чем в целом по России (см. табл. 4.1).

¹ Население и милиция в большом городе // Сравнительное социологическое исследование. СПб. 2001. С. 4.

Таблица 4.1

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Россия	15,5	19,6	21,8	21,4	19,9	19,9	20,1	21,1	21,8
Санкт-Петербург	11,2	17,7	20,4	19,5	17,5	16,2	19,3	19,2	18,4
Москва	10,3	15,9	20,9	19,7	18,0	17,3	13,8	14,2	

Удельный вес умышленных тяжких телесных повреждений (с 1996 г. — причинение тяжкого вреда здоровью) составил в 1992 г. — 1,9%, в 1993 г. — 2,4%, в 1994 г. — 2,6%, в 1995 г. — 2,2%, в 1996 г. — 2,0%, а коэффициент соответственно — 36,2; 45,1; 45,7; 41,7; 36,1 преступлений на 100 тыс. населения. В абсолютных цифрах это 53 873, 66 902, 67 706, 61 704, 53 417 потерпевших [78, с. 212].

Убийство, причинение тяжкого вреда здоровью относятся к преступлениям, виктимный характер которых наиболее очевиден. Криминологический анализ этих преступлений позволяет составить представление о том, какая и в каких отношениях существует взаимосвязь между стабильными и динамическими состояниями жертвы, ее психофизическими и социальными качествами, демографическими характеристиками, положением в среде лиц, связанных с ней событием преступления, поведением в предкриминальной ситуации и непосредственно в обстановке совершения преступления.

Обратимся к данным, характеризующим личность и поведение жертв преступлений. Среди потерпевших от умышленных убийств и причинения вреда здоровью мужчины составляют соответственно 58,0 и 78,4%, женщины — 42,0 и 21,6%, а среди преступников мужчины — 87,9 и 89,6%; женщины — 12,1 и 10,4%.

Жертв больше, чем убийц: в 1997 г. было убито 41 195 человек, а выявлено убийц — 13 524; в 1992 г. — 33 912 жертв и 15 772 убийцы; в 1993 г. — 45 060 жертв и 21 992 убийцы; в 1994 г. — 47 900 жертв и 24 398 убийц [28, с. 14]. В статистику, однако, как правило, не попадают убийства с «отдаленным результатом»: их квалифицируют по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Сравнение показывает, что женщин — жертв убийства в 3,5 раза больше, чем женщин-убийц.

Среди жертв 108 преступников, обвиненных в совершении нескольких убийств по сексуальным мотивам, доля лиц мужского пола составила 8,5%, а женщин — 91,5%.

Удельный вес детей и несовершеннолетних среди жертв мужского пола составляет 8,6%. Среди жертв-женщин картина несколько иная: доля детей и подростков составляет 21,6%, совершеннолетних — 63%, в том числе 8,7% — это женщины пожилого возраста [8, с. 91].

Потерпевшие от убийства, причинения тяжкого вреда здоровью, истязания в целом значительно моложе преступников, но нельзя сказать, что это правило без исключений. В конкретных преступлениях преступник и жертва могут быть одного возраста. Жертва может быть и старше преступника.

Следует отметить определенное снижение агрессивности после 30 лет: если в возрасте до 30 лет доля преступников больше, чем доля потерпевших соответствующего возраста, то начиная с 31 года, наоборот, доля жертв выше доли преступников этого же возраста [164, с. 116].

В большинстве случаев мужчины обладают большими возможностями к сопротивлению, чем женщины, однако поведение мужчин чаще носит агрессивный характер и, следовательно, чаще создает обстановку, чреватую возможностью причинения им вреда в процессе оказания противодействия. Отсюда и большее по сравнению с женщинами количество мужчин-жертв. Относительная уязвимость зависит и от возраста. Если для людей преклонного и детского возраста она определяется в первую очередь физической беспомощностью, то для наиболее активных возрастных категорий — негативным поведением. Большую часть потерпевших составляют лица 18–40-летнего возраста, причем 50% негативного поведения из 70% (убийство) и 43,7% из 61,8% (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) приходится на их долю [54, с. 24–27].

В преступлениях, совершенных в состоянии аффекта, потерпевшие также в основном мужчины: их 88,4%, женщин — 11,6%. Причем около 76% потерпевших-женщин и около 56% потерпевших-мужчин характеризовались отрицательно [139, с. 119].

Возрастной состав потерпевших, по нашим данным, выглядит следующим образом (см. табл. 4.2).

Известно, что преступники-убийцы и причинители тяжкого вреда здоровью не отличаются высоким образовательным уровнем. Это положение характерно и для их жертв: 64% потерпевших от убийства и 80,5% потерпевших от причинения тяжкого вреда здоровью не окончили средней школы.

Из взятых в совокупности не имеют среднего образования 68,1% потерпевших и 64,9% преступников [164, с. 117].

Таблица 4. 2

Возраст, лет	%	Негативное поведение, % от общего количества	Положительное поведение, % от общего количества	Негативное поведение, % от этого возраста
<i>Умышленное убийство</i>				
До 14	7,0	1,0	6,0	14,3
15-18	4,0	1,0	3,0	25,0
19-25	9,0	7,0	2,0	77,7
26-30	26,0	24,0	2,0	92,3
31-40	25,0	19,0	6,0	76,0
41-50	8,0	5,0	3,0	62,5
51-60	13,0	9,0	4,0	69,9
Старше 60	8,0	4,0	4,0	50,0
Итого:	100,0	70,0	0,30	—
<i>Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью</i>				
До 14	2,2		2,2	
15-18	9,0	4,5	4,5	50,0
19-25	21,5	14,1	7,4	64,3
26-30	16,4	9	6,6	59,9
31-40	25,5	19,8	5,7	76,4
41-50	9,8	6,2	3,6	61,5
51-60	11,2	7,6	3,6	66,7
Старше 60	4,4	1,6	2,8	33,3
Итого:	100,0	61,8	38,2	—

Необразованность, малограмотность, интеллектуальная неразвитость, нередко связанная с этим примитивность мотивации проявляются как криминогенные и виктимогенные факторы с совершенной очевидностью.

Люди малограмотные, с низким уровнем культуры чаще совершают преступления насильственного характера, а значит, и чаще вызывают ответную реакцию, приводящую к причинению им вреда.

Низкий образовательный и культурный уровень нередко приводит и к полнейшему неумению оценить обстановку и возможные последствия поведения, нежеланию обратиться к компетентным органам, осуществляющим защиту интересов личности.

Кроме того, многие убийства, причинение тяжкого вреда здоровью и истязания совершаются на бытовой почве, лицами одного круга

(супруги, близкие родственники), часто имеющими примерно одинаковый образовательный и культурный уровень.

Криминологическая оценка ситуаций, обусловивших совершение рассматриваемых преступлений, невозможна без выяснения характера отношений, связывавших преступника и его жертву. Знание этих обстоятельств позволяет выяснить степень стабильности контакта между ними, а также раскрыть, в определенной мере, содержание конфликтов, явившихся причиной преступления.

Наше изучение показало следующее (табл. 4.3).

Таблица 4.3

Характер отношений между преступником и жертвой	Количество потерпевших от убийства	Количество потерпевших от причинения тяжкого вреда здоровью	По данным Г. Чечеля
Незнакомы	19,0	36,8	15,2
Родители, в том числе отец	8,0 4,0	16,3 —	26,0
мать	4,0	—	
Дети	4,0	—	
Супруги, в том числе муж	26,0 7,0	7,5 0,8	26,0
жена	19,0	6,7	
Близкие родственники	9,0	6,0	
Знакомые, в том числе:	34,0	49,7	42,4
постоянные	30,0	44,5	37,0
случайные	4,0	5,2	5,4 ¹

Эти данные в целом находят подтверждение в результатах других исследований.

Изучение убийств, совершенных в Москве и Московской области в 1991–1994 гг., показало, что жертвами убийств были: супруги — 9,1%; сожители — 6,9%; родственники — 9,0%; соседи — 5,8%; сослуживцы — 7,9%; иные знакомые — 44,5%, незнакомые — 16,8%.

Из сравнения выборочных данных по уголовным делам начала 1980-х гг. и 1993–1994 гг. следует, что возросло число жертв, знакомых с преступником, — с 33,8 до 44,5%. Возросло и число потерпевших;

¹ Г. Чечель среди жертв убийства и причинения тяжкого вреда здоровью с позиции отношений жертвы и преступника выделяет сожителей — среди них жертв 22,8% и законных супругов — среди них жертв 3,2% [139].

которые не были знакомы с убийцей — с 10,7 до 16,8%, в то время как по всем другим категориям жертв произошло снижение их доли в общем числе убитых [30, с. 40].

Среди незнакомых жертв преобладают убитые вне жилых помещений: убиты в ситуациях внезапно возникших ссор и драк в местах продажи и распития спиртных напитков (на улицах, в скверах, во дворах домов, иногда в местах общественного питания, на вокзалах). Наиболее распространенными мотивами убийств незнакомых лиц являлись месть, а также хулиганские мотивы и, в ряде случаев, стремление удовлетворить сексуальные потребности. Нередко отсутствовали явно выраженные мотивы.

Девять с половиной процентов стали жертвами корыстного убийства, в том числе примерно каждый второй был убит у себя дома в целях хищения имущества. При этом 9 из 418 потерпевших были убиты с целью завладения автомобилями либо иным имуществом предприятий, организаций, а 3 — в связи с приватизацией квартир.

Показательно, что около 65% потерпевших от корыстных убийств были знакомы с преступником. Судя по результатам исследований, в этих случаях наибольшему риску стать жертвой подвержены те, кто, располагая значительными суммами денег и ценными вещами, открывает доступ в свой дом случайным людям. К указанной группе риска относятся торговцы алкоголем, проститутки, а также предоставляющие свою квартиру малознакомым или незнакомым лицам для временного проживания и распития спиртных напитков (проще говоря, содержатели притонов) [30, с. 42].

Новым феноменом в российской преступности выступают заказные убийства, большинство из которых пока не раскрывается. Поэтому виктимологическое изучение убийств и других преступлений требует обращения не только к рассмотренным в судах уголовным делам, но и к приостановленным уголовным делам, а в ряде случаев и к прекращенным [128, с. 233–234].

Из того обстоятельства, что соответственно около 80 и около 60% потерпевших находились в родственных или иных близких, стабильных отношениях с преступником, очевидно, что преступление явилось результатом длительного развития событий, постепенного обострения обстановки. Несомненно, что такого рода ситуации возможны лишь при наличии между жертвой и преступником длительного контакта, исключаящего или затрудняющего выход за пределы взаимного общения.

Уязвимость потерпевшего находится в прямой зависимости от его способности оказать сопротивление преступнику и реализации этой способности. Большинство потерпевших было способно оказывать сопротивление преступнику — соответственно 69 (убийство) и 87,3% (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью). Неспособность к сопротивлению выглядит так (табл. 4.4).

Таблица 4.4

Причина неспособности к сопротивлению	Убийство, %	Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, %
Болезнь, физическая слабость	11	11,2
Беспомощное состояние, в том числе:		
сон	20	1,5
малолетний возраст	12	—
слабоумие	7	—
	1,0	1,5
Всего:	31,0	12,7

Из 31% не способных к сопротивлению (убийство) 12% находились в беспомощном состоянии (сон) в момент совершения преступления, т. е. здесь сыграли свою роль не стабильные качества личности, а, в известной мере, случайное стечение обстоятельств. Следовательно, с учетом стабильных качеств личности объективная способность к сопротивлению имела примерно у 81% потерпевших от убийства. Вместе с тем далеко не все потерпевшие реализуют свою способность к сопротивлению. Не использовали имеющуюся в момент преступления возможность сопротивляться преступнику 17% потерпевших от убийства (из 69% сопротивлялись только 52%) и 22,3% жертв от причинения тяжкого вреда здоровью (из 87,3% потерпевших сопротивлялись 65%). Причины такого поведения различны, но в большинстве своем — это проявление негативных качеств личности: трусости, нерешительности, неумения ориентироваться в обстановке и предвидеть перспективу развития событий.

Значительная часть потерпевших 41% (убийство) и 51,9% (тяжкий вред здоровью) находилась в состоянии алкогольного опьянения, которое, как известно, влияет на способность к сопротивлению и понимание ситуации, а также и в целом на поведение (нередко агрессивное или, наоборот, совершенно пассивное, что в различном плане негативно сказывается на развитии криминологической ситуации). Важен здесь и другой момент: 58,5% потерпевших от убийства и 46,4% потер-

певших от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, находившихся в состоянии опьянения, употребляли спиртные напитки вместе с преступником (возможно, знакомым или родственником), причинившим им в дальнейшем вред. Другими словами, поведение потерпевшего так или иначе являлось провокационным по отношению к потенциальному преступнику.

Из потерпевших, находившихся в состоянии опьянения (убийство и причинение тяжкого вреда здоровью) (табл. 4.5):

Таблица 4.5

	Убийство, %	Причинение тяжкого вреда, %
Не были знакомы с преступником	22,3	37,7
Родственники и знакомые преступника, в том числе:	77,7	62,3
случайные знакомства	9,7	5,8
постоянные знакомства	42,5	43,5
родственники	22,8	13,0

Значительность криминологической нагрузки, которую имеет опьянение потерпевшего в преступлениях, где он стабильно связан с преступником, подтверждает и соотношение количества потерпевших этих категорий и потерпевших, находившихся в состоянии опьянения. Так, из числа потерпевших, являвшихся родственниками и знакомыми преступников, были пьяны 39,9% (убийство) и 53,7% (причинение тяжкого вреда здоровью). Практика свидетельствует, что отношение к алкоголю жертв и преступников мало чем отличается.

Состояние опьянения преступника — компонент предкриминальной ситуации, выступающий в роли катализатора, ускоряющего или облегчающего совершение преступления. Опьянение жертвы — виктимогенный фактор криминогенно-провоцирующего характера.

Превалирование стабильного контакта преступников с потерпевшим, естественно, определяет и превалирование «домашних» преступлений перед «уличными».

Рассматриваемые преступления по месту совершения распределяются следующим образом (табл. 4.6).

Место совершения преступления определяется не только характером отношений между преступником и его жертвой, но и состоянием опьянения потерпевшего.

Таблица 4.6

Место совершения преступления	Убийство, %	Причинение тяжкого вреда здоровью, %
На улице, в парке, в лесу, в сквере и других открытых местах	33,0	46,5
В жилище преступника	10,0	7,5
В жилище жертвы	25,0	8,2
В общем жилище преступника и жертвы	27,0	18,9
В жилище третьих лиц или ином помещении	5,0	18,9

Очевидно, что определенное (большее или меньшее) виктимологическое значение имеют оба обстоятельства, но суммировать их чисто арифметически нельзя. Их совокупность приобретает новое криминологическое качество, в котором каждое из этих обстоятельств занимает место в зависимости от особенностей того или иного конкретного преступления. Изучение связи между состоянием опьянения потерпевшего, его отношением к преступнику и местом совершения убийства или причинения тяжких телесных повреждений показывает, что имеются зависимости, свидетельствующие о повышенной виктимности потерпевших, независимо от того, где разворачиваются события.

Есть все основания утверждать, что «родные стены» (да и стены вообще) мало помогают находящимся в состоянии опьянения. Данная категория составляет значительную часть потерпевших от убийства и умышленного причинения тяжкого телесного повреждения. Совершенно закономерно, что почти все убитые у себя дома стали жертвами родственников и знакомых, тогда как убитые на улице — незнакомых им преступников. Подавляющее большинство убитых и раненых в жилище преступника были пьяны, причем среди них имеется ряд лиц, для которых знакомство с преступником было случайным. Это значит, что потерпевшие, находясь в состоянии опьянения, устанавливали контакт с лицами, им незнакомыми, и следовали с ними в жилище, ничего не зная ни о намерениях этих лиц, ни о помещении, в которое они направлялись.

Примерно такая же картина складывается и с приглашением потерпевшим к себе домой малознакомых лиц. Пониженная критичность, выразившаяся в установлении контактов с незнакомыми лицами, четко иллюстрируется как тем, что процент потерпевших, находившихся

в состоянии опьянения, приближается к 50%, так и тем, что примерно четверть из них пострадала от незнакомых преступников.

Таблица 4.7

Взаимозависимость и процентное соотношение следующих факторов: состояния опьянения потерпевшего, места совершения убийства, отношений, связывающих потерпевшего и преступника

Жертвы, находившиеся в состоянии опьянения, <i>убитые на улице</i> и в других открытых местах, составляют 31,7% от общего количества потерпевших, находившихся в состоянии опьянения, и 39,9% от общего количества убитых на улице.	
В том числе убито постоянными знакомыми	9,8%
незнакомыми	21,9%
всего:	31,7%
Жертвы, находившиеся в состоянии опьянения, <i>убитые в жилище преступника</i> , составляют 19,5% от общего количества потерпевших, находившихся в состоянии опьянения, и 80% от общего количества убитых в жилище преступника.	
В том числе убито постоянными знакомыми	12,1%
случайными знакомыми	4,9%
родственниками	2,5%
всего:	19,5%
Жертвы, находившиеся в состоянии опьянения, <i>убитые в жилище потерпевшего</i> , составляют 24,4% от общего количества потерпевших, находившихся в состоянии опьянения, и 40% от общего количества убитых в жилище потерпевшего.	
В том числе убито постоянными знакомыми	12,1%
случайными знакомыми	4,9%
родственниками	7,4%
всего:	24,4%
Жертвы, находившиеся в состоянии опьянения, <i>убитые в общем жилище потерпевшего и преступника</i> , составляют 21,9% от общего количества потерпевших, находившихся в состоянии опьянения, и 33,3% от общего количества убитых в общем жилище.	
В том числе убито постоянными знакомыми	7,4%
родственниками	14,5%
всего:	21,9%
Жертвы, находившиеся в состоянии опьянения, <i>убитые в жилище третьих лиц или ином помещении</i> , составляют 2,5% от общего количества потерпевших, находившихся в состоянии опьянения, и 20% от убитых в этих помещениях. В том числе убито постоянными знакомыми 2,5%, т. е. все.	

Таблица 4.8

Взаимозависимость и процентное соотношение следующих факторов: состояние опьянения потерпевшего, место причинения тяжкого вреда здоровью, отношения, связывающие потерпевшего и преступника

Жертвы, находившиеся в состоянии опьянения, <i>раненные на улице</i> и в других открытых местах, составляют 50,7% от общего количества потерпевших, находившихся в состоянии опьянения, и 56,4% от общего количества получивших телесные повреждения на улице.	
В том числе ранено постоянными знакомыми	17,3%
случайными знакомыми	5,8%
незнакомыми	27,6%
всего:	50,7%
Жертвы, находившиеся в состоянии опьянения, <i>раненные в жилище преступника</i> , составляют 11,6% от общего количества потерпевших, находившихся в состоянии опьянения, и 80% от общего количества получивших телесные повреждения в жилище преступника.	
В том числе ранено постоянными знакомыми	7,4%
родственниками	2,8%
незнакомыми	1,4%
всего:	11,6%
Жертвы, находившиеся в состоянии опьянения, <i>раненные в жилище потерпевшего</i> , составляют 4,2% от общего количества потерпевших, находившихся в состоянии опьянения, и 27,3% от общего количества получивших телесные повреждения в жилище потерпевшего.	
В том числе ранено постоянными знакомыми	1,4%
родственниками	2,8%
всего:	4,2%
Жертвы, находившиеся в состоянии опьянения, <i>раненные в общем жилище потерпевшего и преступника</i> , составляют 15,9% от общего количества потерпевших, находившихся в состоянии опьянения, и 40% от общего количества получивших телесные повреждения в общем жилище.	
В том числе ранено постоянными знакомыми	8,8%
родственниками	7,1%
всего:	15,9%
Жертвы, находившиеся в состоянии опьянения, <i>раненные в жилище третьих лиц или ином помещении</i> , составляют 17,6% от общего количества потерпевших, находившихся в состоянии опьянения, и 48% от общего количества получивших телесные повреждения в жилище третьих лиц или ином помещении.	
В том числе ранено постоянными знакомыми	8,8%
незнакомыми	8,8%
всего:	17,6%

Процентные соотношения, характеризующие показатели совершенных убийств и причинения тяжкого вреда здоровью, конечно, несколько различаются, но, в принципе, они аналогичны. Например, некоторое уменьшение количества потерпевших от преступлений в собственном жилище компенсируется увеличением количества потерпевших в жилище третьих лиц. Это понятно: стабильный контакт, состояние опьянения может равно реализоваться криминальным образом как в «гостевом», так и в «домашнем» варианте.

Рассмотрим также соотношение образовательного уровня, состояния опьянения и поведения жертв. Это позволит выяснить, насколько четко проявляется взаимозависимость этих компонентов, составляющих, с одной стороны, определенные личные качества потерпевшего — образование и связанный с ним культурный уровень, с другой — реализацию личных качеств в плане поведения непосредственно в момент преступления и в обстоятельствах, ему предшествовавших: приведение себя в состояние опьянения и действия в этом состоянии (табл. 4.9).

Из приведенных данных следует, что имеется очевидная зависимость между образовательным уровнем потерпевших, состоянием опьянения и характером поведения. Зависимость в данном случае обратная: чем ниже образовательный уровень, тем выше процент негативного поведения в этой категории. Не меняют общей картины и некоторые незначительные отклонения, так как тенденция здесь налицо. Показательно, на наш взгляд, и то, что по всем категориям потерпевших, кроме имеющих высшее и неполное высшее образование, негативное поведение характерно для большинства.

Внешне менее четко прослеживается соотношение состояния опьянения и негативного поведения, но эта «неувязка» вполне объяснима и не должна влиять на принципиальную оценку рассматриваемой зависимости. Так, в частности, сравнительно невысокий процент потерпевших, находящихся в состоянии опьянения, по категории имеющих среднее образование, объясняется тем, что в этой категории много женщин (пострадавших от мужей жен). Надо учитывать и то, что состояние опьянения не всегда «впрямую» соотносится с негативным поведением: в той же категории со средним образованием, несмотря на сравнительно небольшой процент потерпевших, находившихся в состоянии опьянения, потерпевших с негативным поведением значительно больше. Это опять-таки характерно для женщин, реже употребляющих спиртные напитки, но нередко демонстрирующих поведение, чреватое возможностью криминальной развязки.

Таблица 4.9

**Взаимозависимость и соотношение следующих факторов:
уровня образования, состояния опьянения, поведения потерпевшего**

Образование	Убийство, %	Причинение тяжкого вреда здоровью, %
1	2	3
Высшее и неполное высшее:		
трезвые	70,0	44,4
в состоянии опьянения	30,0	55,6
Негативное поведение:		
а) нападали	10,0	11,1
б) оскорбляли, издевались	10,0	11,1
в) ненадлежаще себя вели	20,0	22,2
Всего:	40,0	44,0
Положительное поведение:		
а) пресекали нарушение	20,0	11,1
б) повода не было	40,0	44,5
Всего:	60,0	55,6
Среднее:		
трезвые	84,6	88,2
в состоянии опьянения	15,4	11,8
Негативное поведение:		
а) нападали	7,6	6,0
б) оскорбляли, издевались	23,5	18,0
в) ненадлежаще себя вели	34,7	40,2
Всего:	65,8	64,2
Положительное поведение:		
а) защищали третье лицо от нападения, расправы	3,8	11,9
б) пресекали нарушение	3,8	6,0
в) требовалось по службе	—	11,9
г) повода не было	26,6	6,6
Всего:	34,2	36,8
Неполное среднее образование:		
а) трезвые	50,0	40,1
б) в состоянии опьянения	50,0	59,9
Негативное поведение:		
а) нападали	12,5	20,0
б) оскорбляли, издевались	10,0	8,2
в) ненадлежаще себя вели	60,0	31,4
Всего:	82,5	60,1

Окончание табл. 4.9

1	2	3
Положительное поведение:		
а) защищали третье лицо от нападения, расправы	2,5	4,1
б) пресекали нарушение	5,0	2,8
в) требовали нормального поведения в семье, в быту	—	2,8
г) повода не было	10,0	30,2
Всего:	17,5	39,9
Начальное и без образования		
трезвые	50,0	44,1
в состоянии опьянения	50,0	55,9
Негативное поведение:		
а) нападали	20,8	23,6
б) оскорбляли, издевались	8,0	5,9
в) ненадлежаще вели себя	37,5	38,2
Всего:	66,6	67,7
Положительное поведение:		
а) защищали третье лицо от нападения, расправы	2,9	
б) пресекали нарушение	2,9	
в) требовали нормального поведения в семье, в быту	2,9	
г) повода не было	35,4	23,6
Всего:	35,4	32,3

(Взять хотя бы предыстории убийств из ревности, ничем не оправданную пассивность и т. д.)

Обращает на себя внимание и структура негативного поведения. Она неодинакова у различных категорий потерпевших.

Так, у имеющих среднее образование (здесь много женщин) невелик процент нападений, но зато значительно число потерпевших, поведение которых связано с оскорблениями, издевательствами, иными ненадлежащими действиями. Для категории имеющих высшее и неполное высшее образование сравнительно мало характерны нападения, оскорбления, издевательства (хотя они и встречаются). В то же время жертвы с начальным образованием и вообще без образования отличаются заметной агрессивностью: более 20% из них нападали на лиц, причинивших им в дальнейшем вред. Видимо, это объясняется тем, что образовательный уровень (и связанный с ним уровень культуры) в ка-

кой-то мере определяет наиболее характерные формы не только положительного, но и негативного поведения.

Необходимо, однако, отметить, что образовательный и культурный уровень нередко совершенно не сказываются на поведении того или иного лица, находящегося в состоянии опьянения. С другой стороны, даже при нападениях, не говоря уже о других формах негативного поведения, у лиц с более высоким образовательным и культурным уровнем преобладают мотивы личного порядка, тогда как у имеющих неполное среднее образование (и ниже) — хулиганские побуждения.

Личные качества каждого человека проявляются в его поведении, характерном для него отношении к явлениям действительности. Поведение потерпевшего в ситуации, предшествовавшей преступлению, и непосредственно в ситуации преступления может быть положительным, негативным и нейтральным. Это разделение не отражает в полной мере объективной значимости поведения в механизме преступления, а скорее указывает на правовую и моральную оценку действий потерпевшего. Однако оценка поведения, как положительного, так и негативного, не исключает учета его значения в плане противодействия или способствования преступнику с позиций включения в причинные связи в качестве обстоятельства, влияющего на возникновение и динамику ситуации преступления. Поэтому мы рассматриваем не просто положительное и негативное поведение, но толчковое (одна из причин преступления), создающее обстановку, способствующую совершению преступления (одно из способствующих условий), и нейтральное.¹

По видам поведение потерпевших от умышленных убийств и причинения тяжкого вреда здоровью распределилось следующим образом:

- а) *положительное поведение* — 10,1% (7 и 12,3%). Положительное поведение заключалось в защите третьего лица от нападения — 3,7% (2% и 4,6%), в требовании прекращения нарушения или пресечении нарушения (без защиты кого-либо) — 4,1% (5 и

¹ Положительное поведение нередко включается непосредственно в криминальную ситуацию, оказывает влияние на ее динамику, определяет повороты (иногда кардинальные) в действиях преступников, доводя их до преступного результата, прямо вытекающего из взаимодействия отрицательных и положительных составляющих ситуации. Среди прочих субъектом положительного поведения может быть лицо, которому преступлением причинен вред.

- 2,4%), в требовании по службе — 0,9% (причинение тяжкого вреда здоровью — 1,5%), в требовании нормального поведения в семье, быту — 1,4% (причинение тяжкого вреда здоровью — 3,8%);
- б) *негативное поведение* — 65,2% (70 и 61,8%). Негативное поведение заключалось в нападении на причинителя вреда — 16,7% (14 и 18,8%), в оскорблениях, скандалах, издевательствах, унижениях — 9,7% (12 и 9%), в ненадлежащем поведении, включая неоказание сопротивления при наличии к тому возможности — 38,8% (44 и 34%);
- в) *нейтральное поведение*, т. е. такое, которое не способствовало и не препятствовало преступнику — 24,7% от общего числа жертв (убийство — 23%, причинение тяжкого вреда здоровью — 25,9%).¹

Рассмотрим поведение жертв в плане его объективного значения для возникновения, развития и реализации ситуаций умышленных убийств и причинения тяжкого вреда здоровью.

Ситуации, в которых поведение потерпевшего явилось толчком к совершению умышленного убийства или умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и было связано с нападением на причинителя вреда²

Среди ситуаций, в которых поведение жертвы сыграло решающую роль в развитии преступления, первое место по криминологической значимости занимают такие, где потерпевший нападает на причинителя вреда. Жертвы в подобных ситуациях составляют 16,7% от общего их количества. Нападения, как показывает практика, существенно различаются и по месту их совершения, и по мотивам, и по времени развития ситуации.

Значительная часть нападений совершается на улице на неизвестного нападавшему человека, причем, как правило, эти нападения в основном совершаются из хулиганских побуждений. События в ситуациях такого порядка развиваются очень быстро и заканчиваются ответной реакцией объекта нападения, реализующейся в убийстве напа-

¹ Выделен процент от общего количества потерпевших от умышленных убийств и тяжких телесных повреждений. В скобках даны процентные значения аналогичных позиций по убийству и тяжким телесным повреждениям порознь.

² Виктимологическому исследованию умышленного убийства посвящена работа польского автора Брунона Холыста «Роль потерпевшего в убийстве», в которой детально анализируются варианты провокационного поведения жертвы.

дающего или причинении ему тяжкого вреда. У таких ситуаций нет предыстории, они, если так можно сказать, экспромтны. Иногда в таких ситуациях оказываются нападавшими и в результате потерпевшими лица, в принципе характеризующиеся положительно, но здесь свои коррективы вносит состояние опьянения, в котором находилось подавляющее большинство нападавших. Нередко возникают и совершенно примитивные ситуации, когда у потерпевшего не было никакого повода для нападения на причинителя вреда и он действует идеально «по-хулигански».

Нападение потерпевшего на причинителя вреда может быть и в несколько ином варианте. События происходят не на улице, внешне есть даже какое-то подобие повода, усугубленное, как правило, состоянием опьянения.

Ситуации могут быть и такими, в которых нападение следует из-за взаимной несдержанности и жертвы и преступника.

Совершенно трезвые Усачев и Чирков подрались в больнице из-за очереди к врачу, и Чирков причинил Усачеву тяжкий вред здоровью.

Как правило, потерпевшие не предполагают, чем для них может закончиться их поведение. Однако встречаются ситуации, когда нападающий имеет полную возможность оценить последствия этого шага, но это его не останавливает. Такое положение складывается, если нападающий — носитель ярко выраженной насильственной установки личности. Агрессивность делает его не только более опасным, но и более уязвимым.

Волин, ранее дважды судимый за хулиганство, вооруженный ножом, напал на охранника магазина, хотя тот предупредил, что применит оружие. Защищаясь, охранник выстрелил на поражение. Волин не был пьян и мог объективно оценить опасность, но, как позже выяснилось, его целью был не магазин: «душа требовала убить, кого — безразлично». (Потерпевшие в таких ситуациях составляют 5,3%.)

Несколько реже (2,6%) возникают ситуации, в которых толчком к совершению убийства или причинению тяжкого вреда здоровью является нападение во время ссор между соседями по квартире. Такие преступления, как и совершаемые на улице, могут носить экспромтный характер, но чаще все же имеют определенную предысторию.

В подобных ситуациях преступление может быть следствием столкновения равно отрицательных субъектов. Вместе с тем возможны

истолкования, в которых причинитель вреда, в отличие от жертвы, характеризуется положительно. В большинстве случаев действия в таких ситуациях квалифицируются как совершенные в состоянии аффекта.

Анкель длительное время всячески унижал и оскорблял соседа по квартире Игонина. В один из дней Анкель в очередной раз оскорбил и несколько раз ударил Игонина, который в этот момент на кухне готовил пищу. Тогда Игонин молотком, которым отбивал мясо, ударил Анкеля по голове, совершив покушение на убийство. (Его действия квалифицированы как совершенные в состоянии аффекта.)

Вот криминологические составляющие этого преступления:

- а) толчковое поведение потерпевшего Анкеля, который напал на Игонина, а до этого длительное время создавал обстановку, чреватую совершением преступления;
- б) поведение самого Игонина, не сумевшего принять правильное решение в сложившейся ситуации;
- в) столкновение ярко выраженной антиобщественной установки личности жертвы и позитивной установки преступника (потерпевший — откровенный хулиган, преступник — спокойный, мягкий человек, к тому же тяжело больной);
- г) стабильный контакт преступника и жертвы;
- д) совокупность различных воздействии, обеспечивших формирование Анкеля и Игонина такими, какими они «взаимодействовали» в ситуации.¹

Среди ситуаций, связанных с нападением потерпевшего на причинителя вреда, следует выделить такие, в которых преступник и потерпевший связаны супружескими отношениями. В этих ситуациях есть различия в фактической стороне, но для большинства из них характерно нагнетание криминальной обстановки. Нередко причинители вреда в таких случаях характеризуются положительно и их действия

¹ По данным Б. В. Сидорова (указ. соч. с. 122), в 59,2% случаев совершения убийств и причинения вреда здоровью в состоянии аффекта его возникновению предшествовала длительная психотравмирующая обстановка: в 21,4% случаев преступник был взвинчен происшедшей накануне ссорой, в 24,3% случаев — взволнован обстоятельствами, связанными с неправильными действиями потерпевшего, еще в 4,9% случаев — взволнован обстоятельствами, непосредственно не связанными с поведением потерпевшего, и т. д.

явно вынужденные: систематические избиения, издевательства порождают отчаяние, убеждение, что иного выхода, кроме защиты всеми доступными средствами, нет. Причинение ущерба может последовать непосредственно в ответ на нападение, но может носить и «упреждающий» характер, поскольку решительность причинителя вреда (особенно в «семейных» вариантах) определяется не только психологическим воздействием нападения, но и негативными наслоениями прошлого.

С., имевшая четырех детей, в течение одиннадцати лет терпела издевательства и побои мужа. В один из вечеров муж пришел домой пьяным и ударил ее сковородой по голове. С. спряталась в ванной, а когда спустя некоторое время вышла на кухню, увидела возбужденного мужа, который, как ей показалось, готовился вновь избить ее. С. схватила столовый нож и убила мужа, хотя в этот момент он никакой агрессии не проявлял.

Действия потерпевшего могут быть и не чисто оборонительными, а скорее представлять акт мести, правда, не лишенный и «упреждающего» содержания.

Так, Мухина задушила пьяного мужа, который длительное время издевался над ней, избивал. В день убийства он пришел домой пьяным, нецензурно обругал ее, после чего уснул. Мухина, припомнив все, что вытерпела от мужа, не без оснований полагая, что в будущем ей ждать хорошего не приходится, убила спящего.

Значительная часть ситуаций, в которых жертва нападала на причинителя вреда, связана с совместным употреблением спиртных напитков. Схема таких ситуаций, как правило, проста, хотя роль потерпевшего может быть различной. В одних случаях он только участник употребления спиртных напитков, затем напавший на причинителя вреда. В других — еще и организатор, не только напавший на лицо, причинившее ему вред ответной реакцией, но и способствовавший приведению его в состояние, при котором наиболее вероятна самая опасная насильственная реакция. Поводы к конфликтам в таких ситуациях или вообще отсутствуют, или очень легковесны.

Среди ситуаций, связанных с нападением, мы находим и мало чем отличающиеся от уличных нападений попытки проникнуть в запретные объекты в совокупности с агрессивными действиями в отношении препятствующих лиц. Редко, но имеют место ситуации, в которых убийство, причинение тяжкого вреда здоровью следует в ответ на сопротивление человека, совершившего преступление и насильственными действиями пытающегося избежать задержания.

Вор-карманник Волков получил тяжелую травму при сопротивлении задержанию с поличным.

Поведение потерпевшего, не связанное с нападением на причинителя вреда, но сыгравшее роль толчка в механизме умышленного убийства, причинения тяжкого вреда здоровью

Поведение значительной части потерпевших (24,9%), хотя оно и не связано с нападением на причинителя вреда, тоже является толчком в механизме совершения преступления.

Характерными являются ситуации, в которых действуют лица, состоящие в родственных или иных близких отношениях. Толчком к совершению убийства, причинению тяжкого вреда здоровью может стать нежелание потерпевшего считаться с мнениями и желаниями членов семьи. Иногда конфликт обостряется неприемлемой формой обращения жертвы к причинителю вреда: разного рода оскорблениями, унижением. В таких случаях происходит не просто нагнетание обстановки, но и ускорение насильственной реакции, провоцирование ее, так сказать, «впрямую».

При этом совершенно не обязательно, чтобы действия потерпевшего были противоправными. Они могут не выходить за рамки семейного спора. Среди этих ситуаций значительное место занимают разного рода противодействия бракам, разводам, в которых причинителями вреда оказываются лица с безупречным (ранее) поведением.

Крылов совершил убийство жены после того, как длительное время безуспешно пытался с ней развестись. Без ее согласия суд неоднократно ему в этом отказывал, хотя у Крылова уже была новая семья.

Криминологическая схема этого убийства очевидна: поведение потерпевшей, создавшей возможность криминального взрыва, явилось толчком к преступлению, несет основную криминологическую нагрузку. Конечно, здесь «сработали» и психологические минусы преступника, позволившие сложившейся обстановке сформировать у него решимость пойти на преступление.

Толчком к совершению преступления нередко служит поведение, заключающееся в систематических беспричинных оскорблениях потерпевшим причинителя вреда. Обычно это лица, не только хорошо знающие друг друга, но и состоящие в стабильном контакте.

Среди ситуаций, связанных с совершением убийства, причинением тяжкого вреда здоровью, значительное место занимают такие, в которых толчком к совершению преступлений послужило негативное

поведение жертвы в самых различных вариантах: супружеские измены, легкомысленное отношение, цинизм в интимных отношениях, бравада вызываемой ревностью, вторжение в чужую семью, аморальное поведение, оказывающее воздействие на самые низменные инстинкты будущего причинителя вреда.

К. был убит, после того как он в кругу знакомых рассказал, что «наставил рога» Е. Узнав об этом, Е. встретил К. около дома и спросил, правда ли это. Услышав высказанный в издевательской форме утвердительный ответ, он ударом ножа тяжело ранил К. (его действия квалифицированы как покушение на убийство).

В отдельных случаях убийство, причинение тяжкого вреда здоровью может явиться пусть и недопустимой, но вполне объяснимой реакцией на оскорбительные предложения или требования потерпевшего.

Например, в практике известны случаи убийства педерастов, подвергнувшихся нападению в ответ на свое предложение.

Конфликты по поводу раздела имущества, другие аналогичные споры обычно возникают при разводах. Неумеренные требования, попытки присвоить совместно нажитое имущество, деньги также выступают в качестве толчка в механизме преступления.

В ряде ситуаций толчком к совершению преступления является преступное, но не связанное с нападением на причинителя вреда поведение жертвы. Примером такой ситуации может служить убийство «клиентом» проститутки, пытавшейся его обворовать.

Типичными в условиях новых рыночных отношений стали ситуации, в которых толчком к совершению умышленных убийств, в том числе с наймом киллеров, является поведение потенциальных (и реальных) потерпевших — участников коммерческой деятельности. Обычно это связано с дележом прибыли, разделом собственности и т. д.

Довольно часто встречаются ситуации, в которых действия потерпевшего заключаются в организации употребления спиртных напитков им самим и преступником и в последующем нанесении оскорблений, обид преступнику или близким ему лицам. В этих ситуациях очевидны две основные составляющие негативного поведения жертвы: создание условий, способствующих совершению преступления (состояние опьянения), и толчковый момент — нанесение обиды, оскорбления преступнику — причинителю вреда. Разумеется, фактическая сторона этих ситуаций весьма разнообразна: на первый план выходят то организационный, то толчковый моменты.

Исходным моментом ситуации могут быть действия потерпевшего: ничем не вызванная грубость или оскорбительные высказывания в адрес незнакомых, обратившихся с какими-либо вопросами или просьбами.

Толчковое поведение жертвы может суммироваться с аналогичным поведением других лиц. Если агрессивные действия (оскорбления, придирки) исходят от группы, то ответная реакция причинителя вреда в известной мере случайна с точки зрения выбранного объекта: потерпевшим может оказаться лицо из числа наименее активных участников группы.

Совершение убийства, причинение тяжкого вреда здоровью могут стать следствием длительных угроз (в отличие от оскорблений) причинителю вреда со стороны потерпевшего. Складывается ситуация, когда в определенный момент причинитель, помня о постоянных угрозах, по его мнению, в оборонительных целях, совершает преступление, хотя непосредственно для него опасности и не было. В этом случае взаимодействие преступника и его жертвы в основе своей «упреждающее», как и при нападениях, с той лишь разницей, что убедительности угроз оказалось достаточно для толчка к совершению убийства или причинению тяжкого вреда здоровью.

Поведение потерпевшего, не имеющее толчкового характера, но создающее обстановку, способствующую совершению убийства, причинению умышленного тяжкого вреда здоровью

Потерпевшие в ситуациях этого типа составляют 23,6%. Все ситуации, отнесенные к данному разделу, независимо от того, что по фактическому содержанию они весьма разнообразны, в криминологическом отношении представляют такие варианты поведения потерпевших, которые не носят толчкового характера, но создают реальную возможность совершения убийства, причинения тяжкого вреда здоровью. Иначе говоря, такое поведение является условием, способствующим совершению преступления.

Возможных последствий того или иного поведения, как правило, потерпевший не предвидит. Значение такого поведения в механизме преступления в различных ситуациях неодинаково. В одних — это поведение единственно и создает реальную возможность совершения преступления, в других — оно важное, но не единственное условие, способствующее совершению преступления. Рассмотрим эти ситуации.

Поведение потерпевшего, способствующее совершению убийства, причинению тяжкого вреда здоровью может заключаться в следую-

щем: находясь в нетрезвом состоянии, он с незнакомыми ему преступниками направляется в безлюдное место, что позволяет преступникам совершить преступление без каких-либо помех. Состояние опьянения приводит к тому, что потерпевший теряет необходимую предусмотрительность, утрачивает чувство опасности, становится, по существу, беспомощным. Поведение потерпевшего в подобных ситуациях отличается в отдельных случаях еще и повышенной активностью, направленной на продолжение контакта с будущим причинителем вреда.

Сепп, человек уже пожилой, находясь в состоянии опьянения, по предложению 18-летней К. направился с нею в парадную дома, где и был убит с разбойной целью ее напарником Б.

Практически сходная ситуация, только с меньшей активностью потерпевшего, складывается тогда, когда человек в состоянии опьянения находится в месте, удобном для нападения на него (безлюдная улица, парк, парадная и т. п.).

Поведение потерпевшего, создавшее условия, способствовавшие совершению убийства, причинению тяжкого вреда здоровью, может заключаться в организации употребления спиртных напитков им самим и преступником, но без каких-либо дополнений толчкового характера. Потерпевший нередко не учитывает агрессивных наклонностей лица, которое его усилиями приводится в состояние полной потери контроля над своими действиями.

Трофимов пригласил к себе домой некоего Левина. Совместное употребление спиртного закончилось для Трофимова тяжелым ранением. И это несмотря на то, что Трофимову было известно — Левин судим семь раз, в том числе два раза за убийство!

В подобных ситуациях имеют место дополнительные моменты, связанные с негативными чертами личности потерпевшего. Жертвами проявления негативных черт своей личности становятся люди, систематически употребляющие спиртное, наркотические вещества, вступающие в интимные контакты со случайными людьми.

Создать условия, способствующие совершению преступления, может поведение жертвы, которое само по себе не противоправно, но ошибочно воспринимается таковым другими лицами.

Кузьмин, любитель интимных сцен, находясь в состоянии опьянения, подглядывал в окна первого этажа. В него выстрелил один из жильцов дома, принявший его за вора.

Действия стрелявшего были преступными, но и поведение потерпевшего явилось тем необходимым компонентом ситуации, без которого преступление не могло совершиться.

Поведение потерпевшего в данной ситуации криминологически значимо в той мере, в какой оно дезориентировало причинителя вреда и сделало возможным совершение преступления.

Объективную возможность совершения преступления создает также поведение жертвы, связанное с непоследовательностью в семейных, брачных отношениях. В частности, это касается случаев, когда брак расторгнут, но фактические брачные отношения поддерживаются. Это часто приводит к взаимным претензиям, ревности, нежеланию считаться с тем, что формально бывшие супруги свободны от взаимных обязательств. Криминологическую нагрузку в таких ситуациях равно несут как непоследовательность поведения, так и неоправданная неосмотрительность потерпевшего. Исходным моментом в развитии ситуации может быть и поведение потерпевшего, явившееся следствием легкомысленного подхода к созданию семьи. Связывая себя с человеком, моральные и физические качества которого определяют конфликтность в отношениях супругов, он (а чаще — она) создает предпосылки преступления.

Наиболее часто возникают ситуации, в которых условия, способствующие совершению убийства или причинению тяжкого вреда здоровью, создаются за счет длительного по времени отсутствия отпора насильственным действиям преступника со стороны потерпевшего. Например, семья на протяжении длительного времени терпит издевательства, побои, угрозы одного из членов семьи и не обращается за защитой в компетентные органы. Тем самым создается, сохраняется и обостряется обстановка, способствующая совершению преступления.

Супруги Соколовы были убиты сыном, ранее четырежды судимым за кражи и хулиганство. На протяжении длительного времени сын пьянствовал, избивал родителей, открыто заявлял, что убьет их и «не будет мучиться угрызениями совести». Несмотря на совершенно очевидную опасность и необходимость принятия мер, потерпевшие в милицию не обращались. Обстановка обострилась до предела и завершилась убийством родителей.

В подобных случаях встречается не только отсутствие сопротивления преступнику, но в ряде ситуаций и активное противодействие самих потерпевших принятию мер по их защите. Причины такого поведения различные: от обычного страха перед мстью до прямого расчета

невыгодности ареста преступника по соображениям материального порядка. Нередко причиной молчания потерпевшего является нежелание «выносить сор из избы». Терпимость потерпевших иногда превращается в своеобразное «пособничество» преступнику.

Большакова трижды попадала в больницу в результате нанесенных мужем побоев, однако категорически возражала против привлечения его к уголовной ответственности. Уголовное дело по факту истязаний было возбуждено против воли потерпевшей, в тот момент находившейся в очередной раз в больнице. Узнав об этом, потерпевшая написала заявление с просьбой прекратить дело. Преступник, которого разыскивали органы милиции, после выхода Большаковой из больницы убил ее.

Преступника можно было своевременно арестовать, если бы не заведомо ложные показания потерпевшей, лишавшие следствие необходимого доказательственного материала.

Жертва может своим поведением способствовать совершению убийства или причинению тяжкого вреда здоровью, когда проявляет элементарную неосмотрительность и поддерживает отношение с человеком, враждебность которого для нее очевидна, уединяется с ним, имея возможность не делать этого.

Неосмотрительность может быть и иного рода. Например, неосмотрительность сотрудника милиции, пострадавшего потому, что он не использовал предусмотренных уставом и инструкциями или выработанных практикой приемов несения патрульно-постовой службы, задержания и проверки подозрительных лиц.

*Положительное поведение потерпевшего,
явившееся толчком к совершению убийства
или умышленному причинению тяжкого вреда здоровью*

Потерпевшие в этих ситуациях составляют 10,1%. Толчком к совершению преступления может быть положительное поведение потерпевшего, направленное на защиту третьего лица от нападения или иного преступного посягательства. Чаще всего — это вмешательство с целью пресечения хулиганства.

Нередки ситуации, в которых причинение вреда потерпевшему связано с его действиями по задержанию преступника, пресечению преступных действий, но не с целью защиты третьего лица.

Положительное толчковое поведение потерпевшего может заключаться в предъявлении требований служебного характера, требований нормального поведения в семье, в быту, обращении в суд с иском о

взыскании алиментов, пользовании законными имущественными правами, в частности предъявлении права на наследство.

Специфическими ситуациями убийства или причинения тяжкого вреда здоровью являются также преступления против лиц, выступивших с показаниями в суде, или с целью не допустить дачу показаний заключенных, вставших на путь исправления и помогающих администрации исправительных учреждений.

*Нейтральное поведение потерпевшего,
которое никак не повлияло на развитие ситуации преступления,
т. е. не было толчком и не создавало способствующих совершению
преступления условий*

Всего потерпевших в подобной ситуации — 24,7%. Значительная часть потерпевших не внесла никакого вклада в механизм преступления и не имела практической возможности предвидеть и предотвратить грозящую им опасность. Их поведение нейтрально. В основном это люди, которые в силу различных обстоятельств стабильного или разового характера оказались помехой преступнику, а также самим фактом своего существования возлагали на преступника определенные обязанности. Обременительными для преступников лицами чаще всего являются дети (в основном новорожденные), а также лица неизлечимо больные и престарелые. Преступники — чаще всего родители, но могут быть и другие родственники. Преступления такого рода редки, но весьма показательны в виктимологическом отношении.

3. совершила убийство сына двух с половиной лет, бросив его в колодезь, поскольку ее будущий муж категорически возражал против ребенка и избавление от него ставил условием вступления в брак.

Лицо может быть убито (тяжкий вред здоровью в таких ситуациях — свидетельство неудачи преступника), если оно является владельцем имущества, на которое посягает преступник, или обладает правом на имущество, которое преступник стремится получить. В подобных ситуациях преимущественно действуют преступники и потерпевшие, состоящие в родственных отношениях или, во всяком случае, знакомые друг другу.

Другую часть ситуаций составляют такие, где потерпевшие не знают преступников. Это разбойные нападения на улицах, вне жилых помещений, на транспорте и в других местах. Роль потерпевшего в указанных

ситуациях, если иметь в виду их завязку, нейтральна. Потерпевшие как таковые значимы для преступления лишь в силу роли, исполняемой ими в определенной ситуации.

Опасность оказаться жертвой нападения, как уже отмечалось, независимо от поведения, может быть связана с необходимостью выполнения лицом служебных обязанностей. Имеется в виду не вмешательство в ситуацию, которое обращает действия преступника на потерпевшего, а само исполнение роли, привлекающей внимание преступника независимо от конкретных действий этого лица. Преступником руководит убеждение, что данное лицо располагает крупными суммами денег, необходимым преступнику оружием, своим присутствием мешает проникнуть в нужное помещение. (Потерпевшие в таких ситуациях — работники милиции, шоферы такси, охранники, сторожа, продавцы и др.)

Человек может оказаться потерпевшим, если он является препятствием для преступника в завладении жилой площадью. В принципе, эти ситуации по исходным моментам аналогичны разбойным нападениям. И в этих ситуациях потерпевший ведет себя нейтрально: он «неудобен» преступнику, потому что он существует в данном конкретном качестве.

Примером могут служить убийства одиноких пожилых владельцев приватизированных квартир с целью завладения ими. В последние годы разоблачены организованные преступные группы, совершавшие такие преступления.

Не часто, но встречаются ситуации физического уничтожения лица, располагающего сведениями, разглашение которых нежелательно преступнику. Это могут быть сведения о преступном поведении, но не обязательно. Имеет значение лишь то, насколько сохранение их в тайне важно для преступника.

Значительное число потерпевших, поведение которых было нейтральным в механизме преступления, составляют люди, убитые или получившие тяжкий вред здоровью от случайно встреченных преступников, оказавшиеся во внезапно возникших и быстро развивающихся ситуациях, где они не могли ни правильно сориентироваться, ни действовать спасительным для себя образом. Поведение потерпевших в таких ситуациях никакого импульса действиям преступника не дает, так же как и не создает условий, способствующих совершению нападения.

Человек может оказаться потерпевшим из-за ошибки преступника, принявшего его за другого. Каковы бы ни были мотивы преступления,

для потерпевшего ситуация остается совершенно неожиданной и случайной.

Ситуациями, в которых потерпевший практически «представляет» за другое лицо, своим поведением демонстрируя нейтральное положение в развитии событий, являются убийства на почве мести. Правда, здесь могут сочетаться нейтральные моменты поведения с точки зрения объективно толковых характеристик и неосмотрительность потерпевшего, если по условиям ситуации он мог и должен был предполагать возможность нападения на него. К таким «представительским» ситуациям следует также отнести случаи совершения убийства должностных лиц или причинения тяжкого вреда их здоровью преступниками, мстящими за увольнение с работы, привлечение к ответственности, взыскание за причиненный ущерб, и др. Например, убийство руководителя учреждения за то, что преступник уволен с работы, хотя конкретное решение об увольнении принимал не сам руководитель; убийство судебного или прокурорского работника потому, что другие работники этих учреждений в свое время привлекли к ответственности преступника. Есть и другие ситуации этого плана. Поведение потерпевших в процессе возникновения преступления во всех этих случаях нейтральное, оно не толковое, не создает соответствующих условий преступнику, сами потерпевшие не предполагают о существующей для них опасности.¹

Типология жертв

*(потерпевших от умышленных убийств
и причинения тяжкого вреда здоровью)*

Жертвы насильственных преступлений против жизни и здоровья характеризуются как положительными, так и негативными личностными чертами, проявляющимися в виктимном поведении.

Для потерпевших с положительным поведением характерны требовательность, смелость, решительность (12,4%). Для потерпевших с негативным поведением определяющими являются: агрессивность — 24,5%, грубость, невыдержанность — 6,4%, деспотизм в отношении близких, родных — 4,3%, неуживчивость — 8,6%, алкоголизм — 37,6%, поло-

¹ Спецификой поведения отличаются пассивные потерпевшие от истязания (ст. 117 УК РФ), принуждения к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (от. 120 УК РФ), неоказания помощи больному (ст. 124 УК РФ) и оставления в опасности (ст. 125 УК РФ), но это предмет самостоятельного исследования.

вая распушенность — 7,8%, неразборчивость в выборе знакомых — 31,9% (в том числе по доверчивости — 19,3%, по склонности к легкомысленному времяпрепровождению — 12,6%), жадность, корысть — 1,7%, не критичность — 23,6% [128, с. 103–104].

По виктимологической значимости на первое место среди типов потерпевших от убийства и причинения тяжкого вреда здоровью следует поставить *агрессивный тип*. В классификации жертвы этого типа представлены как агрессивные насильники (нападающие) и агрессивные провокаторы (провоцирующие в иной форме). Это жертвы, виктимное поведение которых (негативное и даже преступное) послужило толчком к причинению им вреда.

Специфика типа агрессивного насильника (в меньшей степени и агрессивного провокатора) определяется тем, что он близко стоит к типу насильственного преступника, а нередко полностью с ним совпадает. Поэтому подробно описывать типы потерпевших этой категории нет смысла. Проще позаимствовать психологические характеристики у «чистой» криминологии. Здесь достаточно ограничиться моделью социально-психологического облика, включающей и основные, «ведущие» характеристики, и мотивационную сферу (исходные корыстного, сексуального, хулиганского поведения). Однако и у таких потерпевших (крайний случай — «потерпевший-преступник») есть черты, отличающие их от аналогов, которым вред не причинен. Это пониженная критичность, а также очевидное неумение управлять своим поведением даже в предвидении его виктимных последствий.

Тип агрессивного насильника включает два типа (или подтипа): агрессивного насильника общего и избирательного плана.

Ведущие социально-психологические качества личности у них аналогичны, с той лишь разницей, что их агрессивность имеет различную адресность.

Тип потерпевшего агрессивного насильника (в классификации жертв — агрессивный насильник) выглядит следующим образом: мужчина в возрасте 26–40 лет (реже — более старшего или младшего возраста); образовательный и культурный уровень низкий; представления, интересы и потребности примитивные; физически, как правило, развит хорошо, но преимущества своего физического развития переоценивает; потенциально опасные для себя ситуации, как созданные им самим, так и те, в которых он оказался неожиданно, оценить критически не умеет; перспективу развития ситуации видит

плохо; возможности противника оценивает «с принижением»; вспыльчив, резок, агрессивен, плохо владеет собой, мстителен; спиртные напитки употребляет неумеренно; корыстен; чувство признательности, благодарности развито слабо; груб, охотно идет на конфликт; страхующий момент социальных связей (родственных, дружеских, производственных) переоценивает. Иногда истеричен, страдает отклонениями в половой сфере и психике. Установка личности — антиобщественная насильственная. Это тип человека, который демонстрирует негативное аморальное, противоправное, в том числе и преступное толчковое поведение, опасное и для других, и для него самого.

Следует различать два варианта этого типа. Агрессивный насильник общего плана реализует указанные негативные личностные качества в ситуациях, где причинителем вреда может быть лицо, с которым его ничто не связывало. Избирательно агрессивный насильник, наоборот, как правило, является родственником, знакомым, сослуживцем и т. д. причинителя вреда. Именно для избирательно агрессивного насильника характерна переоценка страхующего момента социальных связей.

Типичные жертвы собственной агрессии — боевики организованных преступных формирований (преступники-жертвы).

Потерпевшие этого типа составляют 16,2% от общего количества, в том числе общего плана — 4,0% и избирательно агрессивные — 12,2%.

Другой *тип агрессивного потерпевшего* — мужчина в возрасте 30–50 лет (реже иного возраста), обладатель тех же негативных качеств, что и указанный выше агрессивный насильник, но физически недостаточно сильный. Знает это хорошо и болезненно переживает, опасных для себя последствий не допускает, в случае активного противодействия нередко обращается в бегство или занимает уничижительную позицию. Иначе говоря, это тип слабосильного, трусливого, злобного, некритичного, обидчивого, с гипертрофированными претензиями человека. С причинителем вреда он чаще находится в стабильных отношениях; его агрессивные действия (приставание, оскорбления) реже обращаются на лиц, ему совершенно незнакомых. У потерпевших этого типа — антиобщественная насильственная установка личности. В классификации этот тип проходит как агрессивный провокатор общего плана или избирательно агрессивный провокатор.

В общем количестве жертв потерпевшие этого типа составляют 15,4%, в том числе избирательно агрессивные — 11,6%.

1 Специфическая жертва, относящаяся к категориям избирательно агрессивных насильников и провокаторов, — семейный деспот (тип, исключительно показательный в виктимологическом плане).

Семейный деспот — это мужчина в возрасте 25—45 лет (реже — более молодого или пожилого возраста); культурный уровень низкий, образование нередко начальное; правосознание примитивное; пьяница, грубиян, способен на любое оскорбление без причины; убежден в своей безнаказанности и праве на физическую расправу с членами семьи, повода к такой расправе вообще не ищет или пользуется любым; не терпит никаких возражений; жену, детей вечно упрекает в том, что материально их содержит, хотя это и не всегда так. В интимных отношениях с женой (сожительницей) груб, циничен. Нередко труслив: издевается над членами семьи, которые физически слабее его (женой, дочерьми), избивает их. Сыновей-подростков или взрослых трогает реже, но часто становится их жертвой или «в счет прошлых обид», или при защите от него других членов семьи. В своем «активе» имеет супружеские измены, уходы из семьи. Нередко страдает ослаблением половой потенции и, как следствие этого, озлоблен на жену, истеричен, в ряде случаев — налицо психопатические отклонения. Вымещает свои мнимые и действительных обиды не только на жене, детях, но и на вещах, мебели и т. д. По сути дела, не критичен, плохо понимает потенциальную опасность своего поведения. По мере упадка сил с возрастом, болезнями и физическим становлением детей от насильственных действий вынужденно отказывается, становится жалобником: обращается с требованиями о защите от жены и детей, которые «плохо к нему относятся, не уважают». Тип семейного деспота может сочетаться с проявлениями чисто хулиганского свойства, но это бывает сравнительно редко. Обычно семейные деспоты замыкаются в узком кругу семьи, где им «все позволено». К тому же это лица корыстные, никогда не отказываются от материальной помощи, требуют ее от детей.

Это тип в определенной мере динамический: здесь есть очевидные изменения во времени, однако отнести его следует к категории избирательно агрессивных насильников. Всего таких потерпевших — 1,8%.

Другой тип семейного деспота — мужчина среднего или пожилого возраста, образовательный уровень достаточно высок. Это холодный, жестокий, спокойный, выдержанный педант, убежденный, что имеет право на все по отношению к жене и детям, что не преследуется по за-

кону. Рукоприкладством по отношению к жене не занимается, но физически наказывает детей, делая это с наслаждением, по заранее продуманной процедуре. Жenu и детей всячески унижает, демонстрируя их зависимость от него. Эгоистичен, необщителен, спиртные напитки употребляет умеренно и издевается над семьей чаще в трезвом виде. Это типичный «садист-словесник», подлый, злобный, низкий, но трусливый. Он карьерист и более всего боится потерять лицо в глазах окружающих.

По классификации — это избирательно агрессивный провокатор. В общем количестве потерпевших этот тип составляет 2,5%.

Тип потерпевшего — избирательно агрессивного провокатора, для которого движущим мотивом является сексуальный, — мужчина в возрасте 20—30 лет (реже старше), образование не ниже среднего, культурный уровень достаточно высок, или, по крайней мере, обладает определенным внешним лоском, любитель «красивой жизни» — ресторанов, выпивок, женщин. Некритичен. Непосредственно в опасных ситуациях ведет себя активно, стремится оказать сопротивление. Однако нередко ситуации, когда он находится в беспомощном состоянии (например, сон, состояние опьянения).

Этот тип потерпевших составляет 3,9% от общего числа потерпевших.

Другой *тип избирательно агрессивного провокатора сексуального плана* — мужчина, чаще среднего и пожилого возраста; образовательный уровень — от начального до высшего; семейное положение любое (женат, разведен, холост); психофизические качества — самые различные; образ жизни — от внешне идеального до связанного с совершением преступления и отбытием наказания. Основное качество личности, порождающее виктимность, — гомосексуальность. Практически на основе этого негативного личностного качества существуют два типа потерпевших:

- а) вежливый, культурный, спокойный человек, рафинированный интеллигент, нередко — работник творческого труда;
- б) грубый, внешне неопрятный, резкий, нетерпимый, злоупотребляющий спиртными напитками, нередко ранее судимый, готовый «защищать свои права на партнера».

Для потерпевших этих типов характерны, с одной стороны, осторожность, боязливость, склонность к перестраховке, а с другой — неспособность отказаться от своих намерений по соображениям риска. В итоге они становятся жертвами лиц, к которым обращаются с непри-

личными предложениями, или своих «конкурентов». Поведение и тех и других толчковое, провокационное.

Потерпевших этого типа — 0,8% от общего количества.

В категории *избирательно агрессивных провокаторов* женщины представлены следующим типом: 20—35 лет, замужняя (имеющая сожителя); образовательный и культурный уровни невысокие; часто неумеренно употребляет спиртные напитки; грубая, резкая в обращении, бестактная, намеренно и легко идет на скандал, опасность, возникающую в результате этого, оценивает не критически, легкомысленна, изменяет мужу, причем не стремится это скрыть; часто не желает сохранить семью и требует от мужа, чтобы он оставил ей жилую площадь. При систематических скандалах угрожает обращением в милицию, но очень редко в действительности это делает. При обращении не пренебрегает ложными показаниями.

Другой *вариант агрессивного провокатора* — жена, изменяющая мужу, но скрывающая свою связь. Здесь провокация выступает как неосторожность потерпевшей. Всего потерпевшие этого типа составляют 3,1%.

Наиболее распространенный *тип пассивного потерпевшего (пассивной жертвы)* — это женщина 20—35 лет, замужняя (имеющая сожителя), с низким образовательным и культурным уровнем, робкая, легко внушаемая, поддающаяся посторонним влияниям, с обостренной стыдливостью, обременена детьми, материально зависит от мужа, терпит его побои и угрозы, издевательства, правосознание низкое. Противодействия мужу не оказывает, в милицию, суд не обращается, а если и обращается, то просит затем дело прекратить. Отношение мужа воспринимает как плохое, но вполне объяснимое тем, что «выпивает»; негативное отношение к возможности обращения за защитой мотивирует страхом остаться без материальной поддержки, нежеланием «выносить сор из избы», опасением новых побоев. Это тип пассивной потерпевшей, в большинстве случаев объективно способной к сопротивлению и к тому же не критичной.

Такие потерпевшие составляют 16,0% от общего числа потерпевших.

Также *тип пассивного потерпевшего (пассивной жертвы)* — женщина легкого поведения; возраст любой, уровень образования и культуры — невысокий, пьяница, нечистоплотна, в половом отношении распущенна, нередко больна венерическими заболеваниями, совершенно не критична — опасности возникающих ситуаций не осознает. Часто на-

пивается до такой степени, что приводит себя в беспомощное состояние и становится жертвой садистского надругательства. Лжива, неискренна, в милицию никогда не обращается (например, по поводу побоев), а если оказывается в больнице, дает ложные показания. Свой образ жизни скрывает, но иногда им даже бравирует. К труду испытывает отвращение.

В ином варианте этого типа в дополнение к указанным личностным чертам следует отметить грубость, наглость, бесстыдство; при случае способна и совершить кражу у партнера, и шантажировать его, используя опасение огласки.

Это тип пассивного и некритичного потерпевшего, а во втором варианте — избирательно агрессивного провокатора корыстного плана.

Потерпевших этого типа мало — 1,3% от общего количества, но они очень показательны в виктимологическом отношении.

К типу пассивного, в значительной мере некритичного потерпевшего (и способного, и не способного к сопротивлению) относится также мужчина пожилого или преклонного возраста; с преступником связан родственными или иными стабильными отношениями; образовательный и культурный уровень низкий; робкий, спокойный, старается избежать скандалов, на оскорбления не отвечает; некритичен: не видит опасности и перспективы развития ситуации, в которой находится; правосознание низкое, за защитой не обращается, готов простить даже побои. Стремится подыскать оправдание негативному поведению преступника. Физически нередко слаб, материально зависит от преступника. В ситуации, которая в конечном итоге выливается в убийство или покушение на убийство, находится длительное время, иногда годы (таких потерпевших — 4,9%).

Тип пассивного потерпевшего с сексуальной мотивацией — это гомосексуалист, не умеющий оказать сопротивления, принуждаемый к сожительству и становящийся жертвой в результате конфликтов между претендентами на него или попытками порвать с половым партнером.

Для большинства потерпевших в той или иной мере характерна некритичность, однако можно выделить *тип некритичного потерпевшего*. Некритичность решающим образом определяет виктимность жертв этого типа. Это мужчина любого возраста, от молодого до пожилого, но чаще всего — среднего; неумеренно употребляющий спиртное; образовательный уровень может быть любым; незлобив, доверчив, лег-

ко заводит знакомства и к выбору знакомых относится не критически; понимание опасности таких знакомств, как и критическое осмысление потенциально опасных ситуаций, отсутствует; в состоянии опьянения и даже в трезвом виде бездумно поддается на предложения преступника где-либо уединиться для встречи с женщиной или для распития спиртных напитков. Непосредственно в момент осознания опасности ведет себя по-разному: активно сопротивляется, пытается скрыться, пассивен и т. д.

Это тип не критичного потерпевшего, создающего обстановку, способствующую совершению преступления. Потерпевшие этого типа составляют 6,2% от общего количества.

Тип инициативного потерпевшего — это, как правило, мужчина (значительно реже женщина), возраст от 18 до 45 лет, но в более редких случаях и старше; образовательный уровень любой, но в основном не ниже среднего; физически развит нормально; смел, решителен, отзывчив, принципиален, искренен, добр, требователен, готов рисковать. Критичность, понимание опасности ситуации и ее конечных последствий снижены, однако возможна и самонадеянность при понимании опасности; действует рискованно. Этот тип потерпевших составляет 23,4% от общего количества потерпевших.

4.2. Половые (сексуальные) преступления: жертвы и ситуации

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности или, иначе, половые преступления, затрагивают интимную сферу жизни человека.

Эту сферу, по меткому определению известного ученого А. Г. Харчева, «охраняют не только стены дома, квартиры, но и такие эффективные психологические силы, как чувство скромности, стыдливости, личного и семейного достоинства» [157, с. 18]. В криминологическом плане понятие половых преступлений охватывает преступления, посягающие на половую свободу и половую неприкосновенность личности, а также на нормальное половое развитие и воспитание детей. К числу этих преступлений относятся:

- 1) изнасилование (ст. 131 УК);
- 2) насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК);
- 3) понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК);

- 4) половое сношение и иные действия сексуального характера с лицами, не достигшими 14-летнего возраста (ст. 134 УК);
- 5) развратные действия (ст. 135 УК).

Общественная опасность этих преступлений различна: от сравнительно небольшой (ст. 133, 134 УК) до максимально высокой (ст. 131, 132 УК). По-разному они представлены и в структуре преступности.

Криминологические характеристики половых преступлений неотделимы от анализа и оценки отношений, связывающих преступников и их жертв. Данное обстоятельство имеет особо важное значение для этой группы преступлений.

В равной мере важно изучение поведения потерпевших от половых преступлений, так как для некоторых из них характерно добровольное участие, своеобразное способствование преступнику, совершенно нетипичное для подавляющего большинства других преступлений.

Это прежде всего относится к лицам, не достигшим 14-летнего возраста — добровольным партнерам взрослых в половых сношениях или иных действиях сексуального характера (ст. 134 УК). Ситуации этих преступлений возникают не только по инициативе преступников, но и потерпевших, чаще всего сохраняются ими в тайне (отсюда огромная латентность). Цели, которые преследует преступник, в принципе, очевидны. Мотивы, лежащие в основе поведения добровольной жертвы, могут совпадать с мотивами преступника, но могут быть и отличными. Изучение немногих материалов по этим преступлениям не позволяет ранжировать мотивы и цели, преследуемые жертвами, но характер их прослеживается с достаточной ясностью — это сексуальное любопытство, связанное с ранним половым созреванием; желание обрести самостоятельность; стремление попасть в круг общения с более взрослыми лицами; стремление получить материальные блага и др. Преступника и добровольную жертву в ряде случаев связывают искренняя привязанность, влюбленность — чувства несомненно уважаемые.

Потерпевшие от этих преступлений в личностном плане очень различны. Среди них представлены положительно характеризующиеся, но опередившие свой возраст девочки (ни одного мальчика в наших материалах не оказалось) и наряду с ними предельно развращенные, занимающиеся проституцией. В отношении последних, однако, не следует спешить с выводами. Малолетние проститутки, при том что они добровольно вступают в половые отношения, действительно часто жертвы сводниц, они эксплуатируются организованной преступностью, и в этом плане только «итоговые» оценки их личности не

дают представления об истинной виктимологической составляющей данного преступления.

В последние годы в России катастрофически растет беспризорность детей. Она ведет не только к женской, но и мужской проституции. Судя по тому, что в порнографических фильмах сняты не только девочки, но и мальчики, в стране есть детская мужская проституция, следовательно, множество преступлений, о которых идет речь.

В виктимологическом плане жертвы этих преступлений имеют высокую личностную виктимность, степень которой многократно увеличивается за счет ситуативных факторов. Это то небольшое, что сейчас можно сказать о виктимологическом аспекте этого преступления.

Понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК) связано с угрозами, шантажом и использованием материальной или иной зависимости жертвы от преступника. Из этого следует, что отношения между жертвой и преступником не носят случайного характера. Что касается личностных качеств жертв, то они могут определять неспособность или нежелание жертвы противодействовать преступнику или, наоборот, способность оказать ему эффективное сопротивление. Латентность этого преступления высокая в основном из-за нежелания жертв обращаться в правоохранительные органы. Его виктимологическое изучение, анализ виктимологических ситуаций, разработка типологии жертв — задачи, которые еще предстоит решить в будущем.

Насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК) — новый состав преступления для уголовного законодательства России. Ранее изучалось только мужеложство, теперь частью декриминализованное.

Насколько можно судить по оперативной и следственно-судебной практике, основная сфера насильственного мужеложства и насильственного лесбиянства — исправительные учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы. Гомосексуальные половые отношения осужденных — явление постоянное и легко объяснимое. Уголовно-исполнительный кодекс РФ относит мужеложство и лесбиянство, совершенные добровольно, к злостным нарушениям режима. Такие факты не секрет для сотрудников ИУ, но отношение к ним, особенно в женских колониях, не слишком строгое. Нередко «во имя спокойствия и избежания конфликтов» их стараются не замечать. Вместе с тем очевидно, что некоторая часть осужденных принуждается к гомосексуальным контактам, будучи в них пассивными партнерами. Практикуется так называемое «опус-

вание», когда фактически чем-то провинившийся осужденный насилируется группой. Жертвами внешне добровольного мужеложства становятся молодые физически привлекательные осужденные. Все это хорошо известно и практикам и ученым, изучающим пенитенциарные проблемы.

Индивидуальная виктимность потерпевших от всех указанных преступлений несомненно выше средней, но обуславливается различными чертами личности. В основном это физическая неспособность оказать сопротивление, неумение сориентироваться в ситуации, инертность, конформизм, уже имеющийся опыт гомосексуального общения и др.

Ситуативные факторы также различны: это и условия исправительного учреждения, и неблагополучная семья, и безнадзорность, и т. д.

С виктимологических позиций весьма показательны развратные действия в отношении лиц, не достигших 14-летнего возраста. Это преступление, в котором потерпевшие — всегда и по существу жертвы уже в силу возраста. Но юный, а иногда и малолетний возраст еще не свидетельство нейтральной роли жертвы в ситуациях данных преступлений. Из общего количества изученных нами потерпевших 42,0% вели себя негативно; поведение 58,0% никак не способствовало преступнику в совершении преступления.

Естественно, возникает вопрос, какое негативное поведение может быть у ребенка или подростка. Мы относим к негативному поведению такое, в котором проявились:

- а) развращенность, нездоровое любопытство;
- б) корыстная заинтересованность в получении подарков, денег от преступника;
- в) недопустимая (с учетом возраста) доверчивость, некритичность;
- г) сокрытие факта развращения, независимо от мотивов, при условии, что это поведение позволило преступнику продолжать развращение.

По нашим данным, развратные действия совершены в отношении 50,1% потерпевших лицами, им совершенно незнакомыми; 39,4% — знакомыми; 3,0% — родственниками; 7,5% — отцами и отчимами.

По месту совершения преступления потерпевшие распределились следующим образом:

- а) были развращены на улице — 40,7%;
- б) в своем жилище — 1,6%;

- в) в жилище преступника — 4,7%;
- г) в общем жилище потерпевшей и преступника — 13,6%;
- д) в других помещениях и жилищах третьих лиц — 39,4% [119, с. 110].

Рассмотрим ситуации, в зависимости от того, какое место занимает в механизме совершения преступления поведение потерпевшей. Оно может быть:

- ♦ положительным или нейтральным, т. е. таким, которое противодействовало преступнику или, по крайней мере, не способствовало ему в совершении преступления;
- ♦ негативным, если создавало условия, способствующие совершению преступления.

Поведение потерпевших, которое никак не способствовало совершению преступления и в котором не проявились какие-либо отрицательные черты, качества личности потерпевших

Всего потерпевшие по этим ситуациям составляют 58,0% от общего количества изученных.

В практике не столь уж редко имеют место ситуации, когда преступник неожиданно нападает на потерпевшую, избирая для этого безлюдные места, пытается затащить в подвал, на чердак и т. д., но встречает упорное сопротивление в виде физического противодействия или призывов о помощи. Поведение потерпевшей в подобных случаях исключительно положительное. Поскольку сопротивление требует определенного физического развития, чаще всего по таким ситуациям проходят потерпевшие 12–13 лет.

Преступник может совершать развратные действия, не прибегая к непосредственному контакту с потерпевшей: обнажаться на виду у потерпевшей, совершать циничные телодвижения и т. д. Положительное поведение потерпевшей в таких ситуациях заключается в:

- а) уходе с места совершения преступления, т. е. прерывании визуального контакта с развратником без принятия мер к его задержанию;
- б) в уходе с места совершения преступления и немедленном сообщении взрослым о случившемся;
- в) в принятии активных мер по задержанию преступника, конечно, не лично, а с привлечением взрослых работников милиции и т. д.

В этих случаях встречаются потерпевшие различного возраста, но преимущественно — старшего.

В ситуациях, когда в роли преступника-развратника выступает отец, потерпевшие редко оказывают сопротивление. Однако практика знает такие случаи.

В целом ряде ситуаций мы находим нейтральное поведение потерпевших, которые ничего не сделали для облегчения действий преступника.

Поведение потерпевших, которое способствовало совершению преступления или позволило преступнику продолжать преступные действия

Всего потерпевшие по данным ситуациям составляют 42,0% от общего их количества.

Негативное поведение имеет в основе развращенность и нездоровое любопытство потерпевших, корыстную, материальную заинтересованность, недопустимую доверчивость, некритичность, заключается в сокрытии потерпевшей факта развращения, что позволило преступнику продолжать развращение данной потерпевшей.

Ситуации, в которых поведение потерпевших было продиктовано развращенностью, нездоровым любопытством

Такие ситуации, где поведение продиктовано очевидными негативными качествами личности: нездоровым любопытством, развращенностью — встречаются не столь уж редко. Конечно, эти качества сами по себе не приводят к преступлению. Однако они учитываются преступником при выборе жертвы, формы преступного поведения, места совершения преступления. Не случайно именно знакомые потерпевшим преступники, понимающие, чем им грозит разоблачение, обращают свое внимание прежде всего на тех девочек, в которых распознали эти отрицательные черты. И надо сказать, что они редко ошибаются [148, с. 94–96].

Любопытство и развращенность потерпевших иногда не просто качества, черты, используемые преступником, но и основа проявления инициативы самой потерпевшей. Например, не столь уж редки ситуации, когда преступник, зная девочку, рассказывает ей об интимных вещах, если потерпевшая принимает его предложение, обнажается в ее присутствии и т. д. Криминологически значимо здесь то, что потерпевшая с интересом все это слушает и наблюдает и не пытается избежать восприятия такой явно неподходящей информации. Значение поведения потерпевшей в механизме преступления существенно меняется, оно становится из элемента пассивного активным. Если же потерпевшая, как это нередко бывает, скрывает преступление от родителей, но

рассказывает о нем сверстникам, что побуждает их к контакту с тем же преступником, ее поведение выходит за рамки данного преступления.

Оператор котельной К., встретив во дворе Г., 12 лет, предложил ей пойти с ним в котельную, где он расскажет о том, как совершаются аборт, как «живут» люди, и заодно угостит конфетами. Г. хорошо знала К. и пошла с ним, так как ей было интересно все это (ее собственное признание). В кочегарке К. свое обещание выполнил, т. е. совершил типичные развратные действия. Г. скрыла этот случай от родителей, что лишний раз подтверждает отличное понимание ею недопустимости происшедшего, но подружкам рассказала. Это привело к тому, что в кочегарке у К. побывали и также подверглись развращению еще несколько девочек.

Активность в поведении потерпевших может проявиться не в начальной стадия преступления, а в процессе его продолжения и даже после окончания.

Девятилетние П. и Е. вечером гуляли на льду озера. К ним подбежал тренировавшийся здесь же спортсмен С. и предложил пойти к расположенному неподалеку стогу сена и там посмотреть, как он разденется. Девочки согласились. С. поочередно совершил с ними развратные действия. Потом он договорился с девочками встретиться на этом же месте через неделю. Они согласились и пришли бы, но им помешали обстоятельства, от них не зависящие.

Помимо действий самого преступника криминологической составляющей этого преступления является и поведение потерпевших, в основе которого лежало нездоровое любопытство, нездоровый интерес к предложению преступника. Ситуации такого порядка обычно развиваются постепенно, а потерпевших и преступников связывают определенные стабильные отношения.

В основе негативного поведения потерпевших может лежать не просто нездоровое любопытство, но развращенность, ставшая определенной чертой личности. Случаи нечастые. Потерпевшие по таким ситуациям, как правило, 12–13-летние девочки.

Отчим, начиная с 11- до 13-летнего возраста, т. е. на протяжении двух лет, развращал Б.

Потерпевшая проявляла инициативу в организации встреч с преступником, тщательно скрывала все от матери.

Помимо «чистой» развращенности в этой ситуации присутствовал и своеобразный интерес: отчим обещал жениться на ней, как только она вырастет.

Ситуации, в которых поведение потерпевших было продиктовано корыстной, материальной заинтересованностью

В ситуациях, где молчания и непротиводействия потерпевших преступник добивается за счет подарков, обычно в определенной мере имеются и элементы принуждения. Желание получить подарок, лакомство у потерпевшей есть, но в то же время она может бояться преступника, стесняться его, просто не знать, как избежать общения с ним.

В. с 9-летнего возраста развращал отец. Девочка подвергалась развратным действиям около четырех лет. Лишь в возрасте 13 лет она стала протестовать, активно избегать отца.

Это характерное развитие событий: нередко в подобных ситуациях материальные соображения уходят у потерпевшей на второй план, она более ясно начинает понимать происходящее, становясь старше. Тем не менее задабривание, пробуждение у потерпевшей определенной материальной заинтересованности сыграло свою роль на протяжении длительного времени.

Ситуации, в которых потерпевшие проявили излишнюю доверчивость, неkritичность, что позволило преступнику совершить развратные действия

Для того чтобы создать обстановку, в которой возможно совершение преступления, преступник, особенно если он незнаком с избранной жертвой, чаще всего прибегает к обману, притом нередко довольно примитивному. Однако жертвы не проявляют той критичности, которой, в принципе, уже должны обладать, и в результате попадают в положение, позволяющее преступнику совершить развратные действия. Практика знает ситуации, в которых преступник, добиваясь, чтобы потерпевшая осталась с ним наедине, выдает себя за врача, тренера, режиссера и т. д.

В данном случае мы рассматриваем лишь те ситуации, в которых потерпевшая имела полную возможность правильно понять и оценить действия преступника независимо от того, насколько для нее могли бы быть ясными его истинные намерения.

Ситуации, в которых сокрытие потерпевшей факта совершения развратных действий позволило преступнику продолжать преступление в отношении той же жертвы

Непосредственной причиной сокрытия могут быть страх, стыд, боязнь огласки, стеснительность и т. д.

Фактическое содержание «тормозящих» факторов может быть самым различным: многое здесь зависит от возраста, развития, воспитания, обстановки, в которой живет потерпевшая.

Случаи сокрытия преступления имеют место чаще всего там, где преступник и потерпевшая знают друг друга и стабильно связаны. Совершение развратных действий в подобных ситуациях иногда продолжается длительное время и превращается в систему. Угроз при этом практически не бывает, а если и есть, то неопределенные. Тем не менее эти угрозы «срабатывают», что, собственно, и нужно преступнику.

В ряде случаев единственным мотивом молчания, скрытности потерпевших являются стеснительность, стыд.

Самым опасным и самым распространенным половым (сексуальным) преступлением является изнасилование. В 1997 г. в стране было зарегистрировано 9307, в 1998 — 9014, в 1999 — 8346 изнасилований. По данным опроса населения в Санкт-Петербурге жертвами сексуального насилия стали в 1998 г. 1,1%, в 1999 г. — 2,2%, в 2000 г. — 1,4% опрошенных. Далее оно рассматривается в его виктимологическом аспекте.

Изнасилование — преступление специфическое не только потому, что его жертвами могут быть лишь женщины. В этом преступлении исключается противоправное поведение потерпевшей. Тем не менее это не значит, что поведение потерпевшей всегда нейтрально по отношению к результату и не имеет значения в развитии ситуации преступления.

Потерпевшие от изнасилования могут быть разделены на две группы: тех, чье поведение в той или иной мере способствовало совершению преступления, явилось толчком к началу преступных действий, и тех, чье поведение было нейтрально (иначе говоря, поведение никак не способствовало совершению изнасилования).

Среди потерпевших 45,5% не имели добрых связей, 74,5% — незамужние. Обратимся к данным, характеризующим личность потерпевших и их поведение (табл. 4.10).

Из приведенных данных следует, что поведение негативного характера типично в первую очередь для потерпевших в возрасте до 25 лет. Если мы примем количество потерпевших с негативным поведением за 100%, то это положение выявится еще более ярко — более 90,0% негативного поведения приходится на потерпевших в возрасте до 25 лет. Благоприятные ситуации для изнасилования чаще всего создают несовершеннолетние девушки: в 7 случаях изнасилования из 10 по изученным делам они вели себя подобным образом [81, с. 193].

Таблица 4.10

Возраст, лет	%	Негативное поведение, % от общего количества	Положительное поведение, % от общего количества	Негативное поведение, % от этого возраста
До 18	30,7	21,7	9,0	70,9
19–25	42,7	25,7	17,0	60,5
26–30	5,9	1,9	4,0	33,3
31–40	11,9	1,0	10,9	8,3
41–50	6,9	1,0	5,9	14,3
От 50	1,9	1,0	0,9	49,9 ¹
Всего	100	52,3	47,7	—

В подростковый период, сопровождаемый интенсивным половым созреванием, у девушек инстинктивно пробуждается стремление к приобретению сексуального опыта. Некоторые из них начинают половую жизнь с 12–13 лет. Причем первыми их партнерами нередко бывают насильники.

Данные об образовательном уровне потерпевших свидетельствуют, что в своем большинстве они имеют достаточно высокий образовательный уровень: так, лица с высшим и незаконченным высшим образованием составляют 8,8%; средним — 39,8%; неполным средним — 38,9%; начальным и без образования — 12,5%. (По данным Е. А. Гинтовт, категории по уровню образования соответственно: 8,5; 40,3; 39,4; 11,9.)

Отношение жертвы к преступнику характеризуется следующим образом: совершенно незнакомы — 42,5%; дочери (падчерицы) — 2,0%; жены (фактически разведенные) — 0,8%; близкие родственники — 2,7%; знакомые — 52,0% (в том числе случайные знакомые — 37,0%). Хотя, казалось бы, процент знакомых преступников велик, в действительности потерпевшие во многих случаях почти не знали своих «знакомых». Уже одно то, что жертвы случайных знакомых составляют 71,0% от общего количества изнасилованных знакомыми,

¹ По данным Е. А. Гинтовт, изучившей 151 уголовное дело за 1997–1998 гг., процентные соотношения практически такие же. Так, негативное поведение по возрастным группам составляет: до 18 лет — 71,9; 19–25 — 59,5; 26–30 — 33,7; 31–40 — 8,8; 41–50 — 13,6; старше 50 — 49,7 (Изнасилование: криминологическая характеристика, предупреждение, проблема защиты жертв. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 52).

показывает, как они порою легкомысленны. (Практически аналогичные данные получены Е. А. Гинтовт: жертвы, совершенно незнакомые с преступником, — 43,0%; дочери и падчерицы — 2,0%; жены, в том числе разведенные, — 1,0%; близкие родственники — 2,5%; знакомые — 51,5%, в том числе случайные — 36,5%).

Изнасилование связано с преодолением сопротивления жертвы. Поэтому для оценки криминологической значимости ее личности и поведения важно, в какой мере она могла сопротивляться преступнику. Практика показывает, что 83,1% потерпевших были способны к сопротивлению и только 16,9% не могли противодействовать преступнику (причины тому: физическая слабость — 13,9%, беспомощное состояние, сон — 3,0%). Однако не все потерпевшие оказывали сопротивление насильникам, а только 70,5%. Из этого обстоятельства можно сделать вывод, что по отношению к 12,6% потерпевших (не оказали сопротивления 29,5%, не могли сопротивляться 16,9%) изнасилование явилось следствием их «непротивления». Конечно, и сопротивление не всегда спасает от насилия, но практика показывает, что примерно 70% сопротивлявшихся не позволили преступнику довести преступление до конца, хотя им пришлось преодолевать не только физическое, но и (что иногда значительно страшнее) психическое насилие преступника.

По данным нашего изучения, физическое насилие было применено в отношении 32,5%, психическое — 12,0%, сочетание физического и психического — 55,5% потерпевших. Для более точной характеристики возможности к сопротивлению и реализации этой возможности в зависимости от возраста потерпевших приведем следующие данные:

- ♦ до 18 лет оказали сопротивление 45,1%, из них успешно — 42,8%;
- ♦ 18–25 лет — соответственно 86,0 и 30%;
- ♦ 26–30 лет — 66,6 и 25%;
- ♦ 31–40 лет — 83,3 и 20%;
- ♦ 41–50 лет — 71,4 и 100%;
- ♦ старше 50 лет — 50 и 100%.

Сопротивление потерпевших не всегда выражается в физическом противодействии, призывах о помощи. Нередко встречается и хитрость, и использование возможности убежать от преступника (первое характерно для жертв зрелого возраста, второе — молодого, в том числе и несовершеннолетних).

Жертва изнасилования, в принципе, не может быть правонарушающей. Она может быть легкомысленной, некритичной, неосмотрительной, но не более.

Поведение, являющееся негативным элементом механизма изнасилования, не всегда является критерием отрицательной характеристики потерпевшей. Не исключено, что это лишь случайный эпизод в жизни, стечение обстоятельств (в целом 78,5% потерпевших характеризуются положительно). Но все же значительная часть жертв (21,5%) характеризуется отрицательно.

Многие жертвы изнасилования отличаются не только провокационным поведением перед совершением над ними насилия, но и легко поддаются соблазну, готовы вступить в случайную связь, повеселиться за чужой счет и т. д. В известной мере это связано и с материальной необеспеченностью женщин, особенно молодого возраста.

В ситуациях изнасилований, совершенных знакомыми, нередко выбор преступника предопределяется репутацией жертвы как доступной или неразборчивой в выборе знакомых. Исходя из этого насильники почти всегда рассчитывают на то, что их жертвы не будут обращаться с заявлением в милицию, потому что:

- а) для жертвы это не слишком значимое событие, в связи с чем, будучи ранее кем-то изнасилованной, она не сообщила об этом органам милиции;
- б) жертва не хочет разглашать о себе какие-либо сведения, опасаясь «дурной славы».

К отрицательной характеристике потерпевших от изнасилования относится употребление наркотиков и спиртных напитков. По имеющимся данным, 38,6% находились в момент насилия над ними в состоянии алкогольного опьянения. Усугубляет негативную окраску и то, что свыше 92,8% потерпевших употребляли спиртные напитки вместе с насильниками.

Достаточно показательны данные о состоянии опьянения потерпевших во взаимосвязи с отношениями, связывающими их с преступниками, и местом совершения преступления.

Так, 92,3% потерпевших, находившихся в состоянии опьянения, были изнасилованы знакомыми, в том числе случайными знакомыми — 64,2%, хорошо знакомыми — 25,9%, родственниками — 2,5%. Только 7,7% потерпевших, находившихся в состоянии опьянения, стали жертвами незнакомых насильников.

По нашим данным, территориальная характеристика изнасилования выглядит так: изнасилованы на улице, в иных «незакрытых» местах — 58,5%; изнасилованы в общем жилище потерпевшей и преступника — 3,8%; изнасилованы в жилище жертвы — 5,7%; изнасилованы в жилище насильника — 32,0%.¹

Однако эти позиции значительно отличаются, когда речь идет о потерпевших, находившихся в состоянии опьянения. В доме преступника было изнасиловано 76,9% от общего числа жертв, находившихся в состоянии опьянения, из них постоянными знакомыми — 17,9%, случайными знакомыми — 53,9%, родственниками — 5,1%. Изнасилованы в доме потерпевшей только 5,1%, из них постоянными знакомыми — 2,6%, случайными — 2,5%. Из всех изнасилованных в доме преступника потерпевших в состоянии опьянения было 93,7%, из всех изнасилованных у себя дома — только 33,3% жертв, из всех изнасилованных на улице — 11,8%.

Особое криминологическое качество состояния опьянения определяется тем, что оно приобретает в основном при активном участии самой потерпевшей. Разница между «благоприобретенным» опьянением и физической слабостью, которая не зависит от жертвы, достаточно очевидна.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных криминологических ситуаций, необходимо остановиться на изложении общих положений, характеризующих как негативное, так и положительное поведение потерпевших от изнасилования.

Изучение потерпевших с негативным поведением показывает, что в его основе лежат недостатки воспитания, нравственного формирования их личности и в целом влияние микросреды. Для потерпевших этой группы характерны неосмотрительность, неразборчивость в связях, легкомыслие в приобретении рискованных знакомств. Чаще всего

¹ По данным Е. А. Гинтовт, в Санкт-Петербурге на улицах совершены в 1997 г. 18,4% от общего числа изнасилований; в 1998 г. — 14,1%; в 1999 г. — 8,4%. В общественных местах в 1997 г. — 21,9%; 1998 г. — 18,2%; 1999 г. — 11,3%. В этот период изнасилования частью переместились «под крышу»: изнасилования в 1998 и 1999 гг. соответственно совершались в квартирах и частных домах (31,2 и 29,6%); в подъездах (22,4 и 17,2%); в подвалах (4,1 и 31,5%); в общежитиях (4,7 и 3,4%); в садовых домиках, на дачах (0,6% в 1998 г.).

По другим данным, в парках, садах и скверах совершается около 25%, в квартирах — 35% изнасилований (Краткая энциклопедия экстремальных ситуаций. М., С. 263).

жертва попадает в опасную ситуацию, не проявив элементарного понимания складывающихся обстоятельств. Наиболее частые мотивы таких знакомств следующие: желание весело провести время, потанцевать, воспользоваться автомашиной (покататься), получить возможность переночевать, стать содержанкой (любовницей), «отомстить» другому знакомому (вызвать его ревность), выйти замуж, приобрести различные вещи и т. д. Нередко и отсутствие мотивации поведения, вызванное состоянием опьянения.

Мотивы знакомства в определенной мере характеризуют момент завязки криминальной ситуации. Однако для глубокого понимания мотивов поведения потерпевших, обстоятельств, определивших возникновение этих мотивов (нередко отрицаемых потерпевшими), необходимо исследовать все то, что подготовило потерпевшую к такой, а не иной мотивации ее поведения, хотя бы для этого и пришлось совершать экскурсии в прошлое, иногда значительно отстоящее по времени от момента совершения преступления.

Типичность негативных исходных поведения потерпевших налицо. За этим поведением скрыты более или менее значительные упущения в воспитании. У молодых, иногда несовершеннолетних девушек часто отсутствует элементарная разборчивость в знакомствах, хорошая подозрительность, если так можно сказать. В итоге складывается характерная ситуация, когда потерпевшая знакомится с практически совершенно неизвестным ей человеком, доверчиво посещает с ним помещения, в которых и совершаются изнасилования.

Неразборчивость в знакомствах тесно связана с излишней доверчивостью. Природа этой доверчивости может исходить от неиспорченности, непонимания темных сторон жизни, но может быть и от равнодушия, бездумности, даже любопытства. Вряд ли можно не согласиться с тем, что в основе такой «наивности» лежит элементарная нравственная безграмотность, сводящая поведение к одной задаче: лишь бы сохранить невинность, а все остальное не имеет значения. В любом случае жертва не думает о возможном развитии событий, само знакомство с партнером для нее желательно. Можно с полным основанием утверждать, что нездоровое любопытство довольно часто приводит к тому, что жаждущие острых ощущений, много знающие понаслышке, но в действительности совершенно неопытные девушки становятся в определенной мере жертвами собственного любопытства. В основе подобного поведения также лежат недостатки воспитания, заключающиеся в ограждении девушек подросткового возраста от какой-либо самостоятель-

ности. В итоге при первой возможности, вырвавшись из-под надзора родителей, потенциальные жертвы идут на знакомства весьма сомнительного свойства.

Нельзя не учитывать, что 14–18 лет — это возраст, когда появляется вполне естественный интерес к лицам другого пола. И вот здесь-то скажется отсутствие моральных «тормозов», которые длительное время заменялись мелочной опекой. Они просто не выработались по известным причинам и, естественно, не сработали в сложившейся неблагоприятной ситуации. Столь же двусмысленно выглядит и поведение потерпевших, воспитание которых чрезмерно «рационально». Потерпевшая сознательно идет на знакомство и рискованный контакт с человеком, который ее интересует лишь в плане определенных материальных благ. Проще говоря, жертва рассчитывает на развлечения, получение подарков, прекрасно понимая, чего ждет от нее партнер, но надеется избежать «конечного подведения итогов». Поведение потерпевших в определенных случаях бывает и предельно откровенным, провоцирующим; оно объективно создает у насильника представление о реальной возможности сексуального контакта. Это — наиболее острые ситуации, к которым мы вернемся при подробном анализе толчковых ситуаций [82, с. 12–13].

Рассмотрим далее наиболее типичные ситуации, в которых совершаются изнасилования, разделив их по принятой нами схеме на:

- а) ситуации толчкового характера (для данного преступления, возможно, следовало бы употребить понятие провоцирующего поведения);
- б) ситуации, в которых поведение потерпевшей объективно создало обстановку, способствующую совершению изнасилования;
- в) ситуации, в которых поведение потерпевшей было положительным или нейтральным.

Ситуации, в которых поведение потерпевшей носило толчковый (провоцирующий) характер

Всего потерпевшие в таких ситуациях составляют 13% от их общего количества. Толчковый характер поведения потерпевшей от изнасилования проявляется в том, что как бы объективно оно не провоцировало будущего насильника, она действует в определенной мере неосторожно по отношению к результату.

Толчковое поведение потерпевшей часто выражается в установлении контакта с совершенно незнакомыми или малознакомыми мужчинами,

посещении их жилищ или уединении с ними в других укромных местах, совместном употреблении спиртных напитков и совершенно некритичном восприятии откровенных намеков и поползновений будущего насильника. Независимо от того, что она имеет в виду, потерпевшая демонстрирует свое положительное отношение к поведению партнера. Отсюда и определенная уверенность насильника в удовлетворении его желаний. Разумеется, такая уверенность имеет место до известного предела (иначе не было бы изнасилования). Как бы в дальнейшем ни вела себя потерпевшая, даже при активном ее сопротивлении, начальный толчковый момент ее поведения налицо. Криминологические составляющие механизма преступления в той мере, в какой это касается потерпевшей, сводятся к следующему:

- а) уединение с преступником и способствование созданию благоприятствующих условий для совершения преступления;
- б) отсутствие элементарной осторожности и критической оценки складывающейся обстановки;
- в) демонстрация благосклонного отношения и непротиводействие поползновениям преступника в той стадии развития ситуации, когда отрицательная реакция, скорее всего, остановила бы будущего насильника.

Именно непротиводействие в совокупности с демонстрацией благосклонности (определенное «авансирование») и являются толчковыми моментами, ибо порождают у преступника уверенность (до определенного момента) в совпадении интимных желаний.

Ситуации, в принципе аналогичные приведенной выше, могут усиливаться за счет прямого толчкового поведения потерпевшей, выражающегося в совершенно ясном согласии на интимную близость, от которой, однако, при дальнейшем развитии событий она отказывается.

Н. познакомилась на пляже с К. и Г., пришла к К. домой, где после распития спиртных напитков он предложил ей совершить половой акт. Н. ответила, что они не одни, а после того, как Г. ушел, наотрез отказалась от своего обещания и оказала К. сопротивление, когда тот пытался совершить половой акт. В другом случае Т. познакомилась на вокзале с К., поехала с ним на пригородной электричке, обещала сексуальную близость после распития спиртных напитков и, в конечном счете, была изнасилована, несмотря на упорное сопротивление.

Ситуация может иметь толчковый характер не только при прямых обещаниях потерпевших. В ряде случаев они ведут себя предельно про-

воцирующим образом, хотя прямо ничего и не обещают. В этих случаях они позволяют себя обнимать, целовать, раздевать и даже имитировать половой акт. Чаще всего такое поведение сопровождается распитием спиртных напитков. Соппротивление, в дальнейшем оказываемое потерпевшей, совершенно неожиданно для преступника, и преступление есть уже, в какой-то мере, результат его неспособности отказаться от удовлетворения сексуального желания.

Поведение потерпевшей может быть предельно циничным, убеждающим в допустимости совершения полового акта, создающим обстановку, развязывающую самые низменные страсти у будущего насильника.

Г. поехала в лес с двумя знакомыми мужчинами и там в присутствии одного из них совершила половой акт с другим. Когда же и второй предъявил на нее права, оказала ему сопротивление, но была им изнасилована. Эта потерпевшая предельно развращена, ее отказ — просто каприз, никакими моральными соображениями не продиктованный.

Ситуации, в которых поведение потерпевших, не являясь толчковым, объективно создает возможность совершения изнасилования

Всего потерпевших в этих ситуациях 39,3%. В отличие от толчкового поведения в этих ситуациях потерпевшие своим поведением не создают у преступника предположения о возможности совершения полового акта с согласия партнерши, но объективно создают условия, в которых совершение изнасилования облегчается, становится более реальным. Ситуации такого порядка следующие.

Потерпевшая с незнакомым или малознакомым мужчиной посещает его дом, употребляет с ним спиртные напитки. Иногда уединяется с ним не дома, а в других местах. Несколько реже жертва к моменту встречи уже находится в состоянии алкогольного опьянения, а в отдельных случаях вообще не употребляет спиртное (но не мешает делать это будущему насильнику). Поведение потерпевшей не «обещающее», но само пребывание в сложившейся обстановке, возникшей с ее участием, чревато возможностью совершения изнасилования. Свою роль в механизме преступления здесь играет и пониженная критичность, поскольку часто в подобных ситуациях поведение преступника, еще до покушения на изнасилование, дает основания подозревать его в таком намерении. В этих ситуациях потерпевшие оказывают насильнику сопротивление, однако этот положительный

момент не снимает негативного характера их поведения на начальных этапах развития ситуации [84, с. 22–23].¹

Ряд ситуаций, характеризующихся легкомысленным поведением потерпевших, связан с тем, что они не просто уединяются с преступником, но обращаются с просьбой покататься на машине, мотоцикле. Далее события развиваются по той же схеме: складывается обстановка, когда потерпевшая остается один на один с преступником, но оказывает сопротивление. Как и во всех ситуациях, где есть сопротивление потерпевшей, налицо сочетание противоположных криминологических моментов: с одной стороны, создание провоцирующей обстановки, с другой — усилия ее изменить.

Ситуации, в которых поведение потерпевших было положительным или нейтральным

Всего потерпевших в этих ситуациях 47,7%. Положительное или нейтральное поведение заключается в сопротивлении насильникам при покушениях, совершаемых незнакомыми лицами в безлюдных или малолюдных местах (улица, пустырь, подъезд и др.). Виктимологически нейтральным (может быть, точнее, «невиновным») поведением следует признать беспомощное состояние психически или физически больной потерпевшей, непонимание происходящего малолетней потерпевшей и т. д.

Часть изнасилований совершается группами преступников.

Групповые изнасилования в Санкт-Петербурге составили от общего их количества в 1995 г. — 12,2; в 1996 — 21,5; в 1997 — 9,7; в 1998 — 10,6; в 1999 — 10,8%. В Ленинградской области соответственно: 15,3; 18,2; 12,1; 17,4; 15,9%. В абсолютных цифрах это 147 из 95 изнасилований. В таких ситуациях возможность противостоять насилию практически минимальна. Почти все они были доведены насильниками до завершения.

Типология жертв половых (сексуальных) преступлений

Потерпевшие от полового сношения с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста, могут быть представлены двумя типами жертв, исходя из типичных ситуаций этого преступления.

¹ Ривман Д. В. Личность и поведение потерпевших от изнасилования // Информ. бюллетень УВД. 1971, № 19–20.

Тип активной некритичной добровольной жертвы

Девочка в возрасте 12 — неполных 14 лет. Учится в школе. Воспитывается в благополучной семье, характеризуется положительно. Физически развита, близка к состоянию полового созревания или опережает в этом отношении свой возраст. Хорошо ориентируется в вопросах секса. Считает, что в близости с мужчинами нет ничего стыдного, но все же скрывает эту сторону своей жизни от родителей. «Раскованно» ведет себя в среде сверстников и лиц старше себя. Первый половой контакт чаще всего имела с соучеником своего или старшего возраста. В половых связях ведет себя свободно. Партнеров по сексу меняет, а в ряде случаев имеет их несколько. Вместе с тем не цинична, воспитанна, ценит отношение к себе. Стремится к знакомству со взрослыми мужчинами. Свой возраст от них скрывает. В глазах сверстников — это вполне доступная партнерша по сексу.

О перспективах своего поведения не задумывается. Может быть неосторожна и оказаться беременной, после чего, как правило, все становится известным.

Тип активной некритичной добровольной жертвы с элементами самопричинения вреда

Девочка с аналогичными возрастными характеристиками, но, условно говоря, официально признанная неблагополучной несовершеннолетней. В школе учится плохо. Семья нередко далека от ее воспитания. Ведет себя распушенно, нередко цинично. О сексе знает лишь то, что составляет его физическую сторону. Поведением своим бравирует. Мотивы поведения различные, включая и желание получить определенные материальные блага. Крайнее выражение негативных качеств — занятие проституцией (в основном на любительском уровне). Часто заражается венерическими болезнями и даже СПИДом.

Тип добровольной активной жертвы — девочка с теми же возрастными характеристиками, но вполне положительного поведения в школе и семье. Влюблена в мужчину старше 18 лет, встречается с ним и рассчитывает в дальнейшем выйти за него замуж. Иногда связь становится известной родителям, которые в зависимости от отношения к партнеру дочери по сексу или скрывают происшедшее, или «дают делу ход». Тогда возникают уголовные дела.

Типы жертв развратных действий

Тип некритичной, с элементами добровольности жертвы развратных действий с негативным поведением — девочка в возрасте 12–13 лет, не по годам интересующаяся вопросами секса, позволяющая преступнику совершить развратные действия при полной возможности этого избежать. Характеризуется чаще всего положительным поведением в школе, семье. В характере отмечаются такие черты, как скрытность, склонность ко лжи, неискренность.

Тип невиновной нейтральной и реже избирательно некритичной жертвы — потерпевшая такого же возраста с положительным или нейтральным поведением; отличается позитивными личностными чертами.

Тип невиновной нейтральной жертвы — девочки младших возрастов, некритично относящиеся к обстоятельствам возникновения криминальной ситуации к действиям преступника.

Типология жертв

Специфичность такого преступления, как изнасилование, исключает противоправное поведение потерпевших, что, однако, не свидетельствует об их положительном поведении. Значительная часть потерпевших своими действиями провоцирует преступление или, во всяком случае, создает условия, облегчающие действия преступника. Представляется возможным выделить два основных типа потерпевших, негативная роль которых в механизме преступления очевидна.

Избирательно некритический тип жертвы — возраст 18–25 лет (реже — 16–17); образование среднее или неполное высшее; незамужняя или разведенная, но и в первом случае уже имевшая половые связи; легкомысленная, легко идет на установление контактов, знакомств и сама ищет их; некритичная: чувство опасности притуплено, перспективу развития ситуации понимает плохо, иногда вообще не понимает. Провоцирующий, «авансирующий» характер своих действий понимает, но самонадеянно рассчитывает остановить партнера, иным образом снять напряжение, ускользнуть или вообще о выходе не думает (это в случаях полного непонимания опасности ситуации). Нравственные устои непрочны, аморальна, к возможности установления интимного контакта относится легко. Отказ и сопротивление насильнику не связаны с моральными соображениями: «срабатывают» обстоятельства ситуации, боязнь огласки, неуважи-

тельное отношение партнера, антипатия именно к этому лицу, физическое состояние в данный момент. Любит употреблять спиртные напитки, проводить время в компании, интерес к культурному отдыху (посещение музеев, театров и др.) невысок, иногда его нет вообще, жизненные интересы и цели примитивны: побыстрее устроиться в жизни, а пока что — развлечься за чужой счет. В оказании сопротивления решительна (если состояние, например опьянение, вообще позволяет сопротивляться), причем чем более груба и примитивна потерпевшая, тем сильнее сопротивление. К возможности огласки относится отрицательно, но об изнасиловании в органы милиции заявляет. В качестве потерпевшей непоследовательна — если насильник предлагает жениться, возмещает ущерб материально, нередко просит дело прекратить. Мстительна — часто требует привлечения к ответственности насильника, с которым в большинстве случаев знакома, в особенности, если он впоследствии ведет себя по отношению к ней неуважительно. Знакомство, однако, как правило, случайное, кратковременное.

Вариантом этого типа потерпевшей является потерпевшая, ранее не имевшая половых свои физические возможности как инструмент получения житейских выгод, но при этом недалекой, некритичной.

Тип избирательно некритичной (в ряде случаев также пассивной) *жертвы* — девушка 15–18 лет (реже — младшего или старшего возраста); образование среднее, неполное среднее — ученица старших классов; ранее половых связей не имела, о сути половых отношений знает поверхностно со слов подруг и др.; отсутствие личного опыта в интимной сфере сочетается с повышенным интересом к вопросам секса; легкомысленна, некритична, легко идет на установление контактов, иногда проявляет в этом инициативу; опасности создающихся ситуаций не видит; партнера предпочитает старше себя, безразлична к его положению, «идеализирует» его. Притязания партнера в первоначальный момент ситуации воспринимает, не сознавая их «практической реальности». В «пике» ситуации теряется, нерешительна, поддается чувству страха, испытывает острое чувство стыда. Часто попытки партнера оказываются неожиданными, относится к ним отрицательно, но до ясного понимания опасности уступает собственному любопытству. Интерес к культурному отдыху сравнительно невысок. Какой-либо серьезной цели при знакомстве не преследует, желает казаться взрослой, и только. Сопротивление преступнику оказывает, но часто уступает как угрозе, так и физичес-

кому насилию. Очень боится огласки, что является одной из причин отказа от сопротивления. Болезненно переживает утрату девственности, но сама в органы милиции обращается редко, делает это под влиянием старших. С насильником часто хорошо знакома, но столь же часто это знакомство носит случайный характер.

Это тип девушки, рано созревшей физически, выросшей в обстановке родительской опеки, отгораживающей ее от всего «низменного», черпавшей свои знания из явно неподходящих источников, составившей свое представление об интимной сфере, идеализирующей ее в силу очевидной инфантильности, но достаточно активной, чтобы попытаться реально удовлетворить свое любопытство.

Тип пассивной, способной к сопротивлению жертвы — потерпевшая, которая не виновна в создании опасной ситуации, но не оказывает сопротивления насильнику, имея к тому реальную возможность. У потерпевших этого типа возраст может быть самым различным, но чаще всего это женщина среднего или пожилого возраста, замужняя, разведенная (во всяком случае — жившая ранее половой жизнью). С преступником, как правило, незнакома, что усугубляет чувство страха. Физически развита нормально, труслива, не критична, в ситуации теряется, не может оценить свои возможности к сопротивлению, а возможности причинения вреда преступником переоценивает. Волю к сопротивлению теряет не столько при физическом, сколько при психическом насилии, под влиянием угроз уступает насильнику, предпочитая моральный ущерб физическому; психологически неустойчива, реакции замедленны. К возможности обращения в органы милиции относится по-разному. Если замужем, чаще от этого воздерживается и скрывает происшедшее. В качестве потерпевшей по уголовному делу последовательно ведет себя и добросовестно помогает следствию.

Инициативный тип жертвы — это потерпевшие, поведение которых безупречно и которые оказывают сопротивление насильнику. Как правило, это женщины физически сильные, смелые, решительные (самого различного возраста), не останавливающиеся перед причинением преступнику значительного физического ущерба. В других случаях потерпевшие этого типа могут обладать житейской хитростью, изворотливостью — способны усыпить бдительность преступника; с такими потерпевшими преступник не может довести преступление до конца. О преступлении в правоохранительные органы заявляет.

4.3. Заражение венерическими заболеваниями и ВИЧ-инфекцией: жертвы и ситуации

Заражение венерическими заболеваниями и ВИЧ-инфекцией в России имеет очевидную тенденцию к количественному увеличению и территориальному распространению. Так, заболеваемость сифилисом с 1992 по 1997 г. выросла в 40 раз, а количество больных сифилисом детей (в том числе в возрасте до 14 лет) возросло в 77 раз. По состоянию на конец 1997 г. в России зарегистрировано 6337 ВИЧ-инфицированных (в том числе по Москве — 453 человека). Ежедневно заражается ВИЧ-инфекцией 10 человек [39, с. 110, 111]. Заражение венерическим заболеванием (ст. 121 УК РФ) и ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ) — преступления, в которых в большинстве случаев имеет место «виктимологическая вина» потерпевшего. В принципе, без более или менее активных действий жертвы заражение невозможно. Вопрос только в том, в какой мере опасность заражения осознавалась ею. Обратимся к характеристикам лиц, заразившихся венерической болезнью.

Возрастной состав потерпевших (в %):

- ♦ до 18 лет — 4,7 (только мужчины);
- ♦ 19–25 лет — 53,2 (в том числе женщины 5,7);
- ♦ 26–30 лет — 28,0 (в том числе женщины 2,9);
- ♦ 31–40 лет — 9,4 (в том числе женщины 0,9);
- ♦ старше 40 лет — 4,7 (только мужчины).

Образовательный уровень потерпевших (в %):

- ♦ с высшим и незаконченным высшим образованием — 12,3 (только мужчины);
- ♦ со средним — 34,2 (в том числе женщины — 1,9);
- ♦ с неполным средним — 50,7 (в том числе женщины — 7,6);
- ♦ с начальным — 2,8 (только мужчины).

Для данного преступления обязателен интимный контакт преступника и жертвы, требующий при нормальном жизненном укладе взаимного влечения и, естественно, какой-то предыстории во времени. Ее отсутствие уже само по себе указывает на аморальность и жертвы и преступника. Негативные личностные и поведенческие характеристики значительной части потерпевших с очевидностью прослеживаются при анализе некоторых криминологически значимых параметров. Так,

38,1% (в том числе — 7,6% женщин) совершенно не были знакомы с лицом, от которого заразились; 61,9% (в том числе — 1,9% женщины) были знакомы с источником заражения, но только 9,5% состояли в постоянных отношениях, а 52,4% (в том числе — 1,9% женщины) были случайными знакомыми или мало знавшими друг друга.

Знакомство возникало в связи с проживанием в одном доме, районе — 19,2%; работой на одном предприятии — 4,7%; встречами в общежитиях (посещения различных лиц, там проживающих) — 9,5%; посещением ресторана, дискотеки — 14,3%; с наличием общих знакомых — 14,2%.

Существенно влияет на поведение жертвы в ситуации заражения состояние опьянения. Оно может быть эпизодом, не характерным для потерпевшего, но в иных случаях выражать стабильную, устойчивую негативную характеристику личности.

Из общего количества потерпевших 33,3% были трезвыми, а 66,7% — в состоянии опьянения.

Поведение 65,7% потерпевших до заражения венерическими заболеваниями (насколько его удалось проследить) позволяет полагать, что негативное поведение в ситуации преступления явилось логическим следствием их образа жизни. Есть основания утверждать, что негативные коррективы в характерное для 34,3% потерпевших положительное поведение внесли опьянение и некоторые внешние обстоятельства, в частности проживание вдали от семьи, длительное половое воздержание. Не случайно подавляющее большинство потерпевших — холостяки.

Наиболее виктимологически важными поведенческими составляющими являются:

- а) степень проявленной потерпевшим инициативы в поиске партнера для полового контакта;
- б) характер действий потерпевшего, направленных на установление интимной связи с источником заражения после того, как возможный партнер уже известен (активность, инициатива, создание реальных условий для интимной близости, следование инициативе источника заражения);
- в) поведение в непосредственно интимной ситуации.

Все указанные составляющие в различных сочетаниях определяют большую или меньшую значимость виктимного поведения потерпевшего. Например, характер инициативности потерпевшего в поиске бу-

дущего партнера (от самого активного до полностью пассивного) может сочетаться с самыми различными действиями, направленными на получение согласия на половую близость. Поведение потерпевшего в непосредственно интимной ситуации может быть и предельно циничным, и сравнительно скромным — и это далеко не всегда связано соответственно с большей или меньшей его инициативностью.

*Характеристика действий потерпевшего,
направленных на поиск партнера для полового контакта*

Типичны ситуации, в которых жертвы активно ищут на улице, на вокзале, в парке женщину для вступления с нею в половую связь. При этом потерпевший проявляет большую активность, обращается к женщинам, которые, по его мнению, могут согласиться на его предложение. По существу, однотипен и поиск женщинами легкого поведения партнера. Всего таких потерпевших — 23,7%, в том числе 7,6% — женщины.

Потерпевшие часто находятся в состоянии алкогольного опьянения (19,0%), что приводит к резкому снижению критичности и утрате чувства опасности. Потерпевший, как правило, прекрасно понимающий возможность венерического заражения, не принимает это во внимание.

Неосторожность подчас является следствием медицинской безграмотности. Во всяком случае, уже сам характер «поиска» свидетельствует об аморальности жертвы.

Потерпевший не всегда сам непосредственно ищет партнера для совершения полового акта: 9,6% потерпевших обращались с просьбами подобного рода к своим знакомым.

Несколько реже (4,8%) встречаются ситуации, когда потерпевший направляется к женщине, которую раньше уже знал (хотя не обязательно находился в близких отношениях). При этом он преследует вполне определенную цель и исходит из безотказности избранного объекта. Здесь делается расчет на легкомысленность партнера. Решение потерпевшие принимают равно и в состоянии опьянения, и в трезвом виде, а само совершение полового акта чаще происходит после употребления спиртных напитков.

Часты ситуации, когда потерпевший никого не ищет, но пользуется случайным стечением обстоятельств, заранее не запланированной встречей с источником заражения.

Для поведения потерпевшего характерно сознание доступности полового партнера. Таких — 61,9%, в том числе женщин — 1,9%.

Соответственно потерпевшие могут быть разделены на:

- а) искавших, проявлявших инициативу в поиске;
- б) специально никого не искавших, однако воспользовавшихся стечением обстоятельств и «включившихся» в ситуацию.

С момента установления контакта наступает этап, в котором поведение потерпевшего может быть толчковым или относительно пассивным. Здесь нельзя напрямую соотносить характеристики поведения в «поисковой» стадии ситуации и связанной с установлением контакта. Возможно, что потерпевший, который был неактивен в поиске, познакомившись с лицом, в дальнейшем оказавшимся источником заражения, начинает реализовывать возможности сложившейся ситуации, активно влияя на возможного партнера. В этом случае налицо толчок со стороны жертвы.

Если потерпевший с самого начала был инициативен в поиске, то, как правило, его поведение в развитии ситуации носит толчковый характер. Может быть и так, что пассивный в поиске потерпевший пассивен и в контакте, а толчком служит предложение будущего сексуального партнера — источника заражения. В этом варианте потерпевший активно включается в дальнейшее развитие ситуации, поскольку данное преступление по своей специфике таково, что совершенно безынициативной жертвы быть не может. (За исключением редчайших случаев, когда заражение связано с изнасилованием, насильственными действиями сексуального характера, развращением несовершеннолетнего.)

Характеристика действий потерпевшего, направленных на установление интимного контакта с источником заражения (активность, создание условий для интимной близости)

В отдельных, сравнительно редких ситуациях потерпевший не проявляет инициативы в установлении контакта с источником заражения. Инициатива принадлежит женщине, предложившей свои услуги, принятые потерпевшим, представившим для «встречи» свой дом.

Криминологические составляющие здесь таковы: элемента поиска нет, встреча случайна. Толчка в поведении потерпевшего тоже нет, ибо предложение последовало не от него. Дальнейшее же развитие ситуации происходит при активном участии потерпевшего, создавшего условия для совершения преступления (предоставление помещения). Потерпевших с таким поведением — 4,8%.

В других вариантах потерпевший толкает на поиски партнера для полового акта посредника и на него же возлагает переговоры. Поведение потерпевшего в таких ситуациях толчковое, хотя воздействие это толчка на источник заражения осуществляется через посредника. Таких жертв — 19,2%.

Из всех потерпевших, воспользовавшихся услугами посредников, 9,6% использовали жилище лица, от которого заразились и столько же предоставили свое помещение. Следует заметить, что некоторая часть потерпевших из указанной группы первоначально получала предложения от посредников, которые не были пассивными исполнителями поручения. Однако реакция на предложение «кого-либо подыскать» в качестве толчка ускорила развитие событий.

Наиболее часты ситуации, в которых потерпевший непосредственно контактирует с будущим половым партнером и сам обращается с соответствующим предложением, т. е. его поведение явно толчковое. Из 76% потерпевших, составляющих эту группу, 19,2%, кроме того, предоставили свое жилище для совершения полового акта. Всего предоставили свое жилье для совершения полового акта 33,3% потерпевших; воспользовались жильем источника заражения 57,1%; совершили половой акт в других местах — 9,6% [113, с. 75–79].

В принципе, аналогична картина заражения ВИЧ-инфекцией, хотя некоторые особенности здесь все же есть.¹ Они связаны с тем, что значительная часть инфицированных заражается не половым путем. В основном это наркоманы, пользующиеся общими шприцами. Жертвами СПИДа в медицинских учреждениях выступают доноры, больные, обращающиеся за медицинской помощью (например, заражение детей в г. Элисте), а также сами медицинские работники.

Заразившиеся ВИЧ-инфекцией — преимущественно (90%) мужчины в возрасте от 21 до 42 лет. Среди них 60% неженатых и 10% разведенных.

Жертвами ВИЧ-инфекции в первую очередь являются гомосексуалисты. Среди групп риска по уровню зараженности ВИЧ-инфекцией они занимают первое место во всех странах. И в России первый зарегистрированный больной ВИЧ-инфекцией — гомосексуалист [26, с. 191].

Далее к группам риска относятся проститутки, наркоманы (каждый второй ВИЧ-инфицированный — наркоман, использующий наркотики внутривенно).

¹ Имеются в виду ВИЧ-инфицированные в целом. Среди них некоторая часть — потерпевшие от преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ.

В числе инфицированных также лица, ведущие беспорядочную половую жизнь; иностранцы, посещающие Россию и нашедшие здесь ВИЧ-инфицированных половых партнеров; российские граждане, выезжавшие за границу и имевшие там случайные половые контакты с ВИЧ-инфицированными (в основном проститутками).

Исследования, проведенные в ряде зарубежных стран, показывают прямую связь СПИДа и проституции. По официальным данным, до 80% африканских и до 40% американских проституток заражены этим смертельным вирусом [163, с. 87–88].

Есть основания полагать, что и с российскими проститутками дело обстоит не лучше.

Во всяком случае, каждый третий ВИЧ-инфицированный мужчина занимался сексом с проституткой, у каждого из них за последние три месяца перед обследованием было от 3 до 5 сексуальных партнеров, и у всех диагностированы заболевания, передаваемые половым путем (в основном сифилис, гонорея, трихомониаз) [39, с. 116; 128, с. 281–282].

Типология потерпевших от заражения венерическим заболеванием и ВИЧ-инфекцией

Для потерпевших от этого преступления характерны такие негативные личностные характеристики, как злоупотребление спиртными напитками — 66,7%, цинизм, бесстыдство, аморальность — практически для всех, но в предельно открытом виде — для 47,7%, нескритичность, медицинская неграмотность — для всех, а для 9,6% оказалось недостаточным даже прямое предупреждение. Представим следующие типы потерпевших от этого преступления.

Активный тип потерпевшего — мужчина 19–30 лет; образовательный уровень невысокий, в пределах неполного среднего образования; холост или разведен; систематически употребляет спиртные напитки; в ситуации заражения, как правило, пьян. Легкомыслен, нескритичен, медицински безграмотен: возможность заражения не учитывает или надеется этого избежать, иногда не принимает во внимание предупреждений партнерши о наличии у нее заболевания и того, что раньше уже заражался от нее или другой женщины. Аморален, циничен, бесстыден, ведет беспорядочную половую жизнь, систематически устанавливает половые контакты с совершенно незнакомыми или мало знакомыми женщинами, инициативен и настойчив в их поиске. Потребности, интересы — примитивны. К своей репутации равнодушен, происшедшим бравирует, в лечении недисциплинирован.

Это тип недалекого, примитивного, циничного распутника, безразличного к своей репутации и репутации партнерши.

По классификации он относится к активным потерпевшим (неосторожным подстрекателям), но с заметным компонентом некритичности.

Также активный тип потерпевшего — мужчина 19—30 лет; холост или разведен; образовательный уровень — средняя школа и выше, культурный уровень во всем, что не касается интимной сферы, соответствует образовательному уровню; спиртные напитки употребляет умеренно, но в ситуации заражения, как правило, пьян. Относительно некритичен: в принципе, понимает возможность заражения, но не связывает эту возможность с конкретной ситуацией. Реже надеется избежать заражения при наличии подозрений относительно конкретной партнерши. Иногда предварительно проверяет, не заражались ли от нее другие лица. Аморален, циничен, но дорожит своей репутацией и всячески избегает огласки своего поведения. Подводит под свое поведение теоретическую базу — обосновывает беспорядочную половую жизнь необходимостью физиологической разрядки. Сторонник интимных связей без взаимных обязанностей и обязательств. С источником заражения чаще всего знакомится через лиц из своего окружения, инициативу в поиске проявляет редко.

Активный тип потерпевшей — женщина молодого возраста; незамужняя; образовательный и культурный уровень низкие, интересы и запросы примитивные; аморальна, легкомысленна, некритична, цинична, бесстыдна. Нередко — это совершенно опустившаяся проститутка. В жизни перспектив не видит и не желает видеть. Болезни значения не придает, лечиться не желает. Своей репутацией не дорожит. В отдельных случаях старается «облагородить» свое заражение выдумками о постоянной связи, бросившем ее муже и т. д. Это тип женщины, живущей одним днем.

Следует также указать на потерпевших, встречающихся сравнительно редко, однако представляющих определенную с точки зрения типичности группу. Это мужчины самого различного возраста, но большей частью молодые; среди них имеются и холостые, и женатые. В основном это лица с положительным поведением. Поведение, приведшее к заражению, не типично для их образа жизни, случайно и вызвано пребыванием в обстоятельствах, связанных с воздержанием. Свое место здесь занимают и ситуации «курортного» типа.

В равной мере (применительно к курортным ситуациям) все это относится и к женщинам.

Типы потерпевших от заражения ВИЧ-инфекцией в основном те же самые.

Активный тип с элементами не критичности — наркоман или наркоманка с жесткой наркозависимостью. В состоянии абстиненции пренебрегает мерами безопасности. Ради инъекции рискует, понимая, что всегда есть опасность заражения, но потребность в наркотике побеждает здравый смысл. Живет одним днем — от инъекции до инъекции. Свое положение осознает. Основное чувство — обреченность.

Активный тип с элементами не критичности — гомосексуалист (пассивный или активный), вступающий в беспорядочные сексуальные контакты. Мерами предосторожности пренебрегает, хотя опасность заражения понимает.

Другой вариант этого типа — также гомосексуалист, но отличающийся осторожностью в выборе партнеров для секса.

Активный тип потерпевшей — женщина, неразборчивая в связях, или проститутка со всеми качествами этой личности.

4.4. Незаконное производство аборта:

жертвы и ситуации [113, с. 60–75; 128, с. 282–287]

С виктимологической точки зрения незаконное производство аборта (ст. 123 УК РФ) — преступление специфичное:

- а) жертвой (потерпевшей) может быть только женщина;
- б) жертва всегда добровольная;
- в) жертва всегда активная (сознательный подстрекатель). Исключения в плане активности и добровольности крайне редки.

Изучение дел этой категории показало, что практически все преступления совершаются по прямой инициативе самих потерпевших (демонстрирующих, следовательно, толчковое поведение) и только в отдельных случаях — по инициативе близких потерпевшим лиц.

Возрастной состав потерпевших выглядит следующим образом: 18–25 лет — 41,0%; 26–30 лет — 38,6%; 31 год и старше — 20,4%. (Есть, конечно, и несовершеннолетние, но в число изученных нами они не попали.)

Образовательный уровень потерпевших сравнительно невысок: потерпевшие с высшим и незаконченным высшим образованием со-

ставляют 6,1%; со средним образованием — 35,9%; с неполным средним образованием — 48,9%; с начальным образованием — 9,1%. То обстоятельство, что 58,0% потерпевших не получили среднего образования, имеет важное криминологическое значение, поскольку выбор потерпевших в пользу криминального аборта, неумение оценить все возможные последствия подобного вмешательства нередко связаны именно с общим невысоким образовательным и культурным уровнем.

Правда, отнюдь не всегда потерпевшие — женщины с узким кругозором, невысоким культурным и образовательным уровнем, не понимающие всей опасности неквалифицированного прерывания беременности, к тому же вне больницы.

В этих случаях причины поведения потерпевших следует искать в иных обстоятельствах, которые могут быть самыми различными: личностные характеристики (видимо, отрицательные), неблагоприятная жизненная ситуация.

Среди потерпевших замужние женщины составляют 45,2%, в том числе имеющие детей — 26,1%; одинокие (разведенные и вообще не бывшие замужем) — 54,8%, в том числе имеющие детей — 4,2%. Характеризуются отрицательно в бытовом отношении 45,2% потерпевших, для 54,8% типично положительное поведение в быту. Из общего числа потерпевших 45,2% были беременны от случайных связей, в том числе замужних женщин, беременных в результате супружеской измены, — 1,4%. Отсюда следуют и мотивы совершения криминального аборта: необходимость скрывать происшедшее, нежелание иметь ребенка.

Конечно, среди обстоятельств, вынуждающих женщин идти на риск, есть и объективно сложные, с которыми нельзя не считаться. Например, тяжелые жилищные условия, плохая материальная обеспеченность и др. Однако эти обстоятельства не играют решающей роли в мотивации, так как встречаются сравнительно редко. В доказательство можно сослаться на то, что у подавляющего большинства потерпевших жилищные условия были вполне приемлемые и никак не вынуждали потерпевших идти на прерывание беременности, тем более — незаконным образом. Так, в частности, имеют свой дом, квартиру, комнату 85,7% потерпевших, и только 14,3% в этом отношении не устроены. Конечно, и при наличии квартиры, комнаты условия проживания могут быть далекими от идеальных, однако они все же не таковы, чтобы поставить женщину в совершенно безвыходное положение. При этом

надо учитывать, что причины аборта вообще и аборта криминального существенно отличаются.

Среди обстоятельств, обусловивших обращение потерпевшей к лицу, занимающемуся незаконным производством аборт, доминирует боязнь огласки факта беременности. Потерпевшая боится, что о ее беременности станет известно мужу, родителям, знакомым, сослуживцам. Чаще всего этот мотив имеет место при случайных или внебрачных связях, а также при супружеских изменах (таких потерпевших 57,5%).

Для 16,4% потерпевших обстоятельством, толкнувшим их на криминальный аборт, явилось позднее обращение к врачу и невозможность немедленно попасть в больницу. Для 1,3% потерпевших такой причиной явилось нежелание рисковать работой и заработком. Обращение к лицу, незаконно производящему аборт, объясняется также боязнью боли при производстве операции в больничных условиях. Эта боязнь основана у одних потерпевших на собственном опыте, у других — на опыте их знакомых (таких потерпевших 9,3%).

Обстоятельством, приведшим к криминальному абарту, является и отказ в производстве аборта в больничных условиях ввиду того, что велик срок беременности или имеются иные противопоказания медицинского порядка (3,9%).

Значительная часть потерпевших (10,3%) не обращается в больницу (даже не рассматривает эту возможность) в силу общей и медицинской безграмотности. Таким образом, основы мотивов, которыми руководствовались потерпевшие, предпочитающие криминальный аборт операции в больничных условиях, — это частично различные жизненные обстоятельства, поставившие их перед необходимостью выбора, а частично — отрицательные черты личности и поведения. Практика показывает, что определенная часть потерпевших от криминального аборта — личности отнюдь не случайные. Эти женщины прибегают только к криминальным вмешательствам, что является одним из выражений их жизненной позиции. С одной стороны, это необходимость скрывать последствия беспорядочной половой жизни, с другой — систематическое проявление медицинской безграмотности как одного из характеризующих эту категорию личностных качеств.

Среди потерпевших криминальный аборт делали три и более раз 8,2%, два раза — 12,3%, т. е. 20,5% потерпевших подвергали себя этой операции неоднократно. Некоторых потерпевших не остановило даже то, что после абортов, произведенных вне больницы, они все равно попадали туда из-за осложнений. Так, из 35,6% потерпевших, которые

оказались в больнице после криминального аборта, 6,8% составили женщины, подвергавшие себя криминальному аборту неоднократно.

Отношения, в которых находились преступник и жертва, выглядят следующим образом: родственники — 1,3%, знакомые — 53,5% (в том числе совместная работа — 23,9%, учеба — 5,4%, проживание — 17,7%, постоянные знакомые иного рода — 3,9%, случайные знакомые — 2,6%). Вообще не были знакомы и контакт установили по своей инициативе лично или через посредника — 45,2% потерпевших.

В поиске лица, производящего аборт, вне больницы, проявляют значительную активность. Если 45,2% потерпевших вообще никого не искали, ибо подходящий человек был известен, то 8,2% проявили инициативу и в поиске, и в установлении контакта, а 46,6% толкнули на такой поиск родственников и знакомых, вовлекая их тем самым в орбиту преступления, помимо будущего причинителя вреда. Следует отметить, что участие в преступлении третьих лиц может существенно различаться, оставляя самой будущей потерпевшей возможность проявить инициативу в большей или меньшей степени. В частности, третье лицо может не только подыскать человека, готового произвести аборт, но и договориться с ним; в других ситуациях посредник только знакомит будущих участников преступления; в третьих — лишь подыскивает необходимого человека.

Определенным образом жертву характеризует активность в поиске человека, способного произвести аборт, и то, как она воздействует на преступника с целью склонить его на совершение аборта. Это момент исключительно важный, так как является, по сути, подстрекательством жертвой преступника на причинение вреда ее здоровью.

Здесь следует различать два варианта воздействия жертвы на преступника. Первый — непосредственное воздействие, второй — через посредников.

Поскольку речь идет о подстрекательстве к совершению преступления, важно объективно оценить интенсивность воздействия и его эффективность.

В ряде случаев от жертвы или лица, действующего в ее интересах, не требуется особых усилий, чтобы уговорить преступника произвести аборт. Это характерно для случаев, когда преступник уже производил аборт другим лицам, получал деньги, сам заинтересован в этом преступлении. В других случаях преступление совершается только в силу исключительной настойчивости потерпевшей, оказания ею сильного воздействия на преступника (преступницу). Часто в подобных ситуа-

циях преступник действует бескорыстно, из жалости или иных добрых чувств к попавшей в беду женщине или тем, кто за нее просит. Толчковый характер поведения потерпевшей очевиден во всех случаях, однако негативный аспект ее поведения особенно отчетливо проявляется в том случае, когда преступник впервые идет на совершение преступления. При этом принципиального значения не имеет, как реально проявляется толчковое поведение потерпевшей: в форме прямого воздействия на преступника или на посредника, который, в свою очередь, воздействует на него. Правда, опосредствованное воздействие на преступника характеризует поведение уже не столько жертвы, сколько того лица, которое действует в ее интересах.

Нередко потерпевшие, в свою очередь, поставляют новую клиентуру преступнику. Этим занимались 17,9% потерпевших, в их числе подыскали одну новую жертву 14,0%, две — 2,6%, три — 1,3%.

Подбирали новую клиентуру из числа родственников — 2,6%, из числа знакомых по месту проживания — 2,6%, из числа знакомых по месту работы — 12,7%. Приведенные данные никак не характеризуют развитие криминологической ситуации, в которой в качестве потерпевшей выступала женщина, затем занимавшаяся поиском новой клиентуры. Однако в смысле характеристики личности потерпевших и их отношения к факту аборта эти данные весьма показательны. Не будет преувеличением сказать, что почти все жертвы криминального аборта не считают себя потерпевшими, а человека, причинившего им вред (часто значительный), — преступником.

Следствием положительного отношения потерпевших к преступлению является также и то, что они не только выступают в роли подстрекателей, но и нередко пособников, так как приобретают необходимые для производства аборта инструменты и медицинские препараты, а кроме того, многие потерпевшие (38,3%) предоставляют помещения для совершения операций.

Таким образом, все потерпевшие по данному преступлению могут быть разделены на три группы:

- а) лица аморального поведения, оказавшиеся беременными в результате случайной связи или вынужденные скрывать свою связь и ее последствия;
- б) лица безграмотные в медицинском отношении;
- в) лица, вынужденные пойти на криминальный аборт по не зависящим от них обстоятельствам. Это самая немногочисленная группа.

Практически во всех ситуациях производства криминального аборта поведение потерпевшей является не просто необходимым криминологическим компонентом, но носит ярко выраженный толчковый характер. Степень воздействия (как и избираемые средства) могут быть самыми различными: от настойчивых уговоров до мельком сделанного намека, от обращения к чувству жалости до откровенной денежной сделки. В любом случае это исходный момент, без которого преступление не могло бы быть совершено.

Типология потерпевших от криминального аборта

Для значительной части потерпевших от криминального аборта характерны такие личностные черты, как аморальность, половая распущенность, склонность к случайным интимным связям, медицинская безграмотность, низкое правосознание, нежелание понимать, что своими действиями они ставят под удар тех, кто производит аборт. Почти для всех потерпевших характерна неkritичность.

Выделить можно следующие типы потерпевших.

Тип потерпевшей — активный (сознательный подстрекатель): возраст 18–40 лет (основная масса потерпевших — до 30 лет); образование преимущественно неполное среднее, начальное, культурный уровень низкий; незамужем или разведена; аморальна, легко идет на интимные контакты, часто меняет партнеров, связи случайные, в медицинском отношении безграмотна настолько, что о больничном аборте просто не задумывается. Некритична: вообще не понимает или плохо понимает возможность тяжких последствий. Настойчива в поиске; к уголовно-правовой перспективе для лица, к которому обращается, относится равнодушно. Спиртные напитки употребляет, что в совокупности с элементарной медицинской безграмотностью часто и является причиной, по которой возникает необходимость в аборте. Мотивы — нежелание иметь ребенка, боязнь огласки и др.

Разновидность этого типа — обладательница тех же личностных характеристик, однако имеющая более высокий образовательный и общий культурный уровень. Достаточно грамотна в медицинском отношении, чтобы понимать, какими последствиями грозит производство криминального аборта, но надеется на положительный исход. Вместе с тем готова рисковать, пренебрегает предупреждениями о последствиях.

Это тип активной потерпевшей, в большей или меньшей степени некритичной.

Тип потерпевшей — активный (сознательный подстрекатель) — возраст 18–40 лет; образование неполное среднее, начальное; культурный уровень невысокий; замужем, часто уже имеет детей; в моральном отношении (поведение в семье, супружеская верность) характеризуется положительно. Психологически неуравновешенна, тяжело воспринимает материальные, бытовые, жилищные трудности, ссоры с мужем, возможность ухода его из семьи. В медицинском отношении безграмотна настолько, что о возможности производства аборта в больнице просто не думает. Некритична — последствий криминального аборта не предвидит. В поиске возможности сделать криминальный аборт инициативна и настойчива. Уровень правосознания низкий — об уголовной ответственности, возможной для того, кто производит аборт, не задумывается. Отношение к спиртным напиткам, как правило, отрицательное. Мотивы — нежелание иметь ребенка, тяжелые бытовые условия, настояния мужа.

Разновидность этого типа — обладательница тех же личностных качеств, но имеющая более высокий образовательный и культурный уровень, достаточно грамотна в медицинском отношении и хорошо понимает возможные последствия криминального аборта. Тем не менее готова рисковать.

Это также тип активной потерпевшей с большей или меньшей степенью некритичности.

Помимо этих основных типов, существуют и более редкие промежуточные (смешанные) типы. Например, сюда следует отнести женщин, состоящих в стабильной неофициальной связи, вполне морально выдержанных, но в настоящее время не имеющих возможности официально оформить эти отношения и оказавшихся перед перспективой огласки, при условии, что рождение ребенка создаст трудности или вообще не решаемые проблемы.

Вариант активного типа — женщина, от которой ушел муж (сожитель), оставив ее беременной со сроком, когда в больнице делать аборт отказываются, и др.

Виктимология хулиганства: жертвы и ситуации

Хулиганство — одно из наиболее опасных преступлений против общественного порядка. Реальное количество преступлений этого типа определить трудно, так как они отличаются высокой искусственной латентностью и неустойчивой практикой в квалификации. Тем не менее по России в 1995 г. зарегистрировано 191 001 и в 1996 г. 181 284 случая хулиганства (соответственно 6,9 и 6,9% от общего количества преступлений) [78, с. 22]. В 2000 г. подверглись избиению в Санкт-Петербурге 11,6, в Волгограде 14,7, в Боровичах 14,6% от общего числа обследованных жертв.¹

Объективная сторона хулиганства включает применение насилия к гражданам либо угрозу его применения, а равно уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 213 УК РФ). Насилие — наиболее виктимологический признак хулиганства. Реально оно выражается в нанесении оскорблений, побоев, телесных повреждений. Во всех ситуациях такого порядка есть потерпевшие, причем в ряде случаев их личность и поведение криминологически значимо проявляются в механизме преступления.²

Среди изученных нами потерпевших женщины составляют 52,9%, а мужчины — 47,1%.

¹ Население и милиция в большом городе // Сравнительное социологическое исследование. СПб., 2001. С. 67.

² Далее приводятся данные изучения 202 потерпевших от хулиганства по Санкт-Петербургу. По данным проведенного В. П. Коноваловым изучения, из 850 потерпевших мужчины составили 63%, женщины — 37%. По возрасту: 13% — моложе 20 лет, 30% — от 20 до 30 лет, 25% — от 30 до 40 лет, 24% — от 40 до 50 лет, 8% — от 50 и старше. Доля жертв, поведение которых способствовало собственной виктимизации составила по разным категориям (знакомых, родственников, незнакомых) от 14 до 33%. Коновалов В. П. Указ. соч. С. 33–34.

Среди потерпевших представлены лица самого разного возраста при некотором преобладании лиц среднего и пожилого возраста. Потерпевшие от хулиганства в массе своей несколько старше преступников (это, как правило, хулиганство на улицах и в общественных местах, когда преступник и потерпевший незнакомы).

Поведение потерпевших было положительным у 44,5% (защищали другое лицо, пресекали нарушение); нейтральным — у 26,3% (т. е. никак не способствовали совершению хулиганства); отрицательным — у 29,2%.

В отличие от преступлений против личности негативное поведение встречается у сравнительно небольшого числа потерпевших, причем оно имеет свою специфику. Если поведение преступников-хулиганов всегда активное, само хулиганство совершается не иначе как путем активных действий (это его объективная сторона), то большинству потерпевших, продемонстрировавших негативное поведение, свойственна пассивность, создающая условия, способствующие совершению преступления. Наиболее характерным в этом отношении является сокрытие фактов хулиганства, что приводит к возможности дальнейшего развития криминологической ситуации, связанной с причинением вреда потерпевшему, а также неоказание противодействия преступнику при возможности это сделать. Значительно реже встречается активное поведение потерпевших, в той или иной форме толкающее преступника на совершение хулиганских действий. Обычно в таких случаях мы встречаемся с личными мотивами, которые, однако, реализуются в действиях, грубо нарушающих общественный порядок и демонстрирующих явное неуважение к обществу. Нередко стороной в хулиганстве становятся преступники-жертвы, сами оказывающиеся на скамье подсудимых.

Образовательный и культурный уровень потерпевших от хулиганства сравнительно невысок: лица с высшим образованием составили 3,0%, с незаконченным высшим — 3,5%, со средним — 25,2%, с неполным средним — 46,2%, с начальным и без образования — 25,7%.

По этому параметру жертвы в определенной мере соотносимы с характеристиками преступников. Это легко объяснимо: по многим преступлениям проходят в качестве преступников и потерпевших лица, состоящие в стабильных отношениях, а это определяет примерное равенство образовательного и культурного уровня.

Так, 40,7% потерпевших были знакомы с преступником; состояли в родственных отношениях — 21,5% (из них родители — 1,5%, дети —

2,5%, супруги — 13,0%, другие близкие родственники — 4,5%); не были знакомы 28,3%. Кроме того, 9,5% потерпевших — это должностные лица и члены общественных объединений, пресекавшие преступления.

Даже в тех случаях, когда стабильных связей нет, например в преступлениях, совершенных в отношении незнакомых на улицах, принадлежность к одному культурному, образовательному уровню реализуется в склонности к одинаковому времяпрепровождению.

В ситуациях, где поведение потерпевших совершенно нейтральное, их образовательный и культурный уровни не имеют значения. Но во многих случаях негативного или позитивного поведения потерпевших, делающего его фигурой криминологически значимой, эти моменты важны. Известно, что для лиц с низким культурным уровнем нередко характерно агрессивное поведение, действия насильственного характера, порождающие, естественно, соответствующую ответную реакцию. С другой стороны, низкий уровень образования и культуры является одной из причин неумения оценить возможные последствия развития криминальной ситуации и нежелания обращаться за защитой в органы милиции. Значительное число случаев негативного поведения, заключающегося в пассивном отношении к осуществляемым преступником насильственным действиям, относится именно к потерпевшим, отличающимся этими характеристиками личности. Оценка многих проявлений хулиганства как простых семейных ссор, по поводу которых некуда и незачем обращаться, — это позиция в большинстве случаев недостаточно грамотных людей. Отсюда и сокрытие многих фактов хулиганства; а в конечном итоге — трансформация в иные, иногда с необратимыми последствиями, преступления.

Далеко не все хулиганские проявления возникают внезапно. Наоборот, развитие ситуации происходит на протяжении сравнительно длительного времени, имеет в основе личные отношения, обострение которых приводит к совершению антиобщественных поступков и даже правонарушений, оставшихся безнаказанными. В конечном счете рядовой скандалист трансформируется в уголовно наказуемого хулигана.

Непосредственно из стабильности контактов преступников и потерпевших вытекает и характеристика хулиганства по месту совершения.

Преступления совершались:

- а) в совместном жилище преступника и потерпевшего — 46,0%;
- б) в жилище потерпевшего — 8,5%;
- в) в жилище преступника — 4,0%;

- г) в жилище третьих лиц, служебных и иных помещениях — 20,0%;
- д) на улице, в других открытых местах, на транспорте — 21,5%.

То обстоятельство, что около половины преступлений совершается в совместном жилище преступников и их жертв, имеет важное значение для организации профилактической работы, так же как и оценка наиболее типичных состояний потерпевших в механизме преступления. В этом отношении потерпевшие от хулиганства выглядят довольно благополучно: только 14,2% находились в состоянии опьянения, причем из них 6,4% употребляли спиртные напитки вместе с преступниками, а 7,8% — отдельно. Хотя на фоне такого типичного «преступления пьяных», как хулиганство, эта цифра и не впечатляет, относиться к ней следует осторожно. Дело в том, что потерпевший от хулиганства (находящийся в состоянии опьянения) — это чаще всего «неудачливый хулиган», ставший жертвой себе подобных.

Виктимные последствия хулиганства во многом зависят от сопротивления, оказываемого преступнику потерпевшим. Большинство потерпевших (81,6%) были способны сопротивляться преступнику и за исключением 6,1% эту способность использовали, хотя в значительной части и безуспешно.

Фактическая сторона и положительного, и негативного поведения потерпевших отличается большим разнообразием. Негативное поведение по силе давления на преступника может быть самым различным и, следовательно, как одна из составляющих криминологической ситуации, должно быть рассмотрено в следующих аспектах:

- а) толчковое поведение, как связанное с нападением, так и иное;
- б) поведение, создающее обстановку, способствующую совершению хулиганства;
- в) положительное поведение, явившееся толчком к причинению вреда (но не самого хулиганства как такового!);
- г) защита третьего лица, требование прекратить нарушение и т. д.

Поведение потерпевшего, явившееся толчком к совершению хулиганства

Всего потерпевших по этим ситуациям — 8,4%.

Среди различного рода ситуаций, в которых потерпевшие ведут себя отрицательно, нападения с их стороны составляют незначительный процент. Обычно наиболее активную роль в возникновении криминологической ситуации играет сам причинитель вреда (преступник). Кроме того, надо иметь в виду, что лица, начавшие драку, напавшие первыми и

получившие физические повреждения, нередко и сами оказываются в роли обвиняемых. Это типичный пример «преступников-жертв». В подавляющем большинстве потерпевшие в ситуациях нападения находятся в состоянии алкогольного опьянения. Характерным для этих ситуаций также является то, что непосредственно в преступлении часто участвуют не двое, а большее число лиц. Причинение ущерба нападавшей жертве обычно является результатом в известной мере случайных обстоятельств, что выражается, во-первых, в том, что ущерб в ряде случаев причиняется не непосредственно, не буквально в момент нападения, а в процессе общей драки; во-вторых, не обязательно тем лицом, на которое напал потерпевший.

Например, А., находившийся в состоянии опьянения, затеял драку с неизвестным ему мужчиной. Знакомые этого мужчины избили А. Конечно, их ответные действия следует квалифицировать как хулиганство, но исходный момент преступления бесспорно связан с толчковым поведением самого потерпевшего.

Поведение потерпевшего может явиться толчком к хулиганству, если оно выходит за рамки допустимого и выражает нежелание считаться с чувствами другого лица. Это относится в первую очередь к интимной сфере.

Например, Т., продавец магазина, неоднократно изменяла мужу, о чем он узнал. Явившись в магазин, муж жестоко избил Т. прямо в торговом зале, на глазах у граждан. Его действия нарушили общественный порядок, сорвали работу магазина и были квалифицированы как хулиганство. Однако ясно, что исходным моментом преступления и здесь было поведение потерпевшей.

Толчком к совершению хулиганства может стать предъявление претензий или требований к лицу, находящемуся в состоянии опьянения, не способному воспринять эти требования и к тому же настроенному агрессивно. Дело здесь не в содержании требований, претензий, а в неудачно выбранном времени и недопустимой форме. Особенно опасны такого рода ситуации, если они развиваются длительное время, обостряются несдержанностью жертвы, склонностью «сводить счеты» немедленно.

Сходным вариантом ситуации является поведение, выразившееся во вмешательстве потерпевшего в личные отношения других лиц, обычно родственников или знакомых. Такое вмешательство нередко воспринимается отрицательно обеими сторонами, но потерпевший,

проявляя очевидную бестактность, навязывает свое вмешательство, хотя включение в подобную ситуацию третьего лица в большинстве случаев только обостряет ее.

Толчком к совершению хулиганства может быть негативное поведение женщин, чаще всего жен, имеющих склонность к употреблению спиртного, агрессии, провоцирующих мужей на ответные насильственные действия. Подчас и мужья характеризуются крайне отрицательно. Их реакция на поведение жен в большинстве случаев типично хулиганская (побои, нецензурная брань). Очевидно, в том, что последствия негативного, довольно часто и противоправного поведения жен связаны с причинением им физического вреда, можно искать и один из ответов на вопрос о небольшом проценте женщин, осужденных за хулиганство.

Толчком к совершению хулиганства может быть и поведение потерпевшего, явно нарушающее законные интересы другого лица.

К. сорвал цветы с клумбы, принадлежащей О., за что тот на улице несколько раз ударил его палкой, сопровождая свои действия бранью. В данной ситуации причинитель вреда О. был трезв, он действовал по личным мотивам, однако допустил грубое нарушение общественного порядка. С другой стороны, поведение потерпевшего непосредственно создало конфликтную ситуацию, к тому же он находился в состоянии опьянения.

Еще более четко толчковый характер поведения потерпевшего проявляется в ситуациях, где обе стороны находятся в состоянии опьянения и равно агрессивно воспринимают конфликтные положения.

С. ехал на велосипеде мимо группы подростков, один из которых схватил руль его велосипеда. С. стал «выяснять отношения» с этими подростками, вел себя оскорбительно, вызывая драку. В начавшейся драке С. получил побои.

Приведенные ситуации — не единственно возможные, в которых поведение потерпевших носит толчковый характер, но наиболее типичные. Их объединяет то обстоятельство, что первоосновой развития преступления явилось поведение потерпевшего.

Поведение потерпевшего, связанное с созданием обстановки, способствующей совершению хулиганства

Потерпевшие в этих ситуациях составляют 20,8%.

Среди ситуаций, в которых поведение потерпевших создает обстановку, способствующую преступным действиям хулиганов, первое место занимают различного рода непротиводействия преступникам. По разным причинам (жалость, страх перед расправой и т. д.) в этих

ситуациях потерпевшие вообще не обращаются в милицию, суд, прокуратуру или делают это с большим опозданием. Объективно же это приводит к тому, что хулиганские проявления следуют одно за другим, преступник в условиях безнаказанности становится все более агрессивным и справиться с ним все труднее.

Б., трижды судимый за хулиганство, на протяжении полутора лет буквально терроризировал соседей. Он угрожал, оскорблял, избивал, их, но никто не обращался в милицию, другие учреждения, опасаясь мести. Б. вел себя очень просто: ловил поочередно то одного, то другого потерпевшего и грозил убить, если он посмеет пожаловаться. Спрашивается, как криминологически оценить поведение девяти (!) потерпевших, позволивших преступнику систематически совершать хулиганство, тогда как он мог быть изолирован уже после первого случая.

В отдельных случаях жертвы не только не обращаются за защитой, но и скрывают факты хулиганства.

В. систематически избивал ее сын. Однако она не только молчала об этом, но, когда это стало известно из других источников, категорически отрицала факты избиений, требовала, чтобы ее не признавали потерпевшей. В данной конкретной ситуации «сработала» неразумная любовь к сыну, но это не меняет криминологической картины: пассивное поведение потерпевшей создало обстановку для беспрепятственных действий преступника.

Замалчивание фактов хулиганства особенно опасно в обстановке, когда контакт между преступником и потерпевшим стабильный (совместная работа, проживание в одной квартире или доме, семейные связи). В этих случаях активное вмешательство органов милиции имеет место далеко не всегда, тем более что даже при наличии некоторых данных в таких условиях редко удастся доказать вину хулигана. С другой стороны, без изоляции преступника почти невозможно обеспечить безопасность потерпевшего. Итоги часто печальные — хулиганство перерастает в более тяжкое преступление против личности. В ситуациях такого порядка лишь активизация потерпевших, которая по крайней мере обеспечивала бы своевременное информирование органов милиции о фактах преступлений, может изменить положение и сделать возможными меры по пресечению преступных действий хулиганов.

То, что страх перед преступником может быть причиной необращения за защитой, — бесспорно. Однако следует учитывать и явное неведение потерпевших в эффективность своевременного вмешательства со стороны органов власти.

Потерпевшего С. неоднократно избивал сосед по дому Г. С. никуда по этому поводу не обращался на протяжении длительного времени, хотя преступник буквально охотился за ним. С. — взрослый человек, вполне способный постоять за себя или, по крайней мере, обратиться за защитой. Решающим качеством потерпевшего, которое объективно способствовало преступнику, была, несомненно, трусость.

К условиям, создающим возможность совершения хулиганства, следует отнести и употребление спиртных напитков на улицах, в общественных местах. Нередко к «веселой» компании стремятся присоединиться другие лица, которые, как правило, агрессивно реагируют на отказ. В подобных ситуациях создается обстановка, в которой выглядят естественными (по крайней мере для находящегося в состоянии опьянения) и желание присоединиться к компании, и оценка отказа как оскорбления. Отсюда и немедленное сведение счетов, выражающееся в хулиганских действиях, связанных с причинением вреда.

К. и два товарища распивали спиртные напитки прямо на улице. К ним подошел Л., уже находящийся в состоянии опьянения, и попросил, чтобы его угостили. Получив отказ, Л. ударил К. туристским топориком (поранил ему нос и располосовал плащ).

Большую криминологическую нагрузку несут действия потерпевших, организующих употребление спиртных напитков с лицами, которых они хорошо знают и об агрессивности которых в состоянии опьянения им известно. Такие ситуации нередко создаются усилиями жертвы.

К. систематически употребляла спиртное вместе с мужем, хотя это заканчивалось драками, скандалами, нецензурной бранью. Дважды муж К. привлекался к ответственности за мелкое хулиганство. Тем не менее совместное употребление спиртного продолжалось. В очередной раз К. выгнал из дома избитую жену, разгромил всю мебель в квартире и выбросил в окно телевизор.

При всем фактическом различии приведенных в данном разделе ситуаций их объединяет одно — поведение потерпевших, создающее для преступников возможность беспрепятственного совершения хулиганства, хотя толчковых моментов оно и не содержит.

Положительное поведение потерпевшего, явившееся толчком к хулиганству, в результате которого ему был причинен вред

Всего потерпевших по этим ситуациям — 44,5%.

Значительная часть ситуаций, в которых действиями хулиганов причиняется физический (реже материальный) вред, связана с поло-

жительным поведением жертв, в той или иной форме вмешавшихся в развивающиеся события.

Типичными в этом плане являются ситуации, в которых действия лица, которому в дальнейшем причиняется вред, направлены на защиту граждан, подвергшихся нападению преступников-хулиганов. Происходит своеобразное переключение насилия с защищаемого на защитника. Если возникновение криминальной ситуации происходит в этих случаях без участия потерпевшего, осуществившего защитные действия, то дальнейшее ее развитие и переход в новое качество уже есть результат его вмешательства. Положительное поведение жертвы не связано с какими-либо формальными моментами, выполнением возложенных на него обязанностей. Оно, как правило, результат высокой общественной активности, личной храбрости и мужества.

Часто ситуации защиты третьего лица связаны с действиями потерпевших, обеспечивающих безопасность лиц, подвергнувшихся нападению, причем это близкие им люди — родственники, друзья, знакомые. Не всегда такие жертвы-защитники характеризуются в личностном отношении положительно, но объективно, в конкретных ситуациях они выполняют позитивную роль.

Толчком к совершению хулиганских действий, влекущих причинение ущерба, могут быть действия лица, делающего замечание, предъявляющего требования прекратить нарушение, и в том случае, когда нет необходимости кого-либо защищать.

И. сделал в трамвае замечание находившемуся в состоянии опьянения З., который нецензурно выражался. Когда И. вышел из трамвая, З. последовал за ним и избил.

Мы не рассматриваем ситуации, в которых положительное поведение потерпевших вытекает из выполнения ими служебных или общественных обязанностей, так как квалификация действий преступников определяется в этих случаях по другим статьям УК РФ.

Таким образом, для положительного поведения потерпевших от хулиганства характерны два варианта вмешательства в преступные действия: в целях защиты третьего лица или пресечения действий, не связанных с нападением.

Мотивы положительных действий могут быть чисто личными, но могут выражать и характерную для данного лица положительную установку.

Наконец, следует различать вмешательство в уже развивающуюся криминальную ситуацию и вмешательство в действия, еще не составляющие преступления, но с момента «включения» в события будущей жертвы развившиеся в преступление — хулиганство. (Весьма характерный случай: находящемуся в состоянии опьянения субъекту, выражающемуся нецензурно, делают замечание, и этот мелкий хулиган, ответив побоями на замечание, трансформируется в хулигана уголовно наказуемого.)

Типология потерпевших от хулиганства

Отрицательные типы потерпевших от хулиганства в значительной мере сходны с типами агрессивных потерпевших от убийства и причинения тяжкого вреда здоровью. Отличает их, очевидно, большая импульсивность, а главное — постоянная «заряженность» на конфликт, не требующая сколько-нибудь длительного развития событий.

Специфика такого преступления, как хулиганство, определяет сравнительно небольшой процент отрицательного виктимного поведения и соответственно потерпевших отрицательного типа, однако все же среди личностных качеств потерпевших можно указать на агрессивность — 2,5%; грубость, невыдержанность, нетактичность, неуживчивость — 5,9%; пассивность (вследствие беспринципности — 3,0%, страха — 13,8%), алкоголизм — 14,2%. Некритичность свойственна более чем половине потерпевших. Вместе с тем такими положительными качествами, как требовательность, инициативность, смелость, благородство, обладают 44,5% потерпевших от хулиганства.

Тип потерпевшего — агрессивный насильник или агрессивный провокатор (хулиган по поведенческой классификации): мужчина молодого, зрелого возраста (18–35 лет), невысокий образовательный и культурный уровни,* интересы примитивные; часто употребляет спиртные напитки, в момент преступления, как правило, пьян; физически развит нормально, но самонадеян, свои возможности явно переоценивает, а возможности других — наоборот; некритичен: плохо ориентируется в опасных ситуациях, нередко вообще не задумывается о последствиях своего агрессивного поведения. Очень импульсивен, циничен, груб, вспыльчив, невыдержан, обидчив, хвастлив, задирист. Эти черты особенно резко проявляются в состоянии опьянения: легко идет на скандал, стремится к нему, мотивами поведения могут быть желание утвердить собственное «Я», доказать свое превосходство, ответить на обиду (причем надуманную), «показать себя» перед знакомыми и т. д. Установка личности — антиобщественная, насильственная.

Это тип человека с примитивной психикой, настроенного антиобщественно, чуждого понимания моральных ценностей, злобного и невыдержанного, подчас истеричного. Другими словами, это «неудачливый» хулиган.

Тип потерпевшей — избирательно агрессивный провокатор: женщина молодого (реже средних лет) возраста, грубая, примитивная, распущенная в сексуальном отношении, употребляющая спиртные напитки, невыдержанная, истеричная, мстительная, находящая удовлетворение в скандалах. Оказывается потерпевшей обычно после совместного употребления спиртных напитков с мужем и «сведения счетов» за прошлое или при появлении дома в состоянии опьянения.

Действия причинителя вреда квалифицируются как хулиганство, потому что личные мотивы реализуются в поведении, демонстрирующем явное неуважение к обществу.

Тип потерпевшего — агрессивный провокатор (как правило, общего плана, но для определенных ситуаций — и избирательного): мужчина среднего возраста (реже — молодого или пожилого); образовательный уровень не ниже среднего, культурный уровень удовлетворительный; спиртные напитки употребляет умеренно, в момент преступления трезв; физически развит нормально; не критичен: опасность ситуации недооценивает, не умеет выбрать наиболее целесообразную форму обращения с преступником, что и приводит к агрессии последнего. Вспыльчив, невыдержан, обидчив, нетерпим к поведению, нарушающему общественный порядок или конкретно кого-либо (в том числе и его самого) задевающему. Смел, решителен, прямолинеен, самоуверен — свои возможности переоценивает. Мотивы действий положительные: пресечь нарушение, защитить кого-либо, но практическое воплощение этих положительных намерений негативное — толчковая форма поведения приводит к перерастанию сравнительно мелкого нарушения в преступление.

Это тип, в принципе, положительного по своей установке человека, но невыдержанного, не критичного, самоуверенного и по этим причинам толкающего причинителя вреда на совершение или усугубление хулиганских действий.

Главная черта этого типа потерпевшего — агрессивность, но на основе положительных исходных, притом осложненная очевидной не критичностью.

Тип потерпевшего — пассивный (способный к сопротивлению): мужчина в возрасте от 30 до 50 лет (могут быть старше и моложе, но редко); образовательный и культурный уровень низкие, нередко совер-

шенно примитивен; склонен к употреблению спиртных напитков, в момент совершения преступления обычно находится в состоянии опьянения; физически развит слабо, вследствие этого свои возможности недооценивает, а причинителя вреда переоценивает. Некритичен: опасность ситуации и перспективу ее видит плохо или вообще не видит, труслив, нерешителен, ориентируется в событиях медленно, незлобив, добродушен, терпелив, не мстителен, всегда готов уступить сильному; очень любопытен (любит понаблюдать за дракой и часто страдает «заодно» с участниками); правосознание низкое — в органы милиции, суд обращается очень редко; свидетель плохой — в любой момент может изменить показания (под влиянием просьб или угроз, за обещанное денежное вознаграждение). Его личностная установка включает наряду с положительными и негативные черты виктимологического плана.

Тип потерпевшего — пассивный (с элементами некритичности): женщина среднего или пожилого возраста (25–50 лет); образование ниже среднего, культурный уровень невысокий; физически развита нормально или слабо; спиртных напитков не употребляет; терпелива, нерешительна, боязлива, стеснительна, некритична, в суждениях не самостоятельна, легко поддается внушению, сопротивления не оказывает. Правосознание примитивное: за защитой обращается редко и почти всегда прощает причинителя вреда. Это потерпевшая не только от хулиганства, но и истязания.

Положительный тип потерпевшего — инициативный: мужчина молодого, среднего возраста, смелый, решительный, отзывчивый, выдержанный, принципиальный, готов идти на риск ради защиты другого лица, пресечения нарушения, в достаточной мере критичен. Оказывается в роли потерпевшего чаще всего в силу объективных обстоятельств, когда избежать опасности было невозможно или крайне затруднительно, однако нередко вред мог быть и большим, если бы не умелое противодействие потерпевшего.

Может быть должностным лицом и гражданином, свободным от формальных обязательств.

Итак, выводы: даже в таком специфическом преступлении, как хулиганство, встречаются ситуации, когда толчком к преступлению служит негативное поведение потерпевших; наиболее часто негативное поведение потерпевших носит пассивный характер, что приводит к созданию благоприятствующих преступнику условий.

Виктимология преступлений против собственности

6.1. Кражи: жертвы и ситуации

Кражи не относятся к наиболее виктимологическим преступлениям, если иметь в виду детерминационное значение личности и поведение жертв. Тем не менее с учетом распространенности краж и масштаба виктимизации они представляют собой криминальное явление, показательное с точки зрения виктимологии.

Кражи по удельному весу занимают первое место в структуре не только российской, но и мировой преступности.

В развитых странах они составляют около 80% от всех преступлений, а в целом во всем мире — около 70%. В последние десятилетия отмечается интенсивный рост числа краж: в 1975 г. их уровень на 100 тысяч населения составлял около 2100, в 1980 г. — 2500, а в 1985 г. — 4100 [78, с. 234].

В России доля краж несколько ниже — в пределах 50,0% от общего количества преступлений (1995 г. — 49,6%; 1997 г. — 44,8%; 1998 г. — 38,0%). В общем количестве имущественных преступлений кражи составляют примерно 80,0%. Впервые в России количество зарегистрированных краж превысило миллион в 1991 г. и с этого времени ниже миллионного рубежа не опускалось.

Виды краж по степени распространенности разделяются на следующие:

- 1) квартирные;
- 2) уличные;
- 3) автотранспорта;

- 4) на транспорте;
- 5) карманные;
- 6) скота в сельской местности;
- 7) у совместно проживающих лиц в общежитиях, гостиницах, пансионатах, домах отдыха.

Квартирные кражи составляют 26,0%; карманные — около 2,0%; кражи в домах отдыха, санаториях, гостиницах, общежитиях и т. п. — более 3,0%.

Кражи транспортных средств составляют 10,8% [66, с. 267; 64, с. 249; 63, с. 369].

В криминологическом плане кражи сходны лишь в том, что заключаются в тайном хищении чужого имущества. В остальном: способах совершения преступления, личностных и поведенческих характеристиках преступников и жертв (потерпевших), ситуативном компоненте криминологического механизма — они заметно различаются [116, с. 80–85; 128, с. 105, 112].

Кражи причиняют материальный ущерб как физическим, так и юридическим лицам. Однако в качестве потерпевших от этих преступлений выступают преимущественно физические лица: их количество превышает соответствующий показатель по юридическим лицам в два-три раза.¹ Например, в 1995 г. из 1 365 191 зарегистрированных краж лишь 372 000 было совершено против юридических лиц, т. е. 27,2%.²

Об уровне виктимизации населения говорят результаты опросов: от краж пострадали в 1998 г. — 56,5%; в 1999 г. — 53,0%; в 2000 г. — 54,4% опрошенных петербуржцев. Потерпевшими от квартирных краж стали в 1998 г. — 25,7; в 1999 г. — 30,6; в 2000 г. — 23,7%; потерпевшими от краж личных вещей из транспортных средств: в 1998 г. — 27,5%; в 1999 г. — 26,4%; в 2000 г. — 25,5% [10, с. 37; 91, с. 52–54].

При совершении краж имущества граждан, кроме лиц, признанных потерпевшими, фактически жертвами являются и иные лица, непосредственно лишившиеся имущества. Поэтому масштаб виктимизации от

¹ См. Преступность и правонарушения. 1993. Стат. сб. М., 1994. С. 105, 112.

² См.: Криминология/Под ред. А. И. Долговой. М., 1998. С. 467. К ним приравниваются и индивидуальные предприниматели, работающие без образования юридического лица.

Это же характерно, хотя в меньшей степени, для мошенничества, грабежа, разбоя и вымогательства.

краж значительно превышает количество потерпевших по данным статистики.

Это обстоятельство необходимо учитывать при оценке виктимологической стороны краж, так как реальные жертвы остаются действующими лицами криминологической ситуации в ее виктимологической составляющей. В определенных случаях они соавторы виктимоопасной ситуации, влияют на развитие постпреступной ситуации, и от них нередко зависит сохранение или ликвидация виктимоопасной обстановки.

Возраст, социальный статус, личностные качества потерпевших от краж менее значимы, чем, например, в преступлениях против жизни или здоровья, но свою роль в возникновении ситуаций этого преступления они играют, поскольку нередко создают условия, способствующие совершению краж, и даже их провоцируют. Наиболее заметно это в механизмах квартирных и карманных краж.

Лица, признанные потерпевшими от квартирных краж, по возрасту распределяются следующим образом: наибольшее число составили лица в возрасте 24–32 лет — 24,2%; 32–40 лет — 21,2%; 18–24 года — 18,5%; 40–48 лет — 15,4%. Другие группы: 48–56 лет — 8,4%; 14–18 лет — 4,2%; старше 64 лет — 3,5%.¹

Виктимное поведение в ряде случаев зависит от излишней доверчивости очень молодых и очень пожилых лиц, что облегчает совершение краж.

Жертвами квартирных краж, совершаемых преступниками без предварительной подготовки, становятся лица вне зависимости от их материального положения. Поэтому и совершается множество краж, когда воры похищают буквально последнее, вплоть до денег, отложенных на похороны.

Вместе с тем социальный статус потерпевших и особенно уровень их состоятельности учитываются преступниками при выборе объектов посягательства. Не случайно потерпевшими от квартирных краж чаще становятся предприниматели, в основном занимающиеся торгово-посреднической деятельностью, и работники торговли, общественного питания (18,9%),² нелегальные коммерсанты — 15,7%.³ В их квар-

¹ Здесь и далее использованы данные Ю. А. Арефьева. См. *Арефьев А. Ю.* Проблемы виктимологической профилактики квартирных краж, грабежей, разбойных нападений на квартиры. Дис. ... канд юрид. наук. Н. Новгород, 1994. С. 68.

² См.: *Арефьев А. Ю.* Указ. дисс. С. 68–69.

³ См.: *Арефьев А. Ю.* Указ. дисс. С. 57, 56, 52.

тирах с наибольшей вероятностью можно найти антиквариат, валюту, видео- и телеаппаратуру, компьютеры и др. Обкрадывая дельцов теневой экономики, а вместе с ними и законных предпринимателей, профессиональные воры реализуют тем самым их повышенную виктимность.

В механизме краж заметно проявляется отношение «преступник-жертва»: около половины квартирных краж совершается лицами, знающими потерпевших (соседями, родственниками, сослуживцами, иными знакомыми, включая случайных). Очевидно, во многих ситуациях именно этими обстоятельствами обусловлено не критичное, неоправданно доверчивое поведение потерпевших. Создание обстановки, способствующей совершению кражи, детерминационно связано также с поведением, типичным для лиц, злоупотребляющих спиртными напитками (среди потерпевших примерно каждый пятый).

Специфическим в виктимологическом отношении видом краж являются карманные кражи [143, с. 91]. Потерпевшие от них в основном женщины (90,9% от общего числа). Это связано с фактором ситуативным: женщины, имея при себе деньги, проводят в магазинах, на рынке, предприятиях бытового обслуживания и т. д. значительно больше времени, чем мужчины, и там попадают в поле зрения преступников.

Возрастные характеристики потерпевших [143, с. 91] виктимологически проявляются в невнимательности и легкомыслии лиц молодого и среднего возраста, рассеянности и замедленной реакции пожилых лиц. И у тех и у других притуплено чувство опасности.

Кражам чужого имущества способствуют как факторы, не зависящие от потерпевших, так и связанные с их действием или бездействием. Действительно, практика свидетельствует, что в механизме многих краж личного имущества (включая и события, следующие после преступления) поведение потерпевших — активное, пассивное, не критичное — сыграло свою роль (иногда положительную, а нередко и негативную).

Можно ли утверждать, что поведение потерпевших от краж личного имущества столь же значимо, как от других, очевидно виктимных преступлений? Ответ следовало бы дать осторожный: может быть, значимость здесь и менее «яркая», но, во-первых, кражи — наиболее частое преступление (этим уже много сказано), во-вторых, кража краже — рознь, и если пойти по пути уточнений, то, например, кражи путем доверия; из карманов; обирание пьяных и т. д. не вызывают в этом смыс-

ле сомнений. Наблюдение это вовсе не новое. Преступники (а за ними криминалисты и криминологи) сделали его давно.

Например, профессор социологии университета в Каролине Джонсон пишет следующее: «Воры выбирают в курортных сезонах и на транспорте (поезда дальнего следования, океанские лайнеры) людей, хорошо обеспеченных, хорошо одетых и склонных к легкомысленным знакомствам».¹ Что из этого следует? Если преступники-воры учитывают в ряде ситуаций, с кем они имеют дело, выбирая себе жертву, сотрудники правоохранительных органов, в свою очередь, не должны проходить мимо этого обстоятельства. При определенном сходстве ситуации, в которых совершаются кражи, различаются по фактическому содержанию, что относится и к моментам, характеризующим завязку ситуаций преступлений в связи с действиями потерпевших.

Для ситуаций краж личного имущества, включая такие, где потерпевшие ведут себя с точки зрения здравого смысла положительно, нормально, виктимологические детерминанты проявляются в недостатке предусмотрительности, слабой ориентации в экстремальных ситуациях, доверии к близким людям, а также в беспомощном состоянии, связанном с болезнью, возрастом, определенными физическими недостатками потерпевших. Что касается практической возможности воспрепятствовать преступнику в момент совершения преступления, то ее чаще всего нет в связи с отсутствием потерпевших на месте преступления.

В плане практического предотвращения краж личного имущества не имеют виктимологического значения ситуации, в которых потерпевшие объективно бессильны вмешаться в действия преступников, а с точки зрения технического обеспечения сохранности своего имущества сделали все реально возможное. Нельзя считать беспечным отношение к сохранности своего имущества, если собственник не имеет необходимых средств для этого или расходы на обеспечение сохранности представляются ему чрезмерными. Так, далеко не все собственники имеют возможность установить сигнализацию и оплачивать ее, установить противоугонные устройства, кодовые замки, домофоны, сейфы. Вместе с тем виктимогенным фактором в механизме краж является не только неосторожность и непредусмотрительность, но и инертность, пассивность потерпевших. Установить надежные замки,

¹ Elmer Hubert Johrtson, *Grime, Gor-reefion, and Society*, 1964, Home-wood, Illinois. Th& Dorsey Press, p. 235.

попросить соседей присматривать за квартирой, дачей всегда возможно при желании и понимании такой необходимости.

Что касается возникновения ситуаций, чреватых возможностью совершения краж личного имущества из-за негативного поведения потерпевших, то существенным резервом эффективности профилактической работы является своевременное выявление таких лиц и активное воздействие на них с целью устранения условий, способствующих совершению краж.

В принципе, негативное поведение потерпевших от краж личного имущества, создающее условия, способствующие совершению преступления, может быть сведено к следующим вариантам:

- а) употребление спиртных напитков, вследствие этого пребывание в беспомощном состоянии и в результате неспособность противодействовать преступнику и даже осознавать опасность ситуации;
- б) неразборчивость в связях, которая в конечном итоге создает преступнику возможность доступа к личному имуществу потерпевшего;
- в) беспечное отношение к сохранности имущества: привычка оставлять свои вещи без присмотра или на попечение незнакомых лиц; излишняя доверчивость, некритичность — например, наем «домработниц» без рекомендаций и др.

Кражи у лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, совершаются в самых различных ситуациях, объединяемых одним обстоятельством — практической неспособностью оказать противодействие преступнику и вообще осмыслить происходящие события. Знать основные варианты этих ситуаций необходимо, поскольку «прицел» профилактических мероприятий может быть самым различным. Так, в частности, наиболее простые и часто встречающиеся случаи краж у лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, спящих на улицах, в парках и т. д., в профилактическом плане требуют оперативного вмешательства силами милиции общественной безопасности, оперативных групп уголовного розыска, участковых инспекторов.¹

¹ В рассматриваемых ситуациях особое место занимает своевременный подбор пьяных машинами медвытрезвителей. Тем, кто сомневается в целесообразности изъятия пьяных, которые «никого не трогают», следовало бы учитывать, что этих пьяных могут «тронуть» преступники.

Иные пути профилактики этих преступлений практически исключаются.

П. после употребления спиртных напитков с неизвестными у пивного ларя уснул около кинотеатра. Ранее судимый Д., воспользовавшись его состоянием, похитил у него из пальто деньги, но был задержан с поличным работниками милиции. Что касается потерпевшего, то он даже не проснулся и узнал о краже только после вытрезвления.

Другие ситуации, в которых потерпевшие находятся в состоянии опьянения, отличаются большей протяженностью во времени и, что в оперативном плане наиболее важно, в определенной мере «закрытым» характером.

Т. приехал в город защищать диссертацию. После успешной защиты, на следующий день, он в буфете гостиницы познакомился с Е., ранее судимым, стал угощать его и сам опьянел. Преступник отвел его в номер, уложил спать, а затем совершил кражу вещей и скрылся.

Т. в целом характеризуется положительно, и случившееся для него — случайный эпизод. Поэтому, учитывая к тому же, что он житель другого города, реально профилактически воздействовать на него было невозможно. Профилактика краж в таких ситуациях может осуществляться службами безопасности гостиниц.

Однако нередко создание опасных ситуаций в силу опьянения потерпевших является результатом типичного для них негативного поведения. Вот характерный пример.

А. вела разгульный образ жизни, неумеренно употребляла спиртное, развратничала, устраивала скандалы. Ее знакомый К. после совместной выпивки незаметно взял у нее ключи от квартиры, а на следующий день, в отсутствие потерпевшей, совершил кражу ее носильных вещей.

Здесь есть временная дистанция между состоянием опьянения потерпевшей и самой кражей, но детерминация — бесспорна, хотя и несколько завуалирована. Очевидно, что в профилактическом плане в такой ситуации следует выделить два момента:

- а) своевременное выявление подобного рода потенциальных потерпевших;
- б) непосредственное воспитательное воздействие на данную потерпевшую с целью изменения типичного для нее негативного поведения.

Одним из условий, способствующих совершению краж личного имущества граждан, является поведение потерпевших, не разборчивых в

связях, устанавливающих контакты с лицами, им мало или совершенно неизвестными, что в конечном итоге облегчает доступ преступнику к личному имуществу. Чаще всего мотивом такого виктимного поведения является привычка к беспорядочным сексуальным контактам. В этих ситуациях кражу совершает женщина, оставленная на ночлег (или мужчина, если потерпевший — гомосексуалист).

Известны и ситуации виктимного поведения, создающего возможность совершения кражи группой преступников. Потерпевший приглашает к себе в квартиру компанию, в которой есть женщина легкого поведения. В то время пока потерпевший занимается с ней сексом, соучастники обворовывают квартиру. Характерно, что в подобных ситуациях расчет построен на том, что потерпевший не обратится в милицию с заявлением о краже, чтобы не скомпрометировать себя.

В иных ситуациях, в отличие от активного поведения потерпевшего, встречается активность будущего преступника, который использует пристрастие намечаемой жертвы к спиртному в дополнение к отсутствию у нее элементарной подозрительности к мало или совершенно незнакомому человеку. Поддавшись соблазну дармовой выпивки, жертва ведет себя пассивно, позволяет преступнику попасть в квартиру и совершить кражу непосредственно после выпивки или позже, используя сведения о жертве и ее имуществе. Жертвами в таких ситуациях, как правило, становятся лица одинокие.

И само знакомство и дальнейшее поведение потерпевших могут быть как связаны, так и не связаны с опьянением.

Например, Л., юрист с высшим образованием, начальник отдела снабжения крупного предприятия, познакомился на железнодорожном вокзале с О., с которой договорился о совместной выпивке. В магазине у вокзала Л., предварительно купив водку, оставил О. свой чемодан с вещами и служебными документами и ушел искать стакан. Воспользовавшись этим, О. скрылась, похитив чемодан со всем его содержимым. Л. о случившемся не заявил. Преступление было раскрыто в результате задержания О. при попытке реализации похищенного.

Ясно, что в этой ситуации именно неразборчивость потерпевшего в связях, полное отсутствие критичности в совокупности создали ситуацию, благоприятную для преступницы.

В качестве примера можно привести и кражу вещей у И. Ситуация элементарна.

И. находилась в близких отношениях с неким Г., который, оставшись у нее в комнате, когда она ушла, совершил кражу вещей и скрылся.

Казалось бы, установить преступника просто. Однако выяснилось, что, поддерживая с Г. близкие отношения, причем на протяжении определенного времени, потерпевшая ничего, кроме имени, о нем не знала, да и имя, как сама призналась, помнила неточно.

В обоих случаях поведение потерпевших носило безусловно негативный характер.

Негативное поведение потерпевших, которые в личностном плане характеризуются положительно, может заключаться в излишней доверчивости и беспечном отношении к сохранности своего имущества. Правда, такое поведение в известной степени объясняется спецификой ситуаций причинения вреда. Это ситуации, в которых преступники — лица, в той или иной мере знакомые жертвам: соседи, временные квартиросъемщики, домработницы, знакомые, которым доверяется присмотр за квартирой, и др.

Типичное виктимогенное поведение жертв — оставлять ключи от квартиры в почтовом ящике, под ковриком, в других условленных местах. Во всех этих ситуациях потерпевшие вносят весомый вклад в совершаемое против них преступление, и мероприятия по исключению таких ситуаций способны значительно уменьшить количество совершаемых квартирных краж. Обратимся к примеру.

Гражданка Т. проживала в коммунальной квартире. Вернувшись домой из похода, она застала в квартире незнакомую ей Ч. Больше в квартире никого не было. Решив, что Ч. — гостя кого-либо из соседей, Т. ничего не спросила у нее и поехала по своим делам. Ч. совершила кражу у жильцов квартиры, в том числе и у Т.

Если бы потерпевшая проявила хоть малейшую осторожность, застав в квартире незнакомого человека, кражи бы не было, а преступница оказалась бы задержанной с поличным.

Потерпевшие Б. и Л., совершенно не зная Н., разрешили ей проживать в качестве поднаемателя и оказались обворованными.

Т. и Б. характеризуются положительно, однако в профилактическом отношении меры, активизирующие их осмотрительность и критичность, практически необходимы.

Довольно часты в практике ситуации, когда совершение краж личного имущества становится возможным потому, что вещи оставляют-

ся или совершенно без присмотра, или потерпевшие действуют неосмотрительно в несколько ином плане.

К. оставила во дворе дома на просушку белье, похищенное преступницей Д.

С. и В. в комнате общежития в незапертых тумбочках держали сберегательные книжки, которые и были похищены преступниками.

Практические работники, в частности, отлично знают, что такое форточные кражи: часто потерпевшие, проживающие на первых этажах, оставляют незакрытыми форточки, а то и окна, открывая «зеленую улицу» преступникам. Профилактическая работа в расчете на потенциальных потерпевших этой категории — чисто воспитательная: формирование более ответственного отношения к сохранности имущества.

Среди ситуаций, в которых потерпевшие от краж личного имущества ведут себя неосмотрительно, демонстрируют элементарную не критичность, надо указать и на кражи, совершаемые способом «подсидки» (чаще всего на вокзалах, пристанях); наема «домработниц» без рекомендаций.

Особый случай беспечности, невнимательности потерпевших — ситуации краж из карманов, сумочек. По сути дела, именно в этих ситуациях, в отличие от других краж, преступник-вор встречается со своей жертвой не заочно, а непосредственно. Оценивая свои шансы на успешное совершение кражи, преступник исходит не из того, что оставил ему владелец имущества в виде обстановки, в которой предстоит осуществить преступное намерение (запертая или открытая дверь; автомашина с «секреткой» или без нее; белье, вывешенное под присмотром или без него, и т. д.), а из возможности непосредственного противодействия со стороны потерпевшего. Если кража «прошла», значит, преступник оказался достаточно прозорливым психологом, а его жертва — неподготовленной для защиты своего имущества в данной конкретной ситуации. И это при условии, что почти исключены положения, когда бы потерпевший объективно не мог противодействовать преступнику или, во всяком случае, заметить его действия.

По крайней мере, один практический вывод из этого положения следует: если преступник находит в массе людей того, кто привлекает его внимание, есть смысл и сотрудникам правоохранительных органов в определенных случаях работать «от потенциального потерпевшего»,

таким образом выходя на преступника. Это тем более полезно, что профилактика краж из карманов сводится в основном к задержанию с поличным в момент покушения.

В конечном счете криминологически значимы два момента:

- а) действительно ли неосмотрительное поведение потерпевшего способствовало преступнику-вору;
- б) мог ли потерпевший реально представить себе последствия своего поведения.

Если эти моменты налицо, есть все основания требовать от потенциальной жертвы разумного поведения.

Итак, можно сделать вполне определенный вывод о том, что наиболее успешное предотвращение краж личного имущества граждан возможно лишь при учете негативных обстоятельств, связанных с поведением потерпевших в самых различных вариантах.

Профилактические меры виктимологического содержания должны включать (в самом общем виде):

- а) правовую пропаганду, разъяснительную работу среди населения, имеющую целью показать гражданам опасность и распространенность краж, способы действий и уловки преступников. Использовать здесь можно и средства массовой информации, и предупредительные плакаты типа «Ищите преступника», индивидуальные беседы и т. д.;
- б) меры по активизации населения, направленные на то, чтобы граждане устанавливали индивидуальные технические средства по охране квартир, в том числе и сигнализацию;
- в) меры, обеспечивающие возможность сохранности имущества лиц, проживающих в общежитиях, гостиницах, — организацию камер хранения, соответствующую подготовку и обучение работников гостиниц, общежитий;
- г) непосредственное наблюдение за лицами, ведущими себя неосмотрительно в общественных местах, торговых предприятиях, на вокзалах и т. д.;
- д) индивидуальную работу с лицами негативного и в то же время опасного для них (точнее, для их имущества) поведения; своеобразную виктимологическую индивидуальную профилактику;
- е) организацию ликвидации с улиц и общественных мест лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения.

Перечень предупредительных мероприятий виктимологического характера этим не исчерпывается. В практической деятельности органов внутренних дел, богатой разнообразиями конкретных ситуаций, он может быть дополнен и углублен.

Типология потерпевших от краж

Тип потерпевшего — инициативный: мужчина (женщина), как правило, активного возраста; физически достаточно развит; отличается житейской сметкой; осторожен; предусмотрителен; разумно подозрителен; смел настолько, чтобы принять меры к задержанию вора с полным; защиту своего имущества обеспечивает в пределах финансовых возможностей. Род занятий любой, но не криминальный.

Психология собственника основана на позитивных факторах (имущество «честного происхождения»). Меры охраны соотносит с оценкой возможного материального ущерба: не прибегает к использованию опасной для жизни вора техники, при задержании не идет на причинение серьезного физического вреда вору. Это личность положительная с обеих позиций применительно к данному виду преступления — и виктимологических, и уголовно-правовых.

Тип потерпевшего — инициативный: личностные параметры такие же. Занимается бизнесом, часто близким к криминальному или криминальным. Имеет значительную собственность (движимость и недвижимость). Психология гипертрофирована до уровня «инстинкта собственника». Принимает предупредительные меры защиты своего имущества, не соображаясь с их опасностью для посягателя. Жизнь и здоровье вора открыто считает меньшей ценностью, чем его собственность. При такой позиции может оказаться виновным в неумышленном причинении вреда здоровью и даже смерти. В определенных ситуациях способен на умышленное причинение физического вреда жизни и здоровью посягателя. Это тип личности с высокой ситуативной, но нейтрализуемой потенциальной жертвой виктимностью. При осуществлении защитных мер может оказаться в роли преступника.

Тип потерпевшего — некритичный (с элементами пассивного): мужчина или женщина, систематически употребляющие спиртные напитки, возраст самый различный; образовательный и культурный уровень низкий; чаще рабочий или пенсионер; деградирует на почве пьянства; интеллект понижен до такой степени некритичности, что чувства опасности не испытывает. Доводит себя до такой степени опьянения, что совершенно не осознает происходящего. Это типичная жертва так называемого обирания пьяных.

Тип потерпевшего — некритичный (с элементами активного неосознанного подстрекателя): мужчина или женщина самого различного возраста; коммуникабельность повышенная, выражающаяся в стремлении к контактам с незнакомыми лицами с целью употребления спиртного или вступления в интимные отношения (того и другого); отсутствуют элементарная осторожность и чувство опасности; легковверен; активен — сам создает виктимоопасную ситуацию. Типичная жертва краж, совершенных из квартир приглашенными преступниками.

Тип потерпевшего — некритичный (с элементами пассивности или неосознанного подстрекательства): мужчина или женщина самого различного возраста и социального статуса; положительно характеризуются, но излишне доверчивы, неосторожны, не предусмотрительны, не умеют распознавать виктимоопасные ситуации. Типичные ситуации виктимизации от краж — наем домработниц или сдача квартиры временным жильцам, о которых ничего не известно, и т. п.

6.2. Мошенничество: жертвы и ситуации

Мошенничество (ст. 159 УК РФ) — преступление, обнаруживающее в последние годы очевидную тенденцию к росту. Если в 1991 г. в России было совершено 16 623, в 1992 г. — 19 701, в 1993 г. — 47 981 преступлений данного вида, то в 1997 г. — уже 77 757, в 1998 г. — 76 695, в 1999 г. — 83 624. Опрос населения в Санкт-Петербурге показал, что в 1998 г. стали жертвами мошенничества 19,9%, в 1999 — 20,6%, в 2000 г. — 19,8% опрошенных [78, с. 255; 45, с. 24; 31, с. 52]. Мошенничество можно разделить на общеуголовное, которое имеет место в бытовой сфере, в области личных имущественных отношений между гражданами, и экономическое. Под последним понимается мошенничество, посягающее на экономическую безопасность хозяйствующего субъекта независимо от форм собственности или на большую группу людей.

Экономическое и общеуголовное мошенничество имеют существенную криминологическую разницу. Различие состоит в характеристиках личности преступников и жертв, способах совершения мошенничества, детерминантах преступлений, суммах ущерба. Мы начнем с виктимологических характеристик общеуголовного мошенничества, имеющего во всем мире (Россия — не исключение) многовековую историю.

Жертвы общеуголовного мошенничества — лица, страдающие от мошенничества, совершаемого на мелком бытовом уровне: при покупке валюты с рук, при игре в наперсток и т. п.

Среди потерпевших от мошенничества 28,0% составляют мужчины и 72,0% женщины. Объясняется это тем, что значительная часть мошенничества связана с различного рода «продажами» и воровской, а клиентура преступников в таких случаях, как правило, женщины. Приведенная ниже таблица дает представление о возрастном составе потерпевших и характерном для каждой возрастной группы поведении (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Возраст, лет	%	Положительное поведение	Негативное поведение	Негативное поведение, % от данной категории
До 18	3,0	1,0	2,0	66,7
19–25	14,0	4,0	10,0	71,5
26–30	29,0	12,0	17,0	58,6
31–40	25,0	6,0	19,0	76,0
41–50	11,0	1,0	10,0	90,9
51–60	12,0	2,0	10,0	83,4
Старше 60	6,0	—	6,0	100,0

Из 74% фактов негативного поведения 16% приходится на долю мужчин, остальные 58% — женщин. Заметна и определенная тенденция к возрастанию доли негативного поведения по мере «старения» потерпевших.

Негативное поведение по возрастным группам применительно к полу потерпевших характеризуется следующими данными (табл. 6.2).

Таблица 6.2

Возраст, лет	Негативное поведение мужчин	Негативное поведение женщин	Общее негативное поведение
14–17	—	66,7	66,7
18–25	7,6	63,9	71,5
26–30	3,5	55,1	58,6
31–40	28,0	48,0	76,0
41–50	36,3	54,6	90,9
51–60	9,5	74,9	83,4
Старше 60	33,3	66,7	100,0

Среди потерпевших лица с высшим образованием составляют 14,0%, с неполным высшим — 5,0%, средним — 18,0%, неполным средним — 43,0%, начальным — 18,0%, без образования — 2,0%.

Процент негативного поведения потерпевших от общеуголовного мошенничества высок по всем возрастным и образовательным категориям, причем удельный вес корыстного и провоцирующего поведения прямо пропорционален уровню образования (выше уровень — выше процент), а удельный вес некритичного, излишне доверчивого поведения — наоборот пропорционален образовательному уровню жертвы. Вероятно, эти зависимости отражают степень и характер активности жертв, в одних случаях действующих с определенной инициативой (ищущих возможности удовлетворить свои интересы и нередко понимающих неприглядность избираемого пути, хотя и не осознающих, что становятся жертвой мошенника), в других — лишь пассивно поддающихся, попадающих в ловушку, расставленную преступником, хотя в ряде случаев им и не чужд корыстный интерес. Первое более характерно для лиц достаточно развитых, второе — для лиц, в определенной мере ограниченных [11, с. 313–323].

Поведение потерпевших в соотношении с их образованием проявляется как виктимологически значимое следующим образом

Потерпевшие с высшим образованием

Поведение положительное: потерпевшие повода к совершению преступления не давали, обстановка была такой, что догадаться об обмане было невозможно, каких-либо корыстных целей у потерпевших не было (21,4%).

Поведение отрицательное:

- ♦ потерпевшие имели корыстные намерения, преследовали цель наживы (64,4%);
- ♦ проявили элементарную безграмотность, суеверие, излишнюю доверчивость, некритичность (7,1%);
- ♦ фактически провоцировали мошенничество, наталкивали преступника на мысль о преступлении (7,1%).

В общей сложности потерпевших с отрицательным поведением 78,6%.

Потерпевшие с неполным высшим образованием

Поведение положительное (аналогично указанному выше) — 40,0%.

Поведение отрицательное:

- ♦ потерпевшие имели корыстные мотивы, преследовали цель наживы (40,0%);

- ♦ проявили элементарную безграмотность, суеверие, излишнюю доверчивость, некритичность (20,0%).

В общей сложности потерпевших с отрицательным поведением 60,0%.

Потерпевшие со средним образованием

Поведение положительное (аналогично приведенному выше) — 27,7%;

Поведение отрицательное:

- ♦ потерпевшие имели корыстные мотивы, преследовали цель наживы (38,9%);
- ♦ проявили элементарную безграмотность, суеверие, излишнюю доверчивость, некритичность (33,4%).

В общей сложности потерпевших с отрицательным поведением 72,3%.

Потерпевшие с неполным средним образованием

Поведение положительное (аналогично приведенному выше) — 27,7%;

Поведение отрицательное:

- ♦ потерпевшие имели корыстные мотивы, преследовали цель наживы (36,0%);
- ♦ проявили элементарную безграмотность, суеверие, излишнюю доверчивость, некритичность (29,4%);
- ♦ фактически провоцировали мошенничество, наталкивали преступника на мысль о преступлении (6,9%).

В общей сложности потерпевших с отрицательным поведением 72,3%.

Потерпевшие с начальным образованием

Поведение положительное (аналогично приведенному выше) — 16,7%.

Поведение отрицательное:

- ♦ потерпевшие имели корыстные намерения, преследовали цель наживы (16,7%);
- ♦ проявили элементарную безграмотность, суеверие, излишнюю доверчивость, некритичность (55,5%);
- ♦ фактически провоцировали мошенничество, наталкивали преступника на мысль о преступлении (11,1%).

В общей сложности потерпевших с отрицательным поведением 83,3%.

Потерпевшие, не имеющие образования

Поведение положительное — отсутствует.

Поведение отрицательное: проявили элементарную безграмотность, суеверие, излишнюю доверчивость, некритичность (100,0%).

Мошенничество обязательно связано с обманом, злоупотреблением доверием, и здесь особое криминологическое качество приобретает степень критичности и доверчивости жертвы, своим поведением объективно способствовавшей мошеннику. Очевидно, что поведение жертвы, совершенно незнакомой с мошенником и слепо ему поверившей, и поведение жертвы, хорошо знающей преступника и поддавшейся на обман, не могут быть одинаково расценены с криминологических позиций, если рассматривать это поведение как реализацию определенных качеств личности потерпевшего.

По нашим данным, были знакомы с преступником 56% потерпевших, а 44,0% знали преступника до преступления, что, естественно, отразилось на их критичности: 23,0% потерпевших были постоянными знакомыми преступников; для 21% это знакомство носило случайный, эпизодический характер. Среди мужчин-потерпевших только 35,7% не были знакомы с преступником, а среди женщин-потерпевших этот процент поднимается до 60,4%. По-видимому, причина такого положения кроется в характере мошенничества. Именно женщины — основная масса потерпевших от мошенничества, заключающегося в продаже поддельных золотых вещей и драгоценных камней, денежных и вещевых кукол, ворожбе, т. е. преступлений, совершаемых мошенниками, «работающими» исключительно в расчете на незнакомую жертву.¹ Имеет определенное значение и семейное положение женщин, поскольку в ряде мошенничеств преступниками использовались такие интересы женщин, как удержание мужа или его возврат, привораживание жениха и т. д. Замужние женщины составляют около 90% от числа женщин-потерпевших.

С учетом специфичности мошенничества рассмотрим поведение потерпевшего по следующим позициям:

- а) корыстное или провоцирующее;
- б) излишне доверчивое, некритичное, основанное на суеверии;

¹ Надо сказать, что способы мошенничества и отношения, связывающие преступника и потерпевшего (знакомы или нет), очевидно дифференцируются: для одних способов мошенничества характерно отсутствие знакомства, для других, наоборот, наличие его.

- в) положительное, т. е. не связанное с негативными мотивами или не критичностью потерпевшего;
- г) создавшее условия, позволившие преступнику продолжать преступную деятельность.

Поведение потерпевшего, в основе которого лежали корыстные мотивы или провоцировавшие преступника на совершение мошенничества

Потерпевшие этой категории составляют 42,5% от общего количества потерпевших. При рассмотрении ситуаций следует иметь в виду, что здесь, как в любом мошенничестве, есть обман или злоупотребление доверием, а значит, чрезмерная доверчивость потерпевшего, однако превалирует по криминологическому значению все же корыстная заинтересованность, использованная преступником.

Так, если потерпевший сам обращается с просьбой, в его действиях уже есть момент толчка, в других случаях — налицо не столь активное, но также корыстное поведение. Для всех потерпевших (среди них немало людей с высоким образовательным уровнем) характерно сознательное нарушение моральных норм, в основе их поведения лежит откровенный эгоизм.

Иногда действия потерпевших перерастают в преступные: например, при попытках дать взятку через мошенника, который, конечно, просто присваивает полученные деньги.

Негативный, корыстный характер поведения потерпевшего очевиден и в случаях мошенничества, совершаемого «фармазонами» и «кукольниками». В данной ситуации потерпевшему вручается денежная или вещевая кукла, или он «по дешевке» приобретает поддельное золото, драгоценные камни.

Поведение потерпевшего, в основе которого лежали излишняя доверчивость, не критичность, суеверие
Всего потерпевших по таким ситуациям — 31,5%.

Чрезмерная доверчивость потерпевшего иногда реализуется в ситуациях, где подозрительность должна была бы быть естественным следствием конкретной обстановки.

Т. в бане спросил у встретившегося ему Л., где можно сдать в мелкий ремонт куртку, и тот, сориентировавшись, тут же представился ему мастером по бытовому ремонту. Т. вручил мошеннику куртку, даже не спросив, где находится мастерская, не удивившись тому, что заказы принимаются без оформления, прямо на лестнице.

Поразительную доверчивость проявляют потерпевшие от мошенничеств, связанных с гаданием, ворожбой. Обычно потерпевшие поддаются на обещания излечить от болезни, возратить или приворожить любовника, мужа, несколько реже — «навести порчу» на врага, соперника и т. д. В последние годы мошенничество этого рода поставлено на поток. Достаточно почитать объявления колдунов, магов и иных «специалистов», обещающих всякие чудеса.

Практика часто сталкивается с ситуациями, в которых мошенник выступает в роли официального лица, уполномоченного для сбора денег под различными предлогами. Причем легенды преступников нередко настолько неправдоподобны, что должны были бы по самым элементарным соображениям вызвать сомнения у потерпевшего.

Б. собирала по квартирам деньги на поставку продуктов по очень низким ценам, и поверивших ей оказалось немало.

Среди жертв мошенников в таких ситуациях отнюдь не только легковверные, недостаточно образованные люди. Большинство жертв имеют среднее и более высокое образование. Надо сказать, что в ситуации с Б. некоторые лица, поддавшиеся на обман, догадались об этом и забрали деньги назад. Так что в подобных ситуациях можно говорить не только о не критичности, но и замедленной аналитической реакции, при которой ситуация оценивается потерпевшим с некоторым, в принципе нормальным, опозданием.

Всего потерпевших, которые по обстановке не могли заподозрить обмана и не преследовали корыстных целей, — 26,0%.

Объективно поведение любого потерпевшего от мошенничества, коль скоро оно дало возможность преступнику совершить преступление, носит в криминологическом плане негативный характер. Однако мы рассматриваем его как положительное, поскольку никаких практических возможностей разобраться в ситуации потерпевший не имел и никакие отрицательные качества его личности (прежде всего корыстность) преступником использованы не были. Среди ситуаций подобного плана следует назвать приобретение вещей по нормальной цене и в обычной обстановке, не дающей оснований опасаться обмана (в итоге выясняется, что вещь некачественная, или вообще обещанной покупки покупатель не получает).

Довольно широко распространены «сдачи квартиры внаем». Потерпевших нельзя упрекнуть в излишней доверчивости, так как они осматривают квартиру и только после этого вручают деньги. Истин-

ный смысл поведения мошенника выясняется лишь после отказа во вселении на жительство.

Имеют место ситуации, когда потерпевший становится жертвой хорошо известного ему лица, обращающегося с просьбой о займе, предложением оказать вполне приемлемую услугу и т. д.

Потерпевшие, поведение которых создало условия, позволившие мошеннику не только совершить преступление, но и продолжать преступную деятельность, составляют 63%.

Практика насчитывает множество случаев, когда помимо или наряду с поведением потерпевшего, которое облегчило, сделало возможным совершение мошенничества в отношении его самого, поведение обманутого, последовавшее за совершенным преступлением, позволило преступнику продолжать преступную деятельность. С криминологических позиций такое поведение — одно из условий, способствующих совершению преступления. Это, однако, только одна сторона дела, ибо поведение потерпевшего в связи с совершением преступления, но уже после того, как это произошло, в определенном аспекте раскрывает криминологическую характеристику данного лица.

Рассмотрим эти ситуации. Нередко потерпевший, передав деньги мошеннику (часто сумму значительную) и убедившись, что его обманули, требует деньги назад, но, не желая придавать делу уголовно-правовую окраску, в милицию не обращается. В конце концов следует обращение в суд (не милицию) с иском о возврате денег, данных взаймы. Смысл такого поведения очевиден: получить назад деньги любой ценой, даже ухода от ответственности заведомого преступника. Потерпевший заведомо лжет относительно истинного содержания «сделки», но иначе он часто и поступить не может; например, передав деньги для взятки за получение квартиры, рассчитывать на такой исход не приходится — можно оказаться на скамье подсудимых рядом с мошенником. Активность потерпевшего, добывающегося возврата денег, может быть различной, но в любом случае время, которое преступник имеет на совершение других преступлений, следует отнести на счет потерпевшего.

Возврата денег потерпевшие добиваются и без обращения в суд. Они проявляют максимальную инициативу в розыске мошенника и получения денег, употребляя самые различные формы воздействия на него (от угроз до просьб). Иногда действия потерпевшего перерастают в самоуправные: он отнимает у мошенника вещи, продает их в счет долга. Инициативность потерпевшего отнюдь не выражение высокой сознательности; ему безразлично все, что лежит за пределами пробле-

мы «деньги назад». Известны случаи, когда потерпевший терпеливо ждет очередного мошенничества и добивается возвращения денег из тех, которые преступник получил у очередной жертвы.

Нередки ситуации, в которых потерпевший, убедившись в обмане, никуда не обращается и не принимает мер к возврату денег. Мотивы такого поведения следующие: чувство собственной вины, понимание, что не следовало верить, убеждение, что «все равно ничего не вернешь», и т. д. Такое «бескорыстие», возможно, и выглядит более привлекательно и соответствующим образом положительно характеризует потерпевшего, однако криминологически оно означает создание обстановки, способствующей совершению новых преступлений, обстановки безнаказанности. Такое поведение несколько сродни непротиводействию в преступлениях против личности.

Весьма часто потерпевшие, получив назад свои деньги или вещи, никуда не сообщают о мошенничестве, хотя лично их материальным интересам привлечение мошенника к уголовной ответственности ничем не грозит. Откровенное равнодушие, безразличие к интересам других лиц и общества в целом часто определяют негативные криминологические характеристики этих потерпевших.

Очень часто потерпевший не сообщает в органы милиции о мошенничестве в случаях, когда причиненный материальный ущерб незначителен. Потерпевший сводит понимание общественной опасности мошенничества к денежной оценке ущерба, да к тому же присваивает себе право решать за государство, насколько в действительности опасны действия преступника. Такое поведение — это выражение общественной пассивности, правовой неграмотности, равнодушия к общественным интересам.

Встречаются ситуации, когда потерпевший избирает совершенно правильное направление защиты своих интересов, обращается в органы милиции, но делает это с таким опозданием, что преступник успевает совершить еще несколько преступлений. При этом надо иметь в виду, что промедление не связано с непониманием ситуации. Это следствие безынициативности, несообразительности, отсутствия чувства ответственности.

Типология потерпевших от мошенничества (жертв)

Легковерность, некритичность являются типичными личностными качествами большинства потерпевших от мошенничества; корысть, жадность, эгоистичность — для значительной части (42,5%).

Тип потерпевшего — некритичный (с корыстной мотивацией): корыстный потерпевший может быть и мужчиной, и женщиной; возраст средний, пожилой (реже — молодой); образовательный и культурный уровень сравнительно высокие — вплоть до высшего образования; правосознание развито односторонне: искренне считает преступлением насилие над личностью, воровство и др., но вместе с тем готов оправдать любое свое деяние, если оно ему выгодно и вся сомнительная часть дела исполняется чужими руками. Жаден, эгоистичен, пренебрежительно относится к общественным интересам, стремится удовлетворить свои потребности, интересы за счет других. Убежден в оправданности обходных путей (именно для себя, а не для других). Некритичен, легковверен, доверчив — не видит очевидной опасности ситуации. Иногда некритичность сочетается с подозрительностью, опасением обмана, но желание «получить» побеждает. Потерпевшие этого типа могут быть и менее «облагороженными»: это лица, преследующие цель обмануть, но сами попадающиеся в сети мошенника.

По классификации это тип некритичного потерпевшего, корыстно-го и легковверенного, эгоиста, предпочитающего идти с «черного хода».

Тип потерпевшего — некритичный: мужчина или женщина любого возраста, образовательный и культурный уровни невысокие. Некритичен, легковверен, необычности ситуации и ее последствий не видит. Пассивен, легко внушаем, не корыстен. Суевверен — мотивы действий: желание вылечить, получить лекарство, облегчить участь близких «колдовством», приворожить и т. д. (типичные жертвы цыганок-ворожей).

Разновидность этого типа — легковверенные, с замедленными реакциями, стесняющиеся высказать свои подозрения потерпевшие (типичные жертвы мошенников, выдающих себя за должностных лиц).

Наконец, следует иметь в виду и потерпевших, поведение которых положительное, а обстановка, в которой они становятся жертвами мошенников, как правило, не давала оснований для подозрения.

Тип потерпевшего — некритичный (жертва экономического мошенничества): лицо любого пола, не приспособившееся к условиям «дикой» рыночной экономики, доверившееся рекламе, не обладающее необходимой критичностью, здравым смыслом, абсолютно неграмотное в экономике и поэтому верящее в возможность сравнительно быстрого обогащения.

6.3. Разбой, грабеж, вымогательство: жертвы и ситуации

Грабежи в структуре преступлений против собственности составляют примерно 8,0% (в 1997 г. зарегистрированы 112 049, в 1998 г. — 112 361, в 1999 г. — 138 970 грабежей), разбой — 2,4% (в 1997 г. зарегистрировано 34 317, в 1998 г. — 38 509, в 1999 г. — 41 305 разбойных нападений). В 1997 г. в стране было зарегистрировано 14 503, в 1998 г. — 15 991, в 1999 г. — 14 613 вымогательств, но в действительности их значительно больше (латентность вымогательства оценивается от 50 до 70%) [45, с. 323, 324].

Если в 1989 г. вымогательств в России было совершено всего 4620, т. е. 0,3% от общего количества преступлений, то в 1995 г. — 15 959, или 0,6% [58, с. 63–64]. В общей массе преступлений грабежи и разбой составляют 5–6% (в 1991 г. грабежи составили 4,7; в 1995 г. — 5,1%; в 1998 г. — 5,1%; разбой составили в 1991 г. 0,8; в 1995 г. — 1,4; в 1998 г. — 1,5%).¹

По данным опроса населения Санкт-Петербурга, жертвами грабежа и разбоя стали в 1998 г. — 9,2%; в 1999 г. — 7,0%; в 2000 г. — 8,0% опрошенных петербуржцев. Жертвами вымогательства стали в 1998 г. — 5,4%; в 1999 г. — 6,7%; в 2000 г. — 4,7% опрошенных [91, с. 52].

Каждый третий грабеж и каждое пятое разбойное нападение (36% разбоев — групповые) совершаются на улицах, во дворах и т. п. Как правило, это безлюдные улицы, глухие дворы и неосвещенные территории, а также подъезды домов, лифты. Нападениям подвергаются также шоферы такси и водители личного транспорта [64, с. 324]. Грабежи и разбой совершаются преимущественно в вечернее и ночное время, грабежи и разбойные нападения с проникновением в квартиры — днем.

По данным опроса населения, в Санкт-Петербурге подверглись нападению в жилом помещении в 1998 г. — 22,7%; в 1999 — 32,8%; в 2000 г. — 23,7%; на улице, в ином общественном месте — соответственно 77,3; 67,2; 74,3% опрошенных [91, с. 53].

¹ См.: Криминология/ Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 1997. С. 370; Преступность и правонарушения (1991–1995). М. 1996. С. 89, 96. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М., 1998. С. 246. По данным В. В. Лунеева, грабежи и разбой в 1994 г. составили 7,12% по другим — чуть более 8% (См.: Криминология/ Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Г. М. Миньковского. М., 1994.)

Характер вреда, причиняемого потерпевшим, зависит от способа совершения преступления. Уличные грабежи совершаются, как правило, без насилия. При разбойных нападениях преступники неожиданно для потерпевших сбивают их с ног и избивают руками — 22,4%, ногами — 25,3%, наносят удары ножом — 28,2%, топором — 3,3%, палками, камнями, цепями и другими предметами — 17,9%, стреляют — 2,9%. В 19,3% случаев предварительно угрожают насилием, не используя оружие, и в 13,4% демонстрируют оружие.¹

Анализ выборочных данных о потерпевших по Нижегородской области за 1997–1998 гг. показал, что их несколько больше, чем преступлений (грабежей — 2368, потерпевших — 2452, т. е. 1,03 на преступление; разбоев — 593, потерпевших — 682, т. е. 1,15 на преступление; вымогательств — 372, потерпевших — 407, т. е. 1,1 на преступление).

Среди потерпевших от грабежа мужчин — 53,5%, женщин — 46,5%, совершеннолетних — 83,1%, несовершеннолетних — 6,9%. Лица трудоспособного возраста составляют 83,4%, пенсионеры — 6,6%. В качестве потерпевших выступают представители всех социальных групп: руководители предприятий — 0,8%, иностранцы — 0,6%, водители транспорта — 0,5%, предприниматели — 3,1%, сотрудники милиции — 0,5%, военнослужащие — 0,1%, работники частных охранных служб — 0,4%, неработающие лица — 3,5% и др.

Среди потерпевших от разбоя мужчин — 62,5%, женщин — 37,5%, несовершеннолетних — 2,2%. Лиц трудоспособного возраста — 84,4%, пенсионеров — 5,6%. Среди представителей социальных групп выделим работников частных коммерческих структур — 2,9%, приезжих — 2,2%; иностранцев — 1,3%; водителей транспорта — 0,9%; руководителей предприятий — 0,7%; сотрудников милиции — 0,6%; сотрудников частных охранных служб — 0,1%, безработных — 5,6%.

В состоянии опьянения находились 7,0% подвергнувшихся нападению лиц.

По уголовным делам о грабежах и разбоях, связанных с проникновением в жилище, потерпевшие представлены следующим образом: женщины — 79,1%, несовершеннолетние от 14 до 18 лет — 16,7%, лица в возрасте от 18 до 24 лет — 22,2%, в возрасте от 24 до 32 лет — 20,4%, в возрасте 32–40 лет — 16,7%; в возрасте 40–48 лет — 14,8% и в возрасте 48–56 лет — 9,2%.

По социальному положению потерпевшие от квартирных грабежей и разбоев представлены так: учащиеся — 7,4%; студенты — 9,3%; слу-

¹ См.: Криминология/ Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 1997. С. 370.

жащие — 16,7%, рабочие — 14,8%, домохозяйки — 20,4%, пенсионеры — 5,5%, представители иных социальных групп — 25,9%.¹ Среди потерпевших от этих преступлений есть некоторое количество лиц, ведущих противоправную и даже преступную деятельность.

Например, четверо вооруженных преступников под предлогом покупки спиртного в 4 часа утра ворвались в дом неработающего Г. и похитили ювелирные изделия и значительную денежную сумму. Преступники в процессе расследования показали, что в числе других они длительное время приобретали у Г. маковую соломку и иные наркотики для себя и своих знакомых.²

Если преступники заранее готовятся к преступлению, при выборе жертв грабежа и разбойного нападения они намечают в качестве таковых лиц, состоятельность которых не вызывает у них сомнений. Ориентиром при этом служит социальный статус, сфера деятельности жертвы, предполагающие наличие ценного имущества, денег, валюты и др. Такая селекция непосредственно определяет жертв с высокой личностно-ситуативной виктимностью. Значительная часть потерпевших — это лица, так или иначе занятые торговой и коммерческо-посреднической деятельностью. По данным А. Ю. Арёфьева (Нижний Новгород), 20,4% жертв занимались коммерческой деятельностью, 14,8% являлись работникам торговли и общественного питания.

По делам о грабежах и разбоях, совершенных в жилищах, излишняя доверчивость потерпевших зафиксирована в качестве основного виктимологического фактора (в 85,2% изученных случаев), а беспечное отношение к сохранности имущества составило — 14,8%.³ К сожалению, в современной России и совершенно нормальное с точки зрения человеческого общежития поведение приобретает виктимный характер. Можно сделать вывод, что повышенная индивидуальная виктимность жертв грабежей и разбойных нападений складывается из определенных личностных качеств, определяющих недостаточную критичность в оценке опасности, виктимную пассивность или активность, и ситуативных качеств, связанных с особой их привлекательностью для преступников в

¹ См. Арёфьев А. Ю. Проблемы виктимологической профилактики квартирных краж, грабежей, разбойных нападений на квартиры. Канд. дис. ... Н. Новгород, 1994. С. 71–72. Дается по: Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. 2000. С. 324–327.

² Дело № 932. Архив Белгородского районного суда. За 1993. Белгород.

³ См.: Арёфьев А. Ю. Указ. соч. С. 71–72, 103.

связи с наличием ценного имущества или очевидной неспособностью к эффективному сопротивлению.

Жертвы разбойных нападений и грабежей демонстрируют все виды виктимного поведения — нейтральное, положительное и негативное. В личностно-поведенческом плане они принадлежат к различным типам жертв.

Нейтральное поведение жертвы (потерпевшего) — это, прежде всего, «невиновное» поведение в том смысле, что оно по неосмотрительности и тем более умышленно не способствует возникновению виктимоопасной ситуации, а также не связано с неоказанием сопротивления, если оно объективно возможно по условиям ситуации.

Поясним это примерами.

Р., женщина 29 лет, в парке Сосновка днем была ограблена группой из четырех преступников, похитивших у нее сумочку с деньгами и документами. Никого поблизости не было, преступники действовали молча, но потерпевшая ни единым словом или движением не попыталась остановить грабителей и тем самым, возможно, избежала худшего.

На Д., женщину 50 лет, поздним вечером в подъезде ее дома напал вооруженный ножом преступник и, угрожая убить, отобрал сумку с деньгами и продуктами. Эффективное сопротивление в этой ситуации было бы невозможно.

И в первом и во втором случае потерпевшие никоим образом не могли предвидеть опасности и никак не способствовали возникновению ситуации, способствовавшей преступлению.

Положительное поведение жертвы (потерпевшего) — это поведение, которое не только не провоцировало преступление и не способствовало ему, но было осмотрительным, осторожным в той мере, в какой это позволяла ситуация, а также заключающееся в оказании сопротивления преступнику(ам).

Б. подвергся разбойному нападению поздним вечером на автобусной остановке. Несмотря на то что преступников было трое, потерпевший не только оказал им сопротивление, причинив серьезные травмы, но и задержал.

Е., девушка 18 лет, на которую около ее дома напал грабитель, вцепилась ему в лицо ногтями и укусила за руку. Не ожидавший сопротивления преступник поспешил скрыться, оставив жертву в покое.

Негативное поведение жертвы (потерпевшего) заключается в действии или бездействии жертвы, создающем ситуацию, объективно спо-

собствующие совершению грабежа или разбойного нападения. К ним относятся:

- ♦ ситуации, когда потерпевший, находясь в состоянии алкогольного опьянения, плохо ориентируется в обстановке, засыпает в безлюдном месте и становится жертвой грабежа; оказать сопротивление в таком состоянии, естественно, не может;
- ♦ ситуации, когда жертва, также находясь в состоянии опьянения, принимает приглашение преступника или преступницы уединиться и подвергается нападению поджидавших других участников преступной группы; численное превосходство преступников исключает сопротивление;

(С. на вокзале познакомился с О., которая предложила ему уединиться для совершения полового акта. Она привела его на чердачную площадку дома, где его поджидали два соучастника О. Угрожая ножом, они отобрали у С. деньги и сняли с него куртку.)

- ♦ ситуации, когда жертва активно ищет новых знакомых, приглашает их к себе в квартиру, на дачу, организует употребление спиртного и в конечном счете становится потерпевшим от грабежа или разбоя. Сопротивления, как правило, потерпевший оказать не может в силу опьянения и физического превосходства преступников;

(Т. познакомился с Ш. и Р. и пригласил их в гости. На следующий день они пришли к нему, а после употребления спиртного ограбили, применив физическое насилие. Потерпевший, как выяснилось, ничего, кроме имен, о преступниках не знал.)

- ♦ ситуации, когда жертва неосмотрительно открывает дверь в жилище преступнику (преступникам), не выяснив, в чем дело, или поверив легенде преступника, и подвергается немедленному нападению;
- ♦ ситуации, когда жертва доверяется преступнику, так как знакома с ним, не скрывает от него, что располагает деньгами, ценностями и др. Преступник и сам, находясь в квартире, может убедиться в состоятельности будущей жертвы;
- ♦ ситуации, когда жертва по разным мотивам создает о себе впечатление как о человеке богатом и этим привлекает к себе внимание преступников;
- ♦ ситуации, когда жертва, имея возможность оказать сопротивление грабителю или разбойнику, ведет себя трусливо, не сопротивляется и тем самым объективно способствует преступнику.

Б. и П., мужчины средних лет, сильные физически, после работы в состоянии легкого опьянения шли через парк, где их остановили два подростка, вооруженные ножом. Последние потребовали деньги и немедленно получили их. Потерпевшие даже не пытались сопротивляться, хотя имели такую возможность, так как у одного из них была с собой большая отвертка, вполне пригодная как орудие защиты.

✓ Обратимся к потерпевшим от вымогательства.

Среди жертв вымогательства мужчин — 76,6%, женщин — 33,4%.¹

По данным различных исследований, при некоторых расхождениях в цифрах первое место среди жертв вымогателей занимают бизнесмены, владельцы коммерческих структур, лица, непосредственно работающие в предприятиях торговли. Заметны в числе жертв лица, занятые в теневой экономике, представители групп риска (в частности, проститутки).

Высокая индивидуальная виктимность жертв вымогательства меньше, чем это может показаться на первый взгляд, зависит от личностных их качеств, хотя некритичность, слабоволие, низкий уровень правовой культуры и законопослушности (у некоторой части), неумение оценить опасность конкретных ситуаций вымогательства и др. негативно проявляются в процессе виктимизации. В большей мере здесь «работают» ситуативные факторы, актуализирующие виктимные предрасположения потенциальных жертв. Именно они превращают в качества реальной уязвимости, например, материальную обеспеченность, принадлежность к финансовой элите и т. д. Этим обстоятельством определяется выбор вымогателей и высокое представительство среди потерпевших от организованных и групповых вымогательств наиболее обеспеченных и в то же время легко выявляемых преступниками лиц.

По данным В. Н. Сафонова, 40% потерпевших от организованного вымогательства — это владельцы и наемные работники частных предприятий, в основном торговых; 8% — индивидуальные предпринимате-

¹ По данным О. В. Корягиной, изучившей 250 уголовных дел о вымогательстве за 1989–1997 гг., рассмотренных судами Ивановской, Владимирской, Костромской и Ярославской обл., потерпевших женщин оказалось почти в 2 раза меньше — лишь 17%. (См.: Корягина О. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика вымогательств. Автореф. канд. дисс. М. 1998. С. 15.) Эти различия объясняются тем, что в отличие от Корягиной мы оперируем данными статистического учета зарегистрированных преступлений, а не уголовных дел, прошедших в суде.

ли, 8,1% — владельцы и работники других видов предприятий; 10,3% — обеспеченные граждане и 10% — представители группы повышенного риска [138, с. 23].

Среди жертв вымогательства по источникам и уровню доходов различаются лица, являющиеся владельцами привлекательных для преступников объектов собственности; получившие крупную разовую сумму денег; имеющие значительный или высокий постоянный доход (64% потерпевших по уголовным делам о групповом вымогательстве — это предприниматели, получающие постоянные значительные доходы).¹

Значительная часть потерпевших из числа участников бизнеса воспринимает вымогательство как неизбежную издержку своей деятельности и постоянно выплачивает «дань» вымогателям.

Такие жертвы, как проститутки, практически все — «виктимологические рецидивистки». Они выплачивают часть своих доходов своим «хозяевам».

При вымогательстве, связанном с физическим насилием (психическое есть всегда), потерпевший становится двойной жертвой, так как ему наносится материальный ущерб и физический вред.

Поведение жертв вымогательства по виктимологической значимости может быть нейтральным, позитивным и негативным.

Нейтральное поведение — это «невиновное» поведение жертвы, не способствующее возникновению ситуации, в которой причиняется вред. Она возникает не по воле жертвы и в обстоятельствах, объективно исключающих возможность своевременного распознавания ею опасности, а затем и оказания сопротивления вымогателю.

Типичные ситуации с нейтральным поведением жертв — вымогательство на дороге у водителей-«дальнобойщиков», у «челноков», у лиц, купивших автомобили (непосредственно после покупки), у торгующих на рынках и др. Это в большинстве своем законопослушные лица с невысокими доходами. Вымогатели не заблуждаются относительно состоятельности этих жертв и рассчитывают на суммарный доход.

Нейтральные потерпевшие составляют 26,0%.

Позитивное поведение — это поведение жертвы, связанное с:

- а) оказанием сопротивления вымогателю(ам);
- б) обращением в правоохранительные органы с сообщением о вымогательстве.

¹ Сафин Ф. Ю. Вымогательство, совершенное группой лиц (уголовно-правовой и криминологический аспекты). Автореф. кан. дисс. Сиб., 1997. С. 15.

Негативное поведение — это поведение жертвы, объективно способствующее вымогателям в совершении преступления. Оно может заключаться:

- ♦ в виктимологической пассивности:
 - а) подчинении требованиям вымогателей и систематических выплатах «дани»;
 - б) сокрытии фактов вымогательства от правоохранительных органов и отказе сотрудничать с ними в изобличении вымогателей;
 - в) пренебрежении мерами личной и имущественной безопасности;
- ♦ в виктимологической активности:
 - г) демонстрации богатства или создании видимости богатства;
 - д) агрессивности в разрешении неприязненных личных либо конфликтных материальных отношений между потерпевшим и преступником (67,0% из них были ранее знакомы, более половины — находились в открытых или скрывааемых неприязненных отношениях).¹

Это толчковое провоцирующее виктимное поведение.

Типология жертв (потерпевших от разбоя, грабежа)

Нейтральный тип жертвы грабежа или разбоя конкретизировать весьма затруднительно, поскольку в ситуациях этих преступлений может оказаться не по своей вине любое лицо, не имеющее реальной возможности сопротивляться преступникам в силу своей физической слабости или их численного превосходства.

Типы жертв с позитивным поведением

Тип жертвы — инициативный: мужчина (женщина) любого, но часто пожилого возраста, как правило, обладающий должной предусмотрительностью и осторожностью, способный распознать опасную ситуацию и действовать наиболее целесообразно в целях избежания контакта с преступником. Типичным для него является неукоснительно соблюдаемое правило не открывать дверь незнакомым, при входе в подъезд убедиться, что никого сзади нет, иметь при себе фонарь и освещать темную лестницу, не сближаться с подозрительными лицами (особенно в темное время суток) и др.

³⁰ См.: Серова Е. Б. Актуальные теоретические и практические проблемы исследования поддержания государственного обвинения по делам о вымогательстве. Автореф. канд. дис. СПб. 1998. С. 14, 13.

Тип жертвы — инициативный: мужчина молодого или среднего возраста, физически сильный, смелый, решительный, обладающий быстрой реакцией и предусмотрительностью, наделенный чувством опасности. Лица этого типа ведут себя активно и при объективной возможности оказывают сопротивление преступникам. Такими же качествами, но реже, обладают и женщины.

Типы жертв с негативным поведением

Тип жертвы — пассивный (с элементами неkritичности): мужчина среднего или пожилого возраста, пьяница или алкоголик, систематически оказывающийся в местах, доступных преступникам. Типичное поведение — пассивность, отсутствие какого-либо сопротивления, часто практически беспомощное состояние.

Мужчина, способный оказать сопротивление преступнику, но по трусости этого не делающий. Типичным является отказ от сообщения в милицию, чтобы «не связываться».

Лицо, характеризующееся положительно, но недостаточно осторожное и предусмотрительное. Типичная жертва квартирных грабежей и разбоев.

Тип жертвы — активный (неосторожный подстрекатель): мужчина среднего или пожилого возраста с полным отсутствием критичности, предусмотрительности, чувства опасности, склонный к употреблению спиртного, неразборчивый в установлении контактов. Типичное поведение: приглашает преступников в свое жилище, после употребления спиртного пребывает в состоянии опьянения, совершенно не способен защитить себя, т. е. активно создает обстановку, позволяющую совершить грабеж или разбойное нападение. К этому типу принадлежат и женщины с аналогичным поведением.

Типология жертв (потерпевших от вымогательства)

Тип жертвы с нейтральным поведением определять нет смысла, так как потерпевшим от вымогательства может стать, в принципе, любое лицо, обладающее хоть какой-то собственностью.

Типы жертв с позитивным поведением

Тип жертвы — инициативный: мужчина любого возраста, чаще всего занимается бизнесом, обладатель значительной собственности, решительный, смелый, законопослушный, предусмотрительный, разумно оценивающий необходимость затрат на защиту себя, семьи и

имущества. На требование вымогателей отвечает отказом и при повторных требованиях, угрозах, применении насилия обращается в правоохранительные органы, содействует им в изобличении вымогателей.

Тип жертвы — инициативный: характеристики аналогичные (но часто оказывает сопротивление вымогателям).

Наиболее яркое выражение положительной инициативности — организация коллективного сопротивления вымогателям.

Типы жертв с негативным поведением

Тип жертвы — пассивный: лицо, занимающееся легальным бизнесом, выполняющее требования вымогателей, одновременно или систематически выплачивающее им «дань», скрывающее факты вымогательства от правоохранительных органов и отказывающееся с ними сотрудничать. Ведущий мотив виктимного поведения — неверие в силу власти и возможность защиты с ее стороны.

Тип жертвы — пассивный: лицо, занимающееся нелегальным или полунелегальным бизнесом, выполняющее требования вымогателей и выплачивающее им «дань». Факты вымогательства скрывает. Психологически настроен антиобщественно, носитель соответствующей личностной установки. Не желая делиться своими доходами с вымогателями, психологически солидарен с ними, не осуждает их преступное поведение. Правоохранительным органам активно противодействует вплоть до лжесвидетельства.

Тип жертвы — активный (неосторожный подстрекатель): лицо, реально владеющее значительной собственностью и намеренно демонстрирующее свою состоятельность. Это тип нувориша (так называемый новый русский), легкомысленного, недалекого, кичащегося своим богатством, даже преувеличивающего его реальные размеры, уверенного в своей недоступности для вымогателей.

Тип жертвы — активный: как правило, участник бизнеса (в том числе теневого), отказывающийся от денежных расчетов с партнерами и тем самым провоцирующий их на «выбивание долга».

Виктимология

экономических преступлений: жертвы и ситуации

Экономические отношения в современной России далеки от стабильности и упорядоченности. Более того, они в значительной степени криминализированы, что связано с губительными по своим разрушительным последствиям решениями «реформаторов» и действиями тех, кто этим воспользовался в корыстных целях.

Для России экономические реформы (в первую очередь совершенно дикая для цивилизованного общества приватизация) обернулись невиданным захватом общенародной собственности, по существу криминальными способами, хотя формально несовершенство законодательства и сделало многих из наиболее крупных приватизаторов неуязвимыми с точки зрения уголовной ответственности. Не случайно один из известных российских олигархов Б. А. Березовский признал, что все, «кто не спал последние десять лет», так или иначе нарушали законы. К спавшим (или проспавшим) он, надо полагать, относит подавляющее большинство россиян, оставшихся в результате приватизации и прочих экономических манипуляций ни с чем. Собственно, с этого началась виктимизация населения страны, которая продолжается и сегодня (в том числе и в экономической сфере). Так что нетрудно понять авторов идеи экономической амнистии, которая есть не что иное, как закрепление результатов всероссийского грабежа. Реализация этой идеи (речь не идет об уголовной ответственности) неизбежно приведет к усилению роли лиц, не просто стоящих «вне закона», но и стремящихся утвердить себя «над законом».¹

Доступность объектов собственности, возможность завладения ими непосредственно или путем внедрения в коммерческие структуры и

¹ Яковлев А. М. Социология экономической преступности. М., 1988. С. 6.

вытеснения законных собственников (а это влечет виктимные последствия в виде материального ущерба) были широко использованы (и используются) «традиционными» преступниками, которые состоят в перманентном, нередко открытом конфликте с законом. Однако пути движения к легальному статусу собственников криминальные элементы избирали (и избирают) разные.

С начала перестройки реформируемая экономика стала активно осваиваться организованной преступностью. Не случайно многие уголовные авторитеты открыто владеют недвижимостью, крупными капиталами, тратят огромные деньги на избирательные кампании.

Преступления, непосредственно или опосредованно нарушающие экономические законы, объективно вредящие экономике, разнообразны. Какие из них следует отнести к экономической преступности (соответственно к экономическим преступлениям), а какие — к иным преступлениям в сфере экономики? Какими критериями здесь следует руководствоваться?

В специальной литературе в последнее время обозначились три подхода.

Первый. Экономические преступления — это все преступления, которые затрагивают любые виды экономических отношений, складывающиеся как в сфере хозяйствования (экономике), так и за ее пределами.

Второй. Экономические преступления — это преступления, совершаемые только в сфере экономики. Соответственно к ним относятся как те, что совершаются непосредственно в процессе экономической деятельности, так и не связанные с нею, но совершаемые в границах функционирующей хозяйственной системы.

Третий. Экономические преступления — это преступления, совершаемые только в сфере экономической деятельности, т. е. сфере предпринимательства, бизнеса.¹

Даже в этом (уголовно-правовом, более ограниченном, чем криминологическое) понимании экономическая преступность в количественных выражениях представляет собой впечатляющую картину. В России в 1997 г. было совершено 61 686, в 1998 г. — 85 571, в 1999 г. — 117 721 экономическое преступление [45, с. 24].

Этот подход ближе всего к понятию «беловоротничковая преступность», которую автор этого термина Э. Саттерленд в 1940 г. опреде-

¹ Криминология. XX. СПб., 2000. Гл. 10 (автор В. В. Колесников). С. 314–315.

лил как комплекс правонарушений, совершаемых уважаемыми лицами с высоким социальным статусом в рамках их профессиональных обязанностей и с нарушением доверия, которое им оказывается.

Несколько шире определение, предложенное Бу Свенсоном: «Экономическое преступление — это длящееся, систематическое, наказуемое деяние корыстного характера, осуществляемое в рамках легальной хозяйственной деятельности, составляющей саму основу этого деяния».¹

В отечественной криминологии также нет единого представления об этом явлении (подходы к его оценкам приведены выше).

По мнению А. М. Яковлева, экономическая преступность включает все преступления, которые посягают на экономическую систему страны и совершаются лицами, выполняющими определенные функции в системе экономических отношений. Понятия «экономическая преступность» и «преступность в сфере экономики» он рассматривает как аналогичные.²

Несколько уже определяет экономическую преступность В. В. Колесников, который понимает под этим явлением экономическую деятельность, осуществляемую в сфере бизнеса криминальными методами и имеющую целью достижение незаконного обогащения.³

С точки зрения А. М. Медведева, «экономические преступления посягают на экономику, права и свободы, потребности и интересы участников экономических отношений, нарушают нормальное функционирование экономического (хозяйственного) механизма, причиняют этим социальным ценностям и благам материальный ущерб».⁴

Дискуссия по этой проблеме, очевидно, продлится еще долго, но дело, собственно, не в самих определениях, а в том, что из них следует. От того, что понимается под экономическими преступлениями, а соответственно и экономической преступностью, зависят как минимум границы предмета криминологического исследования этого явления и организация противодействия преступности в сфере экономики. Во всяком случае, это относится к компетенции такой структуры органов внутренних дел, как аппараты по борьбе с экономическими преступлениями.

¹ См.: Криминология. XX. СПб., 2000. Гл. 10 (В. В. Колесников). С. 314–315.

² Яковлев А. М. Социология экономической преступности. М.: Наука, 1988. С. 6.

³ Колесников В. В. Экономическая преступность и рыночные реформы. Политико-экономические аспекты. СПб., 1994. С. 53.

⁴ Медведев А. М. Экономические преступления: понятие и система // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 81.

Мы полагаем, что преступность в сфере экономики включает собственно экономические преступления (экономическую преступность) и иные преступления в сфере экономики (т. е. преступления против собственности; условно можно назвать их общеуголовными: кража, мошенничество, грабеж, разбой, вымогательство и др.).

Экономические преступления — это преступления, совершаемые в сфере экономической деятельности ее непосредственными участниками (все составы преступлений, предусмотренные ст. 22 УК РФ), и иные преступления, так или иначе связанные с экономической деятельностью и непосредственно или опосредованно препятствующие ее осуществлению в рамках закона. Это различные формы злоупотребления экономической властью, служебным положением, взяточничество, различные проявления коррупции, лоббирование, а также насильственное внедрение в управление коммерческими структурами. Субъекты этих преступлений легально находятся вне предпринимательства, бизнеса, но фактически могут решающим образом влиять на принятие экономических решений.

Экономические преступления, как правило, совершаются без насилия. Исключение — монополистические действия и ограничение конкуренции (ч. 3 ст. 178 УК РФ), принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения (ч. 2 ст. 179 УК РФ), контрабанда (ч. 4 ст. 188 УК РФ), совершаемые с применением насилия или угрозы насилия.

Принуждение к принятию «охранных» услуг, вымогательство и иные насильственно-корыстные преступления, направленные против участников экономической деятельности именно в связи с их деятельностью, мы относим к иным преступлениям в сфере экономики и не включаем в экономическую преступность. Вместе с тем, учитывая их непосредственную связь с ролевой виктимностью жертв, занятых в сфере предпринимательской деятельности, мы рассматриваем некоторые ситуации этих преступлений в рамках виктимологии экономической преступности.

Криминологическая классификация рассматриваемых преступлений не может абсолютно совпадать с уголовно-правовой, поскольку криминологический подход к анализу экономической преступности лишь относительно ограничен рамками действующего уголовного законодательства. Формальные ограничения этими рамками исключили бы возможность выявления криминальных связей различных категорий преступников, действующих непосредственно в сфере экономической

деятельности или, условно говоря, на ее ближайшей периферии, а это очень важно для понимания и оценки значимости ряда факторов детерминации экономической преступности. Не только научные исследования, но прежде всего следственно-судебная практика свидетельствуют, что «в современном обществе экономическая преступность не могла бы существовать в таких масштабах, если бы не имела крепких тайных корпоративных связей как с политическим истеблишментом, так и уголовным миром. Бизнесмен-деликвент и коррумпированный чиновник быстро находят взаимопонимание. Их сближает общий интерес — извлечение личной выгоды в обход установленных правил».¹

Экономические преступления при всем их различии имеют три основных интегративных признака:

- а) они причиняют вред охраняемым законом экономическим интересам;
- б) совершаются участниками экономических отношений (субъектами экономической деятельности и лицами, которые легально не являются таковыми, но, как правило, используют свои властные полномочия для криминального вмешательства в эту деятельность);
- в) большая их часть преследует цель получения имущественной выгоды.

Кроме того, большинство экономических преступлений, поскольку они задевают интересы отдельных граждан (независимо от их места в экономических отношениях), имеют ярко выраженные виктимологические характеристики. Присущие многим (но не всем!) экономическим преступлениям анонимность, отсутствие персонификации жертв и отсутствие прямого контакта с жертвой в этом смысле ничего не меняют.² (В данном случае потерпевшие, жертвы — физические лица.)³

Составы преступлений, включенные в гл. 22 УК «Преступления в сфере экономической деятельности», можно подразделить на несколько групп, каждая из которых имеет свои виктимологические характеристики:

¹ Криминология. СПб. 1998. С. 285.

² Криминология. XX век. С. 334.

³ Позиция относительно жертвы — юридического лица здесь не рассматривается.

1. Преступления, связанные с незаконными действиями должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления, препятствующих законной предпринимательской деятельности (ст. 169).

Виктимологический признак состава — причинение крупного ущерба; потерпевшие — участники экономической деятельности, предприниматели.

2. Преступления, связанные с нарушением порядка осуществления предпринимательской деятельности: незаконное предпринимательство (ст. 171); незаконная банковская деятельность (ст. 172); лжепредпринимательство (ст. 173); легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем (ст. 174); приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175).

Виктимологические признаки этой группы преступлений — причинение крупного ущерба гражданам и извлечение дохода в крупном и особо крупном размере, что связано в ряде случаев также с причинением материального ущерба (ст. 171–173).

Потерпевшие — лица, как связанные с коммерческими структурами сравнительно длительными договорными отношениями (например, вкладчики средств в коммерческие структуры, незаконно занимающиеся банковской деятельностью), так и не имеющие таких отношений.

3. Преступления, связанные с нарушением прав и причинением ущерба кредиторам: незаконное получение кредита (ст. 176); злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177); преднамеренное банкротство (ст. 196); фиктивное банкротство (ст. 197).

Виктимологический признак указанных преступлений — причинение крупного ущерба, а также — уклонение от погашения задолженности в крупном размере, что ведет к причинению крупного ущерба (ст. 177).

Потерпевшие от этих преступлений — предприниматели, иные лица, понесшие денежные потери.

4. Преступления, связанные с проявлениями монополизма и недобросовестной конкуренцией: монополистические действия и ограничение конкуренции (ст. 178); принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения (ст. 179); незаконное использование

товарного знака (ст. 180); заведомо ложная реклама (ст. 182); незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст. 183).

Виктимологические признаки преступлений этой группы — насилие или угроза применения насилия; уничтожение или повреждение чужого имущества либо угроза его уничтожения (ст. 178, 179), угроза распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам (ст. 179), крупный ущерб (ст. 180, 183), значительный ущерб (ст. 182).

Виктимологические последствия преступлений, связанных с проявлениями монополизма, влекут материальные потери не только для предпринимателей, но и для потребителей, недобросовестная реклама может иметь следствием также причинение вреда здоровью граждан. Потерпевшие от этих преступлений — лица, непосредственно занятые в сфере бизнеса, и лица-потребители товаров и услуг.

5. Преступления в сфере обращения денег и ценных бумаг: злоупотребления при выпуске ценных бумаг (ст. 185); изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186); изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных и иных платежных документов (ст. 187).

В составах указанных преступлений (кроме ст. 185) нет указаний на крупный ущерб (потерпевшие в данном случае — инвесторы), но сам их характер подразумевает причинение материального ущерба многим лицам (потерпевшие в данном случае — инвесторы, держатели подлинных расчетных документов, лица, получившие поддельные деньги вместо подлинных).

6. Преступления, связанные с нарушением прав потребителей: обман потребителей (ст. 200). Потерпевшие от этих преступлений — практически все граждане страны, потребляющие товары и услуги.
7. Валютные преступления: незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191); нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней (ст. 192); невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193).
8. Таможенные и налоговые преступления (контрабанда (ст. 188); уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194); уклонение

гражданина от уплаты налогов (ст. 198); уклонение от уплаты налогов с организаций (ст. 199)). Преступления, отнесенные к 7-й и 8-й группам (кроме ст. 188 УК РФ), в виктимологическом плане менее показательны.¹

Значительная часть экономических преступлений совершается путем обмана или злоупотребления доверием партнеров по бизнесу и лиц, так или иначе доверившихся преступникам, действующим в сфере экономики. В криминологии это явление обозначается как финансовое мошенничество.

Потерпевшими от экономического мошенничества, как и любого экономического преступления, являются физические лица, участвующие в процессе экономической деятельности либо являющиеся представителями больших групп населения, например обманутые вкладчики. Специфика российского экономического мошенничества состоит в том, что начало обману населения положило государство акциями по обесцениванию денежных накоплений граждан, «дикой» приватизацией и т. д. Вслед за этим масштабные мошенничества стали совершать «финансовые пирамиды», обреченные на банкротство частные банки и фонды и т. д. Обманутыми оказались 30 млн человек [45, с. 253].

Самая многочисленная категория жертв экономических преступлений, «авторами» которых являются субъекты, действующие в этой сфере, — потерпевшие-потребители, но эту виктимологическую роль они исполняют не в одиночестве.

Оперативно-следственная практика свидетельствует, что лица, непосредственно занятые в бизнесе, обладают высокой профессионально-ситуативной потенциальной виктимностью, а многие из них становятся жертвами преступников.

Эта категория потенциальных жертв и реальных потерпевших от преступлений включает различные их психологические типы. Как социальный тип, это жертвы (потерпевшие) — предприниматели (бизнесмены).

Потерпевшими от экономического мошенничества формально признаются фирмы, предприятия, коммерческие структуры, но реальными жертвами, лично понесшими материальные потери и травмирован-

¹ Предлагаются и иные группировки экономических преступлений. См.: Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб., 1999. С. 55–57, Тюнин В. И. Уголовное законодательство и экономическая деятельность. СПб., 2000. С. 203–205.

ными психологически, являются преимущественно руководители, акционеры, служащие или рабочие предприятий, учреждений, фирм. По данным анкетирования, 250 предпринимателей в Москве, Санкт-Петербурге, Нижегородской, Ивановской, Уфимской областях являются потерпевшими от экономического мошенничества. Это преимущественно мужчины — 79%; женщин соответственно 21%.¹

Среди жертв-предпринимателей удельный вес лиц с высшим и специальным образованием заметно выше, чем в других преступлениях. Эта личностная характеристика проявляется виктимозначимо: чем более высок образовательный уровень владельцев и сотрудников фирмы, тем меньше экономических мошенничеств в отношении нее совершается.

С виктимологических позиций поведение жертв (потерпевших от экономических преступлений) может быть представлено как нейтральное, позитивное и негативное в основном по двум признакам: наличию или отсутствию «виктимологической вины» и объективному значению в создании, развитии и реализации ситуации преступления.

Наличие первого признака полностью зависит от того, имел ли возможность потерпевший предвидеть криминальное развитие ситуации и сделал ли все необходимое, чтобы ее прояснить. Второй определяется детерминационным значением виктимного поведения, которое может выполнить существенно различные роли в механизме преступления.

Высокая виктимность жертв-предпринимателей часто зависит не столько от «виновного» виктимного поведения, сколько от риска, неизбежного в бизнесе, особенно криминализированном, как это имеет место сегодня в России. Вынужденно рискованное поведение предпринимателей используется преступниками, так как объективно оно почти всегда создает ситуации способствования мошенникам, а нередко и провоцирует их на совершение преступления. Например, 87% опрошенных предпринимателей вносят предоплату за товар, что в зависимости от конкретных обстоятельств ситуации может быть и провоцирующим, и способствующим криминологическим фактором.

В то же время объективно негативным и субъективно «виновным» является поведение предпринимателя, пренебрегающего элементарными правилами безопасности предпринимательской деятельности.

¹ Здесь и далее использованы материалы И. В. Ильина, относящиеся к характеристикам экономического мошенничества.

Так, только 58% предпринимателей осуществляют проверку другой стороны при заключении сделок (в том числе 2% обращались по этому поводу в правоохранительные органы). Виктимный «выход» достаточно показателен: жертвами мошенничества стали 100% предпринимателей, пренебрегших проверкой, и только 22% из тех, кто проводил проверку контрагентов.

Виктимность жертв (понимаемая как зависящее от личностно-ситуативных факторов состояние уязвимости) может быть различной по степени — от минимальной до предельно высокой и вместе с тем — «виновной» или «невиновной», т. е. вытекающей из той или иной формы негативного или положительного виктимного поведения.

Невиновная виктимность и виктимизированность предпринимателей (в известной степени и менеджеров) в виде материального ущерба может быть связана с нечестностью деловых партнеров, нарушениями условий сделок, а нередко и с очевидным мошенничеством; неожиданными непрогнозируемыми решениями федеральных органов и местных администраций, касающимися изменений в налоговом и таможенном законодательстве, повышения арендных платежей, блокирования банковских счетов, и др. действиями властей, препятствующими нормальной деятельности на рынке товаров и услуг (это обирание предпринимателей в конечном счете превращается в «государственный рэкет», в первую очередь «бьющий» по малому и среднему бизнесу).

Практически повсеместно виктимность этой категории жертв связана с коррумпированностью чиновников различного ранга и положения, вымогательством взяток и иными поборами (это не что иное, как «коррупционный рэкет»).

И в том и другом вариантах повышенной виктимности потенциальные и реальные жертвы, по существу, беззащитны.

Криминально-виктимологический аспект экономической деятельности связан не только с собственно экономическими преступлениями. В России экономическая деятельность, частный бизнес уже давно стали очень опасными для тех, кто в них занят, и не только в связи с материальными потерями. Конкурентов устраняют и путем физического уничтожения.

Бывший менеджер строительной фирмы «Кодас» Зверев «заказал» убийство генерального директора Томского и адвоката Алимова, представлявшего интересы фирмы. 21 мая 2000 г. Алимов был убит. Второе убийство преступники не успели совершить, так как были задержаны. Случай тра-

гический, но, увы, типичный в условиях повальной криминализации экономики.

Подавляющее большинство предпринимателей (это не секрет) платят «дань» организованной преступности, что обуславливает их нигде официально не учитываемый материальный ущерб и соответственно высокую латентность реализованной имущественной виктимности. При пассивном поведении эта виктимность не перерастает в причинение вреда личности, здоровью и жизни, но при неповиновении и тем более активном сопротивлении преступникам положение потенциальных жертв резко меняется. С высокой степенью вероятности они могут стать объектом нападения, избиения (в других случаях предупреждением служит, например, уничтожение имущества). Преступники не останавливаются и перед убийством, причинением тяжкого вреда здоровью.

Виктимность предпринимателей может быть следствием их отказа подчиняться требованиям преступников, действующих в составе организованных криминальных формирований, отчислять им часть прибыли за так называемую «крышу» (т. е. принудительную охрану); сотрудничать с ними (принимать в состав руководства акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью, предприятий иных организационно-правовых форм, «отмывать» деньги криминального происхождения, обеспечивать льготные или безвозвратные кредиты и т. д.); активных мероприятий по организации коллективного противодействия владельцев собственности преступникам путем создания служб безопасности и за счет обращения в органы внутренних дел. (Примером такой ситуации может служить заказное убийство банкира И. Кивелиди, отравленного киллером.)

Максимально высокого уровня виктимность предпринимателей достигает в ситуациях соперничества с организованными преступными группировками или теми участниками коммерческой деятельности, которыми они наняты для устранения нежелательных конкурентов в борьбе за приватизируемую собственность, льготные кредиты, новые рынки и т. д.

«Виновная» виктимность предпринимателей связана с невозвращением долгов, иными действиями, причиняющими ущерб другим участникам экономической деятельности. В этих случаях «должники» нередко становятся жертвами наемных убийц.

В группе жертв (потерпевших) — потребителей подавляющее большинство составляют некритичные жертвы.

Огромное число граждан становятся жертвами преступников, действующих в сфере торговли и сбывающих потребителям недоброкачественные товары и продукты. Производство и сбыт товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), не отнесены законодателем к экономическим преступлениям, но они фактически совершаются в сфере экономики, в частности в сфере потребительского рынка, и влекут очевидные виктимологические последствия (тяжкий вред здоровью либо смерть человека или нескольких лиц). На первом месте по сбываемым и потребляемым продуктам по виктимной опасности стоит фальсифицированная водка. Так, в 1996 г. подпольное производство водки превысило легальное, а контрабандный ввоз в полтора раза превысил законопослушный импорт. На каждого жителя России приходится по 20 литров абсолютного алкоголя в год, что более чем в два раза превышает порог душевого потребления алкоголя, с которого начинается деградация народа [79, с. 260]. Однако водкой дело не ограничивается. Многочисленные проверки свидетельствуют, что, всячески обходя контроль качества, готовые на все ради прибыли, предприниматели импортируют в Россию продукты, срок годности которых истек. Несомненно, процесс виктимизации потребителей связан и с необоснованным повышением цен.

Массовый характер носит обман потребителей: на начало 1997 г. каждое третье преступление экономической направленности было связано с потребительским рынком; в 1997 г. зарегистрировано 26 747, 1998 г. — 44 014, в 1999 г. — 63 694 таких преступлений (ст. 200 УК РФ) [62, с. 345; 45, с. 25]. И это при огромной латентности!

В целом можно сделать вывод, что сфера экономики России в значительной степени освоена организованной преступностью не только в «теневом», но и в легальном ее секторах. Организованные преступные структуры наряду с обычным вымогательством стремятся внедриться непосредственно в предпринимательскую деятельность с целью захвата решающих позиций в руководстве предприятий, фирм и, в конечном счете, лишения формально законным, а в действительности преступным путем собственников их имущества.

В России также нередки криминальные способы разрешения финансовых споров и удовлетворения требований, вытекающих из договорных обязательств.

Этими и многими иными обстоятельствами определяется высокая потенциальная и реализованная виктимность участников экономичес-

кой деятельности. В условиях очевидной слабости правоохранительных органов и судебной системы это объективно неизбежно.

Типология жертв (потерпевших от преступлений, связанных с экономикой)

Тип жертвы (потерпевшего) — инициативный: предприниматель, профессионален, осторожен при принятии решений, партнеров по сделкам и в целом по бизнесу систематически проверяет, хорошо развито чувство опасности, использует свои финансовые возможности для обеспечения личной и имущественной безопасности, при необходимости идет на контакт с правоохранительными органами, законопослушен, избегает участия в теневых сделках.

Тип жертвы (потерпевшего) — нейтральный: предприниматель, потребитель товаров или услуг, ответственно относящийся к сделкам, которые он заключает, но в силу объективного стечения обстоятельств не имевший возможности осознать опасность сложившейся ситуации.

Тип жертвы (потерпевшего) — не критичный: предприниматель, легкомысленно относящийся к сделкам, доверяющий непроверенным партнерам и др. Типичным для этого типа является, условно говоря, «виктимологическая вина».

Тип жертвы (потерпевшего) — не критичный: потребитель товара, услуги, вкладчик, поверивший рекламе, и т. д. Демографические и социально-статусные параметры — самые различные. Виктимологическое качество поведения имеет в основе не критичность, неоправданную доверчивость.

Виктимологическая профилактика преступлений

8.1. Общая характеристика виктимологической профилактики преступлений¹

В отечественной криминологии предупреждение преступности (профилактика) рассматривается как социальная система, целостный процесс, включающий общесоциальное и специально-криминологическое предупреждение.²

На общесоциальном уровне виктимологическое предупреждение преступлений осуществляется за счет мер экономического, политического, идеологического, организационного, правового характера, не имеющих специальным назначением борьбу с преступностью и, в частности, профилактику преступлений.

Однако эти меры (в перспективе) объективно обеспечивают создание условий, снижающих риск совершения преступлений, устраняющих криминогенные и виктимогенные факторы.

Специально-криминологическое предупреждение преступлений включает меры, непосредственно направленные на решение профилактических задач. В сферу применения этих мер попадают не только

¹ Следует указать, что термин «виктимологическая профилактика» в известной мере условен. Под ним понимается использование возможностей, связанных в той или иной форме с потерпевшим от преступления, для решения задач профилактики преступлений.

² См.: Сахаров А. Б. Социальная система предупреждения преступлений // Советское государство и право. 1972. № 11. С. 66–72.

преступники и лица, от которых можно реально ожидать совершения преступлений, но и жертвы (состоявшиеся и потенциальные), а также обстановка, в которой они формируются в этом своем качестве и, в конечном счете, проявляются (или могут проявиться) как действующие лица ситуаций преступлений.

Это обстоятельство обусловило возникновение и развитие виктимологического предупреждения (виктимологической профилактики) преступлений, которое в отличие от криминологического нацелено преимущественно на предупреждение не преступного, а виктимного (самоопасного) поведения.

Виктимологическое направление криминологической профилактики (виктимологическая профилактика) — это включенная в социальную систему предупреждения преступлений подсистема общесоциальных и специально-криминологических мер, направленных на снижение индивидуальной и массовой виктимности посредством устранения негативных виктимных предрасположений, активизации защитных возможностей потенциальных жертв преступлений и обеспечения их безопасности.

Иными словами, виктимологическая профилактика представляет собой целенаправленное специализированное воздействие на лиц с неправомерным или аморальным поведением, а также на факторы, обуславливающие виктимность, связанную с подобным поведением. В равной мере ее объектом являются факторы и лица, положительное поведение которых тем не менее виктимоопасно для них.

Виктимологическая профилактика органически входит в систему предупредительного воздействия на преступность в той мере, в какой поведение потерпевшего включается в механизм факторов, обуславливающих и способствующих совершению преступлений. Но она имеет свои особенности, что и дает основания рассматривать ее, в известной мере, как самостоятельное направление криминологической профилактики преступлений:

1. Она имеет свой самостоятельный объект позитивного воздействия — реальных и потенциальных потерпевших от преступлений.
2. Информационное обеспечение виктимологической профилактики, помимо общих для нее и криминологической профилактики информационных источников, связано с применением специальных схем выявления ее объектов (в частности — специальных виктимологических классификаций).

3. Методы виктимологической профилактики и формы, в которых она осуществляется, основаны в большей мере на убеждении. Принуждение здесь может быть использовано менее широко, чем по отношению к основному профилактируемому контингенту.
4. Общая и индивидуальная виктимологическая профилактика осуществляется на основе широкого использования возможностей взаимопомощи, граждан.
5. Виктимологическая профилактика осуществляется также путем нейтрализации виктимно опасных ситуаций, в которых еще не установлены возможные причинители вреда и есть основания ориентироваться только на определенные типы потенциальных потерпевших.
6. Задача виктимологической профилактики — предупреждение так называемых «инверсионных преступлений», в которых происходит смена ролей преступник—жертва путем воздействия на потенциального потерпевшего (в первую очередь инициатора возникновения опасной ситуации).
7. Виктимологическая профилактика имеет свои организационные особенности (о них — далее) [110, с. 52–62].

Меры виктимологического характера представляют собой устранение или нейтрализацию факторов, обуславливающих виктимность или способствующих ей. Они включают воздействие как на факторы, детерминирующие неправомерное или аморальное поведение жертв преступления, так и на факторы, повышающие риск стать потерпевшим при правомерном и особенно активном поведении.

Виктимологическая профилактика — специализированное направление в системе предупреждения преступлений.

Важность виктимологического направления профилактики заключается в том, что она ориентирует практику на неиспользованные резервы, связанные с фактором «жертвы преступления» [113, с. 153; 153, с. 197].

Виктимологический аспект представлен во всех компонентах предупреждения преступности, хотя в наибольшей степени он выражен в подсистеме специально-криминологической профилактики.

Такие аппараты органов внутренних дел, как уголовный розыск, служба профилактики (она сейчас входит в структуру службы общественной безопасности), используют при применении специальных

предупредительных мер силы, средства и методы, которых никакие другие государственные органы не имеют. Поэтому далее мы рассмотрим (применительно к исследуемой теме) именно специальные меры профилактики.

Взаимосвязь виктимологической профилактики со всей системой предупреждения преступности определяется тем, что нередко потенциальный или реальный потерпевший может совершить, а часто и совершает преступление. Соответственно среди лиц, находящихся на профилактическом учете, которые, судя по их антиобщественному поведению, могут совершить преступление, много и таких, которые одновременно характеризуются повышенной виктимностью. Это прежде всего относится к лицам, систематически совершающим правонарушения, связанные с употреблением алкоголя, наркотиков. Более того, многие из них становятся жертвами чаще, чем преступниками.

Успех профилактики преступлений зависит от многих факторов, касающихся и организационной, и тактической сторон этой работы. Большое значение имеет всесторонний учет криминологических факторов, как наиболее общих, так и характеризующих механизм конкретного преступления. Место, время, способы совершения преступления, наиболее типичные категории лиц, вовлеченных в преступления в качестве преступников или потерпевших, — все это необходимо знать и учитывать при организации профилактической работы, осуществлении мер по предотвращению конкретных замышляемых или подготавливаемых преступлений.

С этих позиций тот односторонний подход в определении организационных и тактических приоритетов, о котором говорилось выше, поскольку он приводит к преимущественному сосредоточению профилактических усилий органов внутренних дел на лицах, от которых можно реально ожидать совершения преступлений, является определенным препятствием в повышении эффективности предупредительной работы.

Разумеется, потенциальный преступник был и остается в центре внимания органов внутренних дел; никакие крайности, в том числе и виктимологического плана, здесь недопустимы. Необходимо максимально эффективно использовать все возможности профилактической работы. В этом плане обращение к жертве, потерпевшему — еще не до конца использованный резерв.

Обосновывая возможность изучения жертвы преступления, А. Фаттах пишет: «...вполне возможно, что наши неудачи в области преду-

преждения преступности обусловлены тем, что в течение столетий все внимание было сосредоточено на самом проступке или же на преступнике и не уделялось того внимания жертве, которого она заслуживает». Это явное преувеличение, но само указание на роль жертвы — правильное.

Конечно, не следует рассчитывать на то, что обращение к виктимологическим возможностям профилактики преступлений немедленно кардинально изменит положение вещей. Нельзя ждать от виктимологии уже сегодня каких-то абсолютно новых мер профилактического воздействия. Профилактические меры виктимологического характера в большинстве своем давно известны в теории и практике борьбы с преступностью. Поэтому, прежде чем рассмотреть, как сегодня может выглядеть виктимологическая профилактика, следует отметить, что это направление не заменяет традиционную профилактику, а лишь дополняет ее.

Надо полагать, что со временем углубленная систематическая разнплановая разработка проблем потерпевшего, изучение психологии жертв преступлений позволят обогатить палитру профилактических возможностей, раскроют резервы, пока неизвестные и не используемые.

Но сегодня — в чисто практическом плане — речь идет о другом. Обращение к виктимологическим возможностям профилактики преступлений означает изменение взгляда на профилактику как на работу только в отношении преступника, изменение в оценке потерпевшего только как страдательного, пассивного элемента ситуаций преступления.

Перенос криминологических акцентов, естественно, потребует иного подхода к определению целей и задач как профилактической работы в целом, так и деятельности, направленной на предотвращение конкретных преступлений.

Виктимологический подход позволит выработать и дополнительные меры позитивного воздействия на лиц, которые с наибольшей вероятностью могут оказаться потерпевшими от преступлений. Поэтому виктимологический аспект находит себе место во всех направлениях профилактики преступлений.

Виктимологическая профилактика как направление (и дополнение) криминологической профилактики осуществляется на тех же уровнях, что и криминологическая профилактика, а основаниями к выделению ее видов являются:

- ◆ виды объектов профилактического воздействия — население, отдельные группы, конкретные лица;
- ◆ характер мер профилактического воздействия, рассчитанных на группу или отдельное лицо;
- ◆ тактико-методические элементы оперативного реагирования в ситуациях, чреватых опасностью причинения вреда физическим лицам.

Специальная виктимологическая профилактика складывается из трех основных компонентов:

1. Общей виктимологической профилактики, включающей выявление причин преступлений и условий, способствующих их совершению, если они связаны с личностью и поведением потерпевших, устранение этих причин и условий.
2. Индивидуальной виктимологической профилактики, включающей:
 - а) выявление лиц, которые, судя по их поведению или совокупности личностных характеристик, с наибольшей вероятностью могут оказаться жертвами преступников;
 - б) организацию в отношении этих лиц мер воспитания, обучения, обеспечения личной безопасности.
3. Неотложной виктимологической профилактики, включающей предотвращения конкретных замышляемых и подготавливаемых преступлений с использованием защитных ресурсов потенциальной жертвы, а также тактических возможностей, возникающих при организации профилактической работы «от потерпевшего» [113, с. 133].

В тактико-организационном плане виктимологическое профилактическое воздействие осуществляется также в процессе оперативно-розыскной деятельности, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, исполнения наказаний, т. е. с использованием уголовно-правовых возможностей.

Обращение к виктимологическому аспекту профилактической работы (специальной виктимологической профилактике) связано с необходимостью решения организационных, информационных и тактико-методических проблем.

Для общей профилактики преступлений включение виктимологического компонента связано в большей мере с тактической стороной

дела. Ведь выявление причин преступлений и условий, способствующих их совершению, всегда включало и то, что связано с личностью и поведением потерпевших, но цельного представления о значимости этого обстоятельства, к сожалению, не было. В общей профилактической тактике этому негативному криминологическому компоненту уделялось недостаточно внимания. Найти место резервам общей профилактики за счет включения в нее виктимологического компонента значит решить в этой части существующие проблемы.

По-иному обстоит дело с индивидуальной виктимологической профилактикой. По сути дела, как самостоятельного, четко выделяемого компонента профилактической работы ее не было. Следовательно, организация индивидуальной виктимологической профилактики потребует значительных усилий организационного и тактико-методического характера.

Предотвращение и пресечение конкретных замышляемых и подготавливаемых преступлений, которое и ранее в большей или меньшей степени связывалось с личностью и поведением потерпевших, за счет более широкого «включения» виктимологических возможностей должно (конечно, не для всех преступлений в равной мере) определенным образом переориентироваться в тактико-методическом отношении на работу «от потерпевшего».

Однако, определяясь относительно объектов виктимологической профилактики, надо исходить не из того, что потерпевшие всегда положительные, а преступники отрицательные, поскольку они располагаются на противоположных полюсах конкретных криминальных ситуаций, а из реального положения вещей. Парадокс виктимологической профилактики состоит в том, что она должна направляться на лиц, которые равно могут стать и преступниками и жертвами. Здесь традиционная криминологическая профилактика смыкается с виктимологической.

Речь идет не о защите преступников, а о задачах виктимологической профилактики применительно к негативному контингенту потенциальных жертв. Это следующие задачи:

- а) удержать от совершения преступления определенную категорию лиц, провоцируемых на противоправное поведение потенциальными жертвами. Ведь такие преступники именно в силу провокации являются своеобразными «жертвами своих жертв»;

- б) сохранить для общества (приняв меры исправления) тех лиц, которые в противном случае могли бы стать преступниками-жертвами;
- в) осуществлять профилактическое воздействие с использованием аргументации виктимологического характера, доводя ее до объектов профилактики через различные информационные каналы — от СМИ до оперативных.

Разумеется, потенциальных жертв, поведение которых характеризуется как положительное, нейтральное или, во всяком случае, не противоправное, необходимо обеспечивать мерами безопасности «извне», в ряде случаев позитивно воздействовать на них с целью сделать более активными, осмотрительными и т. д.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что использование виктимологических возможностей в профилактике преступлений — очень сложное и «острое» дело. В определенном смысле это направление сложнее и «острее» основного направления профилактики. Дело в том, что профилактическая работа по линии «от потерпевшего» в ряде случаев до известной степени связана с вторжением в сферу личной жизни людей, которым нельзя предъявить претензий с позиций уголовного или административного закона. Поэтому она возможна только с добровольного согласия потенциальных жертв или по их просьбе. Здесь иногда сталкиваются интересы общества и охраняемые законом права и свободы личности, нарушение которых может быть оправдано исключительно необходимостью обеспечения безопасности тех или иных лиц. Очевидно, ни одно виктимное лицо не откажется от предложенной помощи, даже связанной с вторжением в сферу его личной жизни, при угрозе самой его жизни или здоровью, его собственности и т. д.

Для виктимологической профилактики особое значение имеет требование осуществления профилактических мер на основе глубокого уважения к личности, с соблюдением норм этики [48, с. 150].

8.2. Организационное и информационное обеспечение виктимологической профилактики

Как практическая деятельность, виктимологическая профилактика должна быть должным образом организована и информационно обеспечена. Это связано с практическим решением ряда проблем.

Организационные проблемы

1. Подготовка специалистов по виктимологической профилактике. Для решения этой задачи необходимо создание специальных учебных заведений, прежде всего на базе министерств внутренних дел и юстиции.
2. Профессиональный отбор при приеме на службу в органы внутренних дел. Следует учитывать психологические качества кандидатов, способность должным образом ориентироваться в опасных ситуациях при исполнении служебных обязанностей. Этот момент, казалось бы далекий от проблем профилактики, в действительности имеет к ним прямое отношение: неуравновешенный, рассеянный, невнимательный и т. д. (далеко не всегда в процессе обучения эти недостатки можно исправить) сотрудник милиции — потенциальная жертва преступника.
3. Организация в рамках подразделений профилактики органов внутренних дел объединенной консультативной и психолого-педагогической службы, в состав которой должны входить опытные оперативные работники, специалисты в области охранной техники, психологи и педагоги. В самом общем виде можно выделить два направления консультационной работы:
 - а) консультирование относительно технических средств охраны имущества;
 - б) консультирование относительно линии поведения при возможности возникновения напряженной в виктимологическом плане обстановки.Учитывая, что в процессе профилактической работы приходится сталкиваться с исключительно сложными в психологическом аспекте ситуациями, когда необходимо воздействовать на лиц, психологический контакт с которыми очень трудно установить, специалисты-психологи не только могли бы помочь оперативному составу в работе с конкретными лицами, но и организовать квалифицированное изучение потерпевших (равно как и основного профилактируемого контингента).
4. Организация профилактического учета лиц, которые уже были или реально могут стать потерпевшими от преступлений, если очевидна их повышенная уязвимость (виктимологический учет). Действующая в настоящее время система профилактического учета лиц, представляющих оперативный интерес, не учитывает их вик-

тимологических качеств и, следовательно, не может служить источником объективной информации. В то же время законопослушные лица, обладающие высокой потенциальной виктимностью, вообще остаются вне поля зрения правоохранительных органов. Виктимологический учет позволит сократить количество лиц, состоящих на учете как потенциальные правонарушители, и сосредоточить внимание на лицах, нуждающихся в повышенных мерах обеспечения их личной и имущественной безопасности (для лиц с положительным поведением он должен быть добровольным) [113, с. 132]. Если же потенциальный потерпевший «увязывается» с конкретным лицом, от которого исходит опасность, также известным органам внутренних дел, — целесообразно включать данные о потерпевшем в учетный документ на это лицо.

5. Создание специальных информационных документов (карточек, дел) на наиболее опасные в виктимном отношении объекты и участки территории. Эти документы должны отражать:
 - а) количественные и качественные характеристики преступлений, совершенных на данном объекте, данной территории;
 - б) типичные категории преступников и их жертв применительно к их стабильной «привязке» к данному объекту, территории;
 - в) наиболее типичные по возникновению и реализации криминальные ситуации.

Эти документы должны систематически пополняться данными о конкретных преступлениях, преступниках и потерпевших. Располагая такой информацией, непосредственное пресечение преступлений можно дополнить стабильным оздоровлением обстановки за счет количественного изменения групп лиц — поставщиков потерпевших от преступлений.

6. Организация и систематическое осуществление взаимодействия всех аппаратов и служб органов внутренних дел между собой и другими государственными органами и общественными организациями. Это прежде всего позволит использовать, наряду с гласными возможностями, средства и методы оперативно-розыскной деятельности как в информационном плане, так и в качестве инструмента воздействия на профилируемых индивидов. Взаимодействие в области виктимологической профилактики, таким образом, должно стать компонентом в общей согласованной по ме-

сту, времени и целям деятельности органов внутренних дел и их структурных аппаратов. Оно специфично не по технологии, а по объектам профилактического воздействия и сводится в первую очередь к обмену информацией о возможных и действительных потерпевших, обеспечиваемому не случайной инициативой источника этой информации, а включением потока виктимологической информации в существующую систему информационных связей.

Виктимологическая профилактика связана с необходимостью определенных дополнений в информационно-аналитической работе (в частности, обращения к новым объектам изучения), обеспечения поступления оперативной виктимологической информации и поиска дополнительных источников информации.

Иначе говоря, возникает информационная проблема в двух ее аспектах:

- а) изучение массовых явлений и обеспечение службы профилактики знанием типичного в различных аспектах виктимности;
- б) практическое выявление конкретных объектов виктимологической профилактики непосредственно в деятельности служб органов внутренних дел, особенно профилактической. (Это имеет прямое отношение прежде всего к индивидуальной виктимологической профилактике.)

Эффективная работа по профилактике преступлений должна основываться на обширной информации криминологического характера, конкретизированной в каждом отдельном случае для принятия мер в отношении определенных лиц. Эта информация приобретает путем тщательного изучения каждого объекта профилактического воздействия. Однако такому изучению индивидуума, проводимому, как правило, практическим работником аппарата профилактической службы, предшествует исследование массовых криминальных явлений, накопление значительных массивов информации о преступлениях и преступниках различных категорий. Лишь на основе четких представлений о типичном в явлениях преступности можно объективно определить, что представляет собой конкретное лицо.

Представления о явлениях общего порядка соотносятся с оценками конкретных лиц и ситуаций в том смысле, что, во-первых, позволяют точно определить, в какой среде следует искать оперативно интересных субъектов, а во-вторых, на какие характеристики личности и поведения необходимо обращать внимание прежде всего.

Естественно, что дополнение профилактической работы мерами виктимологического плана должно основываться на данных о потерпевших, их личности, поведении, роли в механизме преступлений, отражающих в этих обстоятельствах наиболее типичное.

Получение таких данных возможно лишь при условии правильно организованного виктимологического изучения. К основным направлениям такого изучения, как это следует, в частности, из разработанных для этой цели классификаций потерпевших, относятся следующие:

- а) исследование личностных качеств потерпевших от преступлений (должны изучаться все качества личности, но в первую очередь, как уже отмечалось, виктимность на психологическом уровне);
- б) исследование поведения потерпевших в различных наиболее типичных ситуациях, относящихся к различным видам преступлений;
- в) исследование взаимоотношений между потерпевшим и преступником в той мере, в какой они определяют характер и динамику криминальных событий, в том числе выбор жертвы и способа совершения преступлений;
- г) исследование непосредственно самих ситуаций, в которых реализуются личностные качества как потерпевших, так и преступников — иначе говоря, ситуаций, «ожидających» конкретных преступника и потерпевшего.

Это изучение должно охватывать ситуации различных преступлений и учитывать временные колебания в совокупности с данными тех или иных потерпевших. Располагая данными о типичных характеристиках всех этих обстоятельств, можно с большей эффективностью организовать профилактическую работу в отношении конкретных лиц, представляющих интерес в виктимологическом отношении.¹

В практическом плане использование виктимологических возможностей в профилактике преступлений зависит от того, как полно и своевременно выявляются потенциальные потерпевшие и конкретная обстановка, чреватая возможностью совершения преступлений.²

¹ Риеман Д. В. Указ. дисс. С. 252–260.

² В данном случае имеются в виду лица, которым грозит причинение вреда; которым уже причинен и вновь может быть причинен вред; а также те, которым больше ничто не грозит, если обстоятельства причинения им вреда в достаточной мере типичны.

Выявление потенциальных потерпевших представляет собой трудную задачу, если учесть, что многие лица, уже пострадавшие от преступных действий, тем не менее избегают обращения в компетентные органы.

Так, по данным опроса по Санкт-Петербургу, не сообщили в милицию о совершенном в отношении них преступлении в 1998 г. — 70,3%; в 1999 г. — 69,2%; в 2000 г. — 73,7% жертв.¹ Поэтому необходимо использовать в качестве информационных источников все возможности, которыми располагают органы внутренних дел.

Выявление лиц, обладающих повышенной виктимной предрасположенностью, при всей сложности существенно различается в зависимости от того, индивидуальная это или групповая предрасположенность. Сравнительно простым представляется выявление лиц, повышенная виктимность которых связана с их профессией.

По-иному обстоит дело при выявлении лиц, индивидуальная повышенная виктимность которых связана с их поведением или какими-либо демографическими аспектами. Факты негативного поведения, зарегистрированные посредством различных методов и средств, в том числе учета органов милиции, могут быть использованы для выявления лиц, многие из которых представляют оперативный интерес не только как потенциальные жертвы. Для выявления остальных могут быть использованы различные возможности, в том числе и сведения об окружении ранее судимых или задержанных лиц.

Конечно, выявление лиц, которые могут с наибольшей вероятностью стать жертвами преступников, связано отнюдь не только с использованием тех или иных информационных источников. Кроме того, этот процесс представляет собой нечто иное по сравнению с изучением и анализом данных об уже известных потерпевших. В связи с этим возникает как минимум два вопроса: во-первых, реально ли оперативное изучение значительных масс населения, не выходит ли это за пределы практических возможностей органов внутренних дел; во-вторых, не противозаконно ли такое изучение.

Совершенно очевидно (и это ответ на первый вопрос), что эту идею нельзя доводить до абсурда и реально можно и нужно изучать, так сказать, «с выбором», ориентируясь на лиц, так или иначе проявивших себя в виктимно значимом поведении, хотя бы оно и не привело в каких-то конкретных случаях к причинению им вреда.

¹ Указ. опрос. СПб., 2000. С. 55.

Что касается второго вопроса, то в таком изучении, в соответствии с законом, реализуется, в частности, положение ст. 118 УПК РСФСР, обязывающей органы дознания осуществлять оперативно-розыскные меры в целях обнаружения преступлений и принимать меры, необходимые для предупреждения и пресечения преступлений. В данном случае выявление, обнаружение потерпевших (реальных или возможных) — необходимый компонент этой деятельности.

Практическим работникам нужна определенная схема, пользуясь которой они могли бы реально представлять, на кого следует обращать внимание как на виктимологически интересное лицо и почему.

В этом плане, как нам представляется, лучше других классификаций, обобщающих данные о потерпевших, может помочь классификация по наиболее типичному поведению с включением некоторых типологических элементов. Используя эту классификацию, можно, по сути дела, проверить любое лицо на предмет его уязвимости. Вместе с тем эта классификация потерпевших должна (и может) наиболее эффективно работать лишь в совокупности с классификацией ситуаций, с которой она напрямую соотносится. Классификация ситуаций, в принципе, аналогична классификации потерпевших по поведению как схема, позволяющая выявлять ситуации и определять криминологические параметры конкретной обстановки применительно к действиям потерпевших. Вообще окончательную криминологическую оценку поведения потерпевшего можно дать лишь в контексте конкретной ситуации.

В принципе, выявление потенциальных потерпевших может строиться по трем направлениям:

- а) от ситуации, когда, выявляя и анализируя обстановку, мы приходим к конкретным потенциально уязвимым в этой обстановке лицам;
- б) от преступника, когда, путем изучения его связей или типичного поведения, мы определяем круг возможных потенциальных потерпевших от него;
- в) от потерпевшего, когда «выход» на конкретное лицо обнаруживает в нем качества повышенной виктимности.

В сущности, когда мы говорим о выявлении потенциальных потерпевших и виктимологических ситуаций, мы имеем в виду единый процесс, поскольку чаще всего конкретные виктимологические оценки связаны с учетом того и другого компонента. Хотя, конечно, возможны

ситуации, виктимно опасные для любого лица, так сказать, абсолютно опасные.

Ситуации как таковые применительно к организационно-тактической стороне профилактики различаются масштабом — очевидно, можно выделить микро- и макроситуации. К первым относятся, например, ситуации семейного плана, ко вторым — заезд отдыхающих, вывоз детей в летние лагеря, условия стихийного бедствия и др. Масштаб задействования сил и средств, конечно, неодинаков.

В плане реализации негативных моментов ситуации или, по крайней мере, близости такой реализации следует различать ситуации наличные (это ситуации свершившегося факта или непосредственного приближения такой реализации) и потенциальные (ситуации, представляющие опасность в перспективе). Очевидно, резерв времени определяет тактику профилактических мероприятий.

Таким образом, рассматривая процесс выявления потенциальных потерпевших и ситуаций, в которых реально причинение вреда, можно, в плане конкретизации исходных для выбора тактических схем организации профилактической работы данных, представить следующие варианты:

- а) известны конкретный потенциальный причинитель вреда и конкретный потенциальный потерпевший или потерпевшие, так же как и длительно развивающаяся конфликтная ситуация, в которой смена ролей «потерпевший-преступник и наоборот» маловероятна или невозможна;
- б) известны конкретный потенциальный причинитель вреда и потенциальный потерпевший, но ситуация допускает смену ролей. Здесь очевиден лишь элемент исходной агрессивности одного из действующих лиц;
- в) известны участники возможного конфликтного развития событий, но исходная агрессивность кого-либо из них не выяснена;
- г) известен конкретный потенциальный причинитель вреда, определены ситуации, в которых возможно негативное его поведение, но не выявлен потенциальный потерпевший. В данном случае возможно, что и сам потенциальный причинитель вреда еще не остановился на определенной жертве;
- д) известно лицо, поведение или качества которого (то и другое) виктимны, выявлены ситуации, в которых оно может оказаться

потерпевшим, но нет данных о возможном конкретном причинителе вреда;

- е) выявлена лишь ситуация, заведомо опасная для более или менее широкого круга лиц, которых еще предстоит установить и «вписать» в данную ситуацию.

8.3. Тактико-методическое обеспечение виктимологической профилактики

Активное использование профилактических возможностей потенциальных потерпевших от преступлений, более детальный учет всех обстоятельств складывающихся ситуаций требуют модернизации апробированных и, в определенной мере, разработки новых тактических приемов, методических схем профилактики преступлений. В совокупности решение этих задач составляет **тактико-методическое обеспечение** виктимологической профилактики.

Термин «тактика» имеет различные смысловые значения: в военной науке — это искусство ведения боя; в общественно-политической борьбе — это совокупность средств и приемов этой борьбы.¹ Применительно к деятельности по предотвращению преступлений тактика определяется как наиболее целесообразная система правомерных, научно обоснованных и подтверждаемых передовым опытом методов, способов и приемов осуществления оперативно-розыскных и иных мероприятий в целях недопущения преступлений.

Тактические схемы основываются на методах:

- 1) исключения возможности использования способствующих совершению преступления условий путем их выявления и устранения;
- 2) воздействия на лиц, замысливающих или подготавливающих преступление;
- 3) воспрепятствования реализации преступных намерений и действий в оконченное преступление.

Каждый из этих методов может быть реализован и в виктимологическом направлении.

¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953. С. 729.

Виктимологический аспект профилактики преступлений может быть связан с осуществлением мер по устранению ситуаций, чреватых причинением вреда, — это наиболее кардинальный вариант профилактики при условии исключения рецидива такой ситуации.

Меры профилактики могут заключаться в обеспечении личной безопасности потенциального потерпевшего в условиях, когда опасная ситуация как таковая не может быть ликвидирована в силу каких-то объективных обстоятельств, не устранимых в данный момент. В этих целях наряду с охранительными мерами на основании Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. могут осуществляться и оперативно-розыскные мероприятия.

Вместе с тем профилактика преступлений может быть обеспечена и за счет активизации самого потенциального потерпевшего, повышения его защитных возможностей, укрепления воли к самозащите. Сюда включается и необходимость информирования данного лица о грозящей ему опасности. Если налицо негативное поведение возможной жертвы, усилия направляются на нейтрализацию этого поведения, что в данном случае повышает защитные возможности и тем самым снижает личностную виктимность.

Удельный вес тех или иных мероприятий, использование различных профилактических возможностей в предотвращении конкретных замысливаемых или подготавливаемых преступлений зависит от многих обстоятельств:

- а) вида преступления, которым может быть причинен ущерб, характера возможного вреда;
- б) объективной способности потенциального потерпевшего оказать сопротивление посягателю, желания оказать сопротивление;
- в) места и времени возможного преступления;
- г) ожидаемого поведения потерпевшего (положительного, отрицательного);
- д) формальных возможностей изоляции действующих лиц конфликтной ситуации;
- е) наличия у государственных органов (в частности, у органов милиции) сил и средств, достаточных для своевременного пресечения криминального развития событий.

Ясно, что полярные точки соотношения тех или иных мер профилактики виктимологического плана определяются возможностью наступления вреда для жизни и здоровья или другого значительного вре-

да, а также реальными возможностями потенциального потерпевшего оказать эффективное сопротивление преступнику.

Из этих положений вытекает превалирование охранительных мер, осуществляемых органами милиции в целях недопущения преступлений против детей, престарелых, больных, людей, физически слабых, особенно когда реально совершение преступлений, опасных для их жизни и здоровья.

Аналогично (с точки зрения не связанных с потерпевшим возможностей) организуется работа по предотвращению групповых преступлений, поскольку даже способный к сопротивлению человек в подобных обстоятельствах, скорее всего, окажется бессильным.

Если характер возможного преступления и личные качества человека, в отношении которого могут последовать преступные действия, таковы, что он способен оказать успешное сопротивление преступнику, на первое место выдвигается активизация его защитных возможностей. Конечно, в совокупности с мерами, принимаемыми непосредственно органами милиции, прокуратуры, общественными организациями.

В тех случаях, когда повышенная виктимность связана с негативными, антиобщественными качествами личности, на первый план выдвигаются меры воздействия, практически смыкающиеся с мерами воздействия на потенциального преступника. Среди этих мер следует назвать и воспитательные, и принудительные, например направление на принудительное лечение от наркомании.

Здесь нет никакого противоречия: когда проводится профилактическая работа в отношении лица, поведение которого негативно (тем более противоправно), но в то же время опасно и для него самого, традиционная и виктимологическая стороны профилактики преступлений реализуются в совокупности.

Выявление потенциальных потерпевших и организация в отношении этих лиц профилактической работы должны основываться, как на исходных для дальнейшей практической конкретизации, на уже имеющих типологиях и классификациях потерпевших (пусть и небезупречных), которыми сегодня располагает виктимология.

Это прежде всего рабочие классификации. Так к ним и следует подходить. В частности, в процессе профилактической работы, в зависимости от конкретных обстоятельств и решаемых задач, возможно осуществление профилактики, нацеленной на потерпевших от тех или иных преступлений; на различные группы потерпевших, дифференци-

рованные по определенным признакам, — женщины, мужчины, дети, престарелые, занимающие конкретные должности (применительно к тому или иному преступлению, преступлениям любого характера).

Изучение различных классификаций потерпевших, во-первых, даст знание типичного, без чего невозможно осуществлять практически профилактику преступлений, во-вторых, именно на основе различных классификаций, отражающих это типичное, в определенной мере строятся, конструируются тактико-методические схемы профилактики.

Конечно, в большинстве случаев в организации профилактической работы должны использоваться данные, полученные на базе не одной, а всех (или многих) классификаций потерпевших, поскольку возможность и необходимость такого комплексного использования заложена во всех видах виктимологической профилактики — общей, индивидуальной и неотложной.

С этих позиций указание на то, что наиболее подходящей для целей практической профилактики является классификация потерпевших в зависимости от преступлений, нельзя понимать буквально. Но для работы по предотвращению конкретных преступлений и, в известной мере, для общей профилактики данная классификация, безусловно, имеет первостепенное значение.

Ориентируясь на кримино-виктимологическую характеристику конкретного преступления (или криминологически однородных преступлений), можно рассмотреть, соответственно «заузив» до практического уровня, все, что относится к потерпевшему и его поведению, следовательно, все, что нам могут дать иные классификации потерпевших.

При решении задачи предотвращения конкретного замышляемого или подготавливаемого преступления необходимо четко представлять ситуацию, которая, очевидно, сложится при предполагаемом развитии событий, как поведут себя возможные преступник и потерпевший. Если позволяет время, необходимо тщательно изучить всех действующих лиц — участников преступления, которое надлежит предотвратить (в том числе и потерпевшего).

Классификация потерпевших по виду преступления применительно к решению данной задачи удобна тем, что, не принимая во внимание все виктимологические данные, не относящиеся к этому преступлению, можно использовать и классификации по нравственно-психологическим, демографическим признакам, степени «вины» потерпевшего. В конечном счете синтез данных всех классификаций, прошедших через фильтр типичного и специфичного для конкретного преступления, по-

зволит остановиться на определенном типе потерпевшего, создать (учитывая и классификацию типичных ситуаций) обобщенную модель обстановки. На этой основе возможно конструирование тактического решения.

Зная, что представляет собой лицо, которому угрожает опасность, в дополнение к мерам, направленным на потенциального причинителя вреда, можно задействовать защитные ресурсы этого лица, предупредить его об опасности, обеспечить меры защиты «извне», а если для предполагаемой жертвы характерно негативное поведение, то осуществить и меры воспитательного, предупредительного и, в отдельных случаях, принудительного характера.

Внутри классификации по типу преступления, наряду с указанными классификациями, необходимо использовать и классификацию по типичному поведению потерпевших, поскольку изначально в расчете на организацию мер пресечения и защиты необходимо ориентироваться на внешнее проявление потенциальных потерпевших в различных, актуальных на каждый момент времени ситуациях.

Для профилактики может и должно учитываться поведение потенциального потерпевшего в настоящий момент, а также возможное или ожидаемое (в зависимости от конкретной обстановки). Изучение потенциальных потерпевших с позиций типичного для них поведения, даже если не в полной мере ясны его психологические исходные установки, позволит реально вмешиваться в развитие событий, эффективно воздействовать на лицо, подвергающееся опасности. Конечно, без глубокого проникновения в существо поведения вряд ли можно гарантировать, что не будет повторения, рецидива аналогичных действий (такие гарантии часто обеспечиваются лишь позитивными изменениями в личностных характеристиках потенциальных потерпевших), однако можно утверждать, что частный профилактический эффект — предотвращение конкретного преступления, устранение конкретной опасной ситуации — будет достигнут. Даже на такой несовершенной основе можно осуществить различные профилактические меры, потому что нередко важно вовремя вмешаться в ситуацию, остановить криминальное развитие событий, а в дальнейшем, до конца разобравшись в психологических аспектах поведения действующих лиц, в том числе и потенциального или состоявшегося потерпевшего, наметить, в каком направлении вести профилактику дальнего прицела.

Работа по предотвращению какого-либо преступления всегда максимально конкретна. Здесь менее всего подходят «общие» профилакти-

ческие меры, формальный учет тех или иных качеств потерпевшего (и преступника). Поэтому, поскольку аналогичные качества личности по-разному «срабатывают» в различных ситуациях, нельзя отходить от учета конкретной обстановки, специфики конкретного преступления. Учет всех данных, даже самых незначительных, на первый взгляд, обстоятельств виктимологического характера становится тем более важным, чем более реальна задача предотвращения конкретного преступления.

Отсюда вытекает необходимость разрабатывать методики предотвращения отдельных видов преступлений с использованием виктимологических факторов. Это не самостоятельные виктимологические методики, но методики, в которых максимально должны быть учтены виктимологические возможности профилактической работы. Создание методик должно основываться на анализе детерминационных факторов возможно большего числа преступлений одной категории, анализе их типичных черт, выявлении всех деталей ситуаций, поведения преступников, потерпевших и иных компонентов механизма преступления. Поскольку объективные обстоятельства преступлений одной и той же категории различаются, в методике должно содержаться описание типичных ситуаций. Не только в зависимости от вида преступления, но и от типа ситуации и конструируется методика, в которой необходимо предусмотреть варианты действий преступников, включая и направленные на противодействие работникам милиции, на причинение вреда потерпевшим. Имеется в виду и намеренное причинение вреда и «по ходу дела».

В равной мере необходимо предусмотреть, как может повести себя потерпевший, сможет ли он противодействовать преступнику, вообще разберется ли он в ситуации. Организационно-тактическая часть методики должна включать подробное описание и перечисление, с указанием последовательности, всех действий, осуществляемых работниками милиции в целях предупреждения или пресечения преступления, включая применение специальных технических средств, имеющихся в их распоряжении. В зависимости от вида преступления и характера вреда, который может быть причинен потерпевшему, предусматриваются меры обеспечения его безопасности и нейтрализации преступника. Естественно, наиболее детально должны быть разработаны варианты обеспечения безопасности в тех случаях, когда возможно причинение вреда жизни и здоровью.

Таким образом, методика должна учитывать и типичное, и индивидуальное: особенности поведения человека (в какой бы роли он

ни выступал), характеризующиеся разнообразием, значительной вероятностью отклонения от средних норм, т. е. должна содержать альтернативные планы действий.

Разработка таких методик представляется наиболее актуальной для организации предотвращения и пресечения (неотложная профилактика) насильственных преступлений на бытовой почве, других насильственных преступлений, половых преступлений, имущественных преступлений (мошенничества, краж, разбоев и грабежей), дорожно-транспортных преступлений и преступлений, совершаемых по неосторожности, а также преступлений против здоровья, не носящих насильственного характера (криминальный аборт, заражение венерическим заболеванием) и др. Эти методики должны содержать рекомендации по использованию гласных и негласных методов работы, в необходимой мере ориентированных как на возможного причинителя вреда, так и на возможную его жертву.

В целом тактика использования виктимологических возможностей профилактики преступлений (применительно к индивидуальной и общей профилактике) заключается в:

- а) максимальном использовании защитных возможностей потенциальных потерпевших, что может быть достигнуто за счет организации соответствующей целенаправленной воспитательной работы: физического воспитания, полового воспитания, обучения приемам самозащиты, развития таких качеств, как смелость, решительность, наблюдательность, критичность;
- б) правовом обучении и воспитании, с тем чтобы граждане знали законодательство о необходимой обороне, не опасались противодействовать преступнику, а также сообщали в органы милиции о совершенных или готовящихся преступлениях;
- в) качественном увеличении возможностей лиц, подвергнувшихся нападению, противодействовать преступнику за счет обеспечения техническими средствами защиты — от охранной сигнализации до вооружения тех из потенциальных потерпевших, которые имеют на это право;
- г) определенном переориентировании на потерпевшего оперативно-розыскной деятельности, как в плане ее информационных возможностей, так и осуществления мер профилактического характера. Такая работа «от потенциального потерпевшего к преступнику» позволит по целому ряду преступлений (против личности, мо-

шенничество и др.) более эффективно выявлять назревающие преступления, предотвращать их, обеспечивая безопасность подвергающихся опасности лиц.¹

8.4. Общая виктимологическая профилактика

Общая виктимологическая профилактика не имеет в виду конкретное лицо, а осуществляется в отношении множества лиц, так или иначе втянутых в сферу действия негативных обстоятельств виктимологического плана. Она реализуется, в принципе, по трем направлениям:

- а) выявление и устранение обстоятельств, играющих роль внешних негативных воздействий на личность, формирующих у нее качества повышенной виктимности, выражающиеся в негативном виктимном поведении. Сюда же следует отнести и выявление (с последующим устранением) фактов отсутствия необходимых положительных воздействий, в силу чего возникают ситуации бездействия, пассивности, неумения противодействовать нападению и др., проявляющихся на массовом уровне;
- б) выявление и устранение условий (обстановки, ситуаций), способствующих реализации качеств повышенной виктимности определенных категорий лиц, проявляющейся в виктимоопасном поведении;
- в) выявлении и устранении условий (обстановки, ситуаций), способствующих реализации качеств повышенной виктимности определенных категорий лиц, независимо от их поведения.

Наиболее важным является осуществление общей виктимологической профилактики в отношении:

¹ Франк Л. В. называет среди форм виктимологической профилактики воспитательную работу, правовые меры, технические средства защиты и оперативно-розыскные меры, направленные на обеспечение безопасности потерпевших. См.: Франк Л. В. Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалогии. Душанбе, 1966. С. 151.

Фаттах А. указывает на необходимость разработки средств устрашения и наказания жертв с негативным поведением, а также «терапевтического» воздействия на жертв с тем, чтобы не допустить повторения.

На социологическом, психологическом и биологическом уровнях рассматривает профилактику Гассер. (Цит. по: Укрепление законности. Душанбе, 1973. Ч. 3. С. 153.)

- а) преступлений против жизни и здоровья, половой неприкосновенности и некоторых других насильственных преступлений, совершаемых на улицах и в общественных местах;
- б) насильственных преступлений, совершаемых на бытовой почве;
- в) корыстно-насильственных преступлений: разбоев, грабежей, совершаемых на улицах, в общественных местах и при иных обстоятельствах;
- г) краж личного имущества из квартир и иных хранилищ;
- д) мошенничества и краж из карманов и сумок, а также путем «подсидки» в предприятиях торговли, транспорта, на курортах и др.;
- е) «добровольных» преступлений: криминальных аборт, заражение венерическим заболеванием, спекуляции, некоторых других;
- ж) автотранспортных преступлений.

Общая виктимологическая профилактика включает:

- а) правовую пропаганду, разъяснительную работу с населением, имеющую целью показать опасность и распространенность тех или иных преступлений (разумеется, с соблюдением чувства меры), способы действий и уловки преступников; для этого могут быть использованы беседы с населением, СМИ и др.;
- б) обучение определенных групп, категорий лиц, занимающих должности или выполняющих обязанности, связанные с повышенным риском;
- в) меры по активизации населения, направленные на то, чтобы граждане устанавливали индивидуальные средства технической защиты своего жилища, сигнализацию;
- г) меры, обеспечивающие сохранность имущества в гостиницах, общежитиях (организацию камер хранения, пропускного режима, обучение обслуживающего персонала);
- д) непосредственное наблюдение за лицами, ведущими себя неосмотрительно в общественных местах, и своевременное вмешательство в виктимоопасные ситуации и т. д.

Основываясь на знании типов личности потерпевших от определенных преступлений, учитывая, что агрессивное, пассивное и другое виктимное поведение несет различную детерминационную нагрузку и должно учитываться не только в индивидуальном виктимологическом воздействии, можно внести в работу по выявлению и ликвидации при-

чин преступлений и условий, им способствующих, полезные дополнения виктимологического плана.

В частности, при организации профилактической работы общего направления следует ориентировать мероприятия на группы лиц, наиболее виктимные в отношении тех или иных преступлений, предусмотрев меры, нейтрализующие обстоятельства, при которых эта виктимность реализуется.

Так, общепрофилактические меры должны включать действия по устранению ситуаций, чреватых возможностью виктимных последствий, путем создания условий, исключающих или значительно затрудняющих агрессивное и вместе с тем опасное поведение потенциальных жертв. Такие меры, как правило, нацелены на ситуации большого масштаба (в частности, работа патрульно-постовой службы).

В расчете на некритичных потенциальных жертв необходима эффективная, грамотно организованная правовая пропаганда, разъясняющая, какими могут быть последствия неосторожного виктимного поведения применительно к наиболее типичным ситуациям преступлений.

К числу мероприятий общей профилактики, имеющих отношение в первую очередь к **инициативным** потенциальным жертвам из числа лиц, не занимающих какого-либо официального положения, следует отнести широко организованную правовую пропаганду, имеющую целью показать, как, в каких пределах и какого характера активное вмешательство является законным применительно к наиболее типичным ситуациям преступлений. Это очень важно, например, при формировании студенческих молодежных отрядов, при создании молодежных оперативных отрядов. Дело в том, что по незнанию проявляемая инициатива иногда оказывается и неоправданно опасной для самого лица, и переходит в нарушение закона. В этом плане определенное профилактическое значение (в его виктимологическом аспекте) имеет знание законов, приказов, инструкций. Применительно к инициативным потерпевшим особое значение приобретает и работа по разъяснению уголовного законодательства о необходимой обороне.

Так как многие преступления совершаются на улицах и в общественных местах в отношении лиц, находящихся в состоянии опьянения, т. е. на данный момент являющихся **пассивными** жертвами, наружной службе милиции следует систематически контролировать находящихся в состоянии опьянения посетителей ресторанов, кафе, ночных клубов и т. д.

Организуя общую профилактику половых преступлений (и совершаемых по сексуальным мотивам), необходимо предусмотреть охранительные меры обеспечения непосредственной безопасности в отношении таких групп, как женщины (легкомысленного поведения, одинокие, работающие в вечернюю смену), и особенно несовершеннолетние.

Важное место наряду с индивидуальными мерами профилактики половых преступлений в отношении несовершеннолетних, относящихся в большинстве к **пассивным** жертвам, занимают меры, направленные на создание условий, исключающих возможность совершения половых преступлений. К этим мерам следует отнести «закрытие» силами патрульно-постовой службы мест, где наиболее вероятно совершение половых преступлений: садов, парков, детских площадок, городских и загородных пионерских лагерей, территорий дошкольных детских учреждений и др. Конечно, каждую детскую площадку невозможно обеспечить надзором патрульного или постового милиционера, однако работники милиции могут организовать дежурство общестественности школ и жителей, в беседах с родителями предупредить о необходимости не оставлять детей без надзора на улицах, во дворах, садах, парках.

Так как половые преступления нередко совершаются в подвалах и на чердаках (там уединяются чаще всего несовершеннолетние преступники со своими жертвами, причем они обычно знают друг друга), необходимо следить, чтобы не было свободного доступа в эти помещения. В аналогичных ситуациях потерпевшими могут оказаться и взрослые женщины.

Поскольку значительная часть **некритичных** потерпевших — это лица, заразившиеся венерической болезнью, оказавшиеся жертвами насильников и развратителей, следует использовать такую форму специально-виктимологической и медицинской пропаганды, как беседы «только для мужчин» или «только для женщин», в которых свое место должны найти и убедительная аргументация, и поучительные примеры некритичного виктимного поведения.

Специфической формой виктимологической профилактики является разъяснительная работа, рассчитанная на широкую массу людей, составляющих резерв потенциальных **некритичных** потерпевших от мошенничества. Следует через продавцов, администраторов торговых предприятий, с использованием радиотрансляционной сети торговых предприятий предупреждать покупателей о возможности встречи с

мошенниками, предлагающими «обменять валюту», «что-то дешево продать».

Представляется полезным вывешивать специально посвященные фактам мошенничества, карманных краж стенды.

Большой профилактический эффект в отношении **некритичных** потерпевших дает обеспечение должного внутреннего порядка в общественных местах, где нередки изнасилования, хулиганства, причинение телесных повреждений и даже убийства.

Устранение ситуаций, возникающих в силу **пассивного** или **некритичного** поведения потерпевших от имущественных преступлений, достигается также и за счет внедрения средств охранной сигнализации в квартирах граждан, установки, по предложениям работников милиции, сложных замков, двойных дверей.

В целом общая виктимологическая профилактика преступлений против жизни и здоровья должна обязательно включать меры, ориентированные на такие, как правило, «невиновные» виктимологические группы, как несовершеннолетние; пожилые; женщины; лица, профессиональные обязанности которых связаны с риском для жизни (сотрудники правоохранительных органов, судьи и др.); такие «виновные» группы, как домашние деспоты; квартирные скандалисты; просто хулиганы; а также другие лица, поведение которых может носить аморальный, противоправный и одновременно опасный для них характер, и т. д.

Общая профилактика криминальных абортот и заражения венерическим заболеванием практически невозможна, если она четко не направлена на наиболее типичных потенциальных потерпевших от этих преступлений — женщин и мужчин, неразборчивых в установлении интимных контактов; женщин, имеющих низкий общий культурный и образовательный уровень; одиноких и др.

Общая профилактика имущественных преступлений должна включать меры предупреждения (предостережения), воспитания, обучения, обеспечения безопасности таких групп, как туристы; лица, приехавшие за покупками; одинокие пожилые лица, проживающие в отдельных квартирах; лица, склонные к установлению случайных контактов.

Общая профилактика экономических преступлений и преступлений, связанных с экономическими отношениями, должна включать меры активизации самозащиты лиц, занятых в предпринимательской деятельности, включая формирование у них готовности к финансовым затратам на обеспечение личной и имущественной безопасности.

При организации общей профилактики, следовательно, надо учитывать поведенческие качества виктимности, ситуации их реализации, «географию» тех или иных преступлений, соотношения определенных групп потерпевших и определенных категорий преступников в конкретных преступлениях и др.

Поскольку различные группы лиц, объединенных общими для них социальными или психобиологическими качествами, могут быть уязвимы в отношении значительного круга преступных посягательств, постольку и общая профилактика, помимо ориентации на конкретный вид преступления, может организовываться непосредственно с прицелом на конкретные группы населения, граждан.

В целом разнообразные общепрофилактические меры могут быть сведены к двум основным блокам:

- а) активизация защитных возможностей, обучение, воспитание — сюда относятся правовая пропаганда, профессиональное обучение лиц «опасных» профессий, обучение с целью выработки необходимой предусмотрительности, критичности (все это — применительно к группам, а не отдельным лицам), снабжение, в отдельных случаях, оружием и специальными средствами защиты и т. д.;
- б) обеспечение безопасности «извне»: соответствующая организация работы патрульно-постовой службы милиции, установка охранной сигнализации в квартирах, меры по благоустройству территории (например, освещение) и др.

8.5. Индивидуальная виктимологическая профилактика в отношении потерпевших с различным виктимным поведением

Индивидуальная виктимологическая профилактика в отличие от общей и неотложной, которые при всей их значимости все же в большей мере выступают как своеобразные «вкрапления», «добавки» в те же направления традиционной профилактики, — работа от начала до конца самостоятельная.

Это комплекс мер, направленных на выявление лиц, которые, судя по их поведению или совокупности личностных качеств, могут с наибольшей вероятностью оказаться жертвами преступников, позитивное воздействие на них и обеспечение их безопасности.

Индивидуальное профилактическое воздействие на потенциальных жертв должно основываться на учете психологии этих лиц, анализе установок, мотивов, в целом движущих сил того или иного поведения.

Индивидуальная профилактика всегда имеет своим объектом конкретное лицо (не группу, как общая профилактика).

Профилактическая работа, меры профилактического воздействия и организуются в расчете на конкретное лицо, независимо от того, к какому направлению (общему, специальному) они относятся.

Поэтому классификация по типу поведения выступает как основа для тактических схем профилактического воздействия в отношении потенциальных потерпевших.

Исходя из этой классификации, можно вести профилактическую работу с лицом, рассматривая его как возможный объект преступных посягательств в ситуациях более или менее широкого круга преступлений, при условии, что в данное время ему ничто непосредственно не угрожает.

Часто на практике профилактическую работу приходится начинать, не располагая всей необходимой информацией, и в этом плане поведенческая классификация весьма полезна.

Разумеется, оценка внешних проявлений индивида — объекта индивидуальной профилактики в демонстрируемом им поведении — лишь начальный исходный момент.

Для того чтобы выработать систему воздействий на определенного человека, необходимо иметь полное представление о нем как о личности. Такое представление как минимум складывается из знания позитивных и негативных черт нравственно-психологического облика данного лица и оценки потенциалов его общей и специальной виктимности, т. е. того, как могут негативно проявиться те или иные личные качества в опасных ситуациях. Чем более широк круг предполагаемых опасных ситуаций, тем более сложна оценка виктимности.

В этом плане оценка по поведенческому параметру выступает в виде подхода к определению психологического типа индивида. Таким образом, срабатывает четырехэтапная схема охвата объекта, конкретного, «интересного» в виктимологическом отношении лица:

- а) выявление объекта индивидуальной профилактики по характерному для него поведению и определение классификационной категории;

- б) осуществление первоначальных мер, направленных на нейтрализацию внешних негативных воздействий и негативных проявлений в поведении самого профилактируемого индивида;
- в) изучение индивида на психологическом уровне и определение социально-психологического типа, к которому он относится;
- г) выработка возможно полного представления о личности профилактируемого и реализация воспитательно-предупредительных мер с учетом индивидуальных характеристик данного лица [128, с. 192].

Исходя из типобразующих поведенческих характеристик потерпевших (жертв), мы и рассмотрим (конечно, далеко не в полном объеме) меры индивидуальной виктимологической профилактики.

Индивидуальная виктимологическая профилактика в отношении агрессивных потерпевших

Хотя агрессивность потенциальных потерпевших может основываться на самых различных мотивах, сами они могут оказаться жертвами преступлений против жизни и здоровья, в которых причинителями вреда выступают лица, противодействующие исходному агрессивному поведению. Поэтому участие или попытка участия лица в непроступных агрессивных действиях или в преступлениях насильственного плана (разбой, грабеж, хулиганство, изнасилование, оскорбление), имущественных (мошенничество, кража) может привести к тому, что данное лицо окажется потерпевшим (это может быть убийство, телесное повреждение и т. д.). Соответственно мероприятия профилактики в данном случае во многом схожи с мероприятиями, осуществляемыми в отношении лиц, от которых можно ожидать совершения преступления.

Исходным для осуществления виктимологического направления профилактики является весь комплекс мер, направленных на профилактику преступления как такового. Достижение результата в данном случае обеспечит и отсутствие вредных последствий.

Среди тактических приемов профилактики могут быть использованы все, начиная от воздействия через любые каналы на потенциального потерпевшего вплоть до мер по его изоляции и привлечения к ответственности. Воздействие на лицо всегда направлено на то, чтобы склонить его к отказу от агрессивных намерений, действий. Успех здесь достигается на различных уровнях: от решения частной задачи на данное время — отказ от преступных действий в определенный момент и в

определенной обстановке до положительного изменения установки лица и на этой основе обеспечения нормального поведения его в дальнейшем. И в том и в другом варианте (в основном в первом) особую роль играет использование при воздействии аргументации виктимологического содержания. Создание у человека убеждения в неизбежности вреда для него самого при его агрессивном поведении в предупредительном плане часто значительно эффективней прочих доводов. Практика показывает, что в тактическом отношении такую аргументацию следует при наличии возможностей «доводить» до объекта виктимологической профилактики, через специальные каналы оперативных аппаратов органов внутренних дел. Следует подчеркнуть, что агрессивное поведение явившееся основанием отнесения его к данной классификационной группе, позволяет определить в первоначальном (так сказать, на оперативном уровне) варианте схему мер профилактического воздействия и нейтрализации. Однако дальнейшее воздействие с целью добиться от лица стабильного позитивного изменения поведения возможно лишь с учетом его социально-психологических характеристик. На этом этапе необходимо использовать данные типологии потерпевших, с тем чтобы индивидуализировать профилактическую работу. Очевидно, что содержание этой работы (и, в частности, аргументации виктимологического характера) будет различным в отношении различных потерпевших, например — агрессивного насильника общего плана и семейного деспота, агрессивного провокатора общего плана с сексуальной мотивацией поведения и избирательно-агрессивного провокатора — жены, изменяющей мужу и систематически создающей в семье конфликтную обстановку, и т. д.

Если в результате профилактического воздействия потерпевший осудит свое поведение, есть основания полагать, что это свидетельство стабильных положительных изменений в его представлениях, установке. В отношении потерпевших агрессивного поведения это особенно важно и показательно, поскольку негативный характер их действий наиболее очевиден, и позиция самооправдания в этих случаях говорит о неэффективности избранных мер воздействия.

Благодатной почвой для воспитательного воздействия является чувствительность некоторых лиц к осуждению окружающих (членов семьи, близких, товарищей по работе и т. д.).

Поэтому необходимо использовать возможности такого положительного влияния микросреды. Если же налицо безразличное отношение к осуждению, к воспитательным мерам, осуществляемым в профи-

лактических целях, — необходимо искать иные, более эффективные пути воздействия, а в качестве страховки от негативных проявлений усилить меры оперативного контроля.

Если агрессивное виктимное поведение проявляется в ситуациях семейного, бытового плана, необходимо принимать меры к изоляции враждебно настроенных по отношению друг к другу лиц, вместе проживающих или работающих, включая выселение за невозможностью совместного проживания, принудительный обмен жилья, обеспечение возможности выезда на работу в другое место.

В отношении агрессивно ведущих себя лиц, если они злоупотребляют алкогольными напитками, принимают наркотические вещества, страдают психическими отклонениями, необходимо использовать возможности принудительного лечения, так как в дополнение к лечебному эффекту это обеспечивает их временную изоляцию.

В организационном плане для осуществления профилактического воздействия необходимо восстановить и использовать такие известные, «опробованные» формы, как шефство по месту жительства и работы. В отношении семейных дебоширов очень важно задействовать возможности взрослых членов семьи, соседей для создания обстановки нетерпимости, всеобщего осуждения, наконец, для формирования у дебошира убеждения, что он не избежит наказания. Наличие в настоящее время опорных пунктов милиции позволяет строить работу так, чтобы любое проявление агрессивного поведения немедленно влекло оперативное реагирование, пресекающее криминальное, в том числе и виктимное, развитие событий.

Определенной гарантией того, что виктимологические возможности воздействия на агрессивных потенциальных потерпевших не будут забыты, может быть и отражение в документах профилактического учета наряду с другими и виктимологических характеристик, что, в свою очередь, неминуемо повлечет включение в число профилактических мер и тех, о которых идет речь.

Индивидуальная виктимологическая профилактика в отношении активных потерпевших

Для данной категории потерпевших характерно обращение с просьбой о причинении им вреда или действия, направленные на самопричинение вреда.

Профилактику в отношении этого типа жертв необходимо осуществлять по двум направлениям:

- а) воздействуя непосредственно на потенциального потерпевшего;
- б) воздействуя на потенциального причинителя вреда, если, разумеется, таковой имеется.

Эти направления явно просматриваются, когда речь идет о профилактике таких преступлений, как членовредительство, производство криминального аборта, убийство по просьбе из жалости, по мотиву сострадания. Во всех этих преступлениях действия причинителя или самопричинителя вреда умышленные, они направлены на причинение вреда, хотя характер его не всегда соответствует предполагаемому (желаемому). Вместе с тем в предупреждении и тех преступлений, где поведение потерпевшего, причинившее ему вред, было неосторожным по отношению к результату, так же как и действия других лиц по его просьбе, оба эти направления воздействия должны использоваться. Естественно, что в практическом смысле здесь следует говорить о комплексе мер, направленных на предотвращение того преступления, в котором исходным моментом является просьба потерпевшего или его собственные, направленные на причинение вреда действия. Так, например, профилактика таких преступлений, как угон автотранспорта (возможна авария), браконьерство с использованием взрывчатых веществ (возможны различные случайности) и т. д., «снимает» возможность причинения вреда.

В тактическом плане воздействие на потенциальных потерпевших должно включать предупреждение о возможности (или, что лучше, неизбежности) привлечения к уголовной ответственности как самого потерпевшего, так и лица, причинившего вред по его просьбе. Это предупреждение, в зависимости от конкретных обстоятельств, может быть осуществлено в форме непосредственного контакта с потенциальным потерпевшим или потенциальным причинителем вреда. Цель воздействия — добиться отказа от совершения преступления.

Помимо непосредственного воздействия на потенциальных действующих лиц преступления следует широко использовать меры, исключающие или затрудняющие приведение преступного умысла в исполнение, даже если отказа от него не последовало. Кстати сказать, нередки ситуации, когда по различным причинам приходится обращаться только к этой части профилактических возможностей.

Среди этих мер, а они могут быть полностью отнесены к мерам по ликвидации криминогенной ситуации, необходимо выделить организацию надзора за потенциальной жертвой со стороны родственни-

ков, соседей, общественности по месту жительства и учебы, милиции. Особое место в виктимологическом направлении профилактики занимает медицинский надзор и контроль (для таких преступлений, как производство криминального аборта, убийство из жалости). Там, где это возможно, надо изолировать потенциального потерпевшего от лица, намеревающегося по просьбе причинить вред. (Например, своевременный призыв в армию прервет опасный контакт; помещение больного в лечебное учреждение лишит его возможности воздействовать на лицо, способное из жалости совершить убийство.)

Ликвидация возможностей совершить преступление может осуществляться и на более отдаленном этапе за счет того же устранения способствующих преступлению условий. Так, если возможное преступление связано с пребыванием на определенной должности, позволяющей, например, похитить или приобрести оружие, взрывчатые вещества, яды, увольнение существенно облегчит профилактику преступления (увольнение может относиться, в зависимости от обстоятельств, и к потерпевшему, и к преступнику).

Наиболее действенный эффект профилактического характера может быть достигнут за счет длительного позитивного воздействия, обеспечивающего положительное формирование личности, что применительно к наиболее характерным для активных жертв преступлениям связано с половым воспитанием, формированием твердых нравственных представлений о гражданском долге, отношении к чужому имуществу и др.

Источниками информации о различных активных потерпевших могут быть данные, поступающие из лечебных учреждений, особенно детских консультаций и онкологических больниц, из военкоматов, писем и заявлений граждан, общественности.

Что касается организации профилактической работы в отношении этой категории потенциальных потерпевших, то в пунктах охраны общественного порядка необходимо иметь соответствующие сведения о них, что позволило бы проводить систематическое наблюдение и надзор за данными лицами и осуществлять воспитательную работу с ними.

Индивидуальная виктимологическая профилактика в отношении инициативных потерпевших

Эта категория потенциально уязвимых лиц включает в первую очередь лиц, профессиональная деятельность которых чревата возникновением конфликтных ситуаций (в частности, сотрудники государственных органов, администраций, депутаты). По характеру вреда,

причиняемого данным лицам, это чаще всего преступления против жизни, здоровья, достоинства личности.

В отношении этой категории потенциальных потерпевших важное место занимают меры обучения. Это система мер по обучению приемам самозащиты как лиц, положение которых обязывает их к рискованным вмешательствам, так и всех граждан, всего населения. Обучение приемам самозащиты должно сочетаться с обучением распознавания преступников по особенностям их поведения и опасных ситуаций по типичным внешним признакам.

Система обучения и воспитания должна включать в себя формирование предусмотрительности, трезвого расчета, умения выбрать наиболее целесообразную линию поведения в сложных ситуациях, воспитание таких необходимых моральных качеств, как смелость, мужество, решительность.

Поскольку обучение и воспитание организуется в отношении лиц определенного должностного и общественного положения (например, работников милиции, дружинников), можно говорить о виктимологическом аспекте профессионального обучения.

В профилактическом отношении огромное значение имеет правильный профессиональный отбор. Это поможет существенно снизить разрыв между требуемыми и имеющимися способностями лиц, занятых на определенных должностях. Отсюда и снижение виктимности отдельных лиц и категорий по профессиям. В определенной мере о профессиональном отборе можно говорить и в отношении лиц, привлекаемых к работе на общественных началах. (Очевидно, не всякое лицо способно выполнять обязанности по охране общественного порядка в качестве народного дружинника, обязанности общественных инспекторов и др.)

В плане предотвращения причинения вреда при вмешательствах инициативных жертв в ситуации преступления следует использовать и такие меры, как снабжение охотничьим оружием общественных и профессиональных инспекторов, которые могут оказаться один на один с браконьерами, специализированными средствами защиты дружинников, водителей такси и т. д. В этом отношении возможности сегодняшнего дня крайне ограничены, но разработку таких средств можно и должно наладить.

В целом работа службы милиции общественной безопасности, уголовного розыска, профилактической службы должна быть организована так, чтобы практически было обеспечено максималь-

но оперативное вмешательство в опасные ситуации, в которых действуют лица, проявляющие положительную инициативу (это сочетание индивидуальной и неотложной профилактики). При наличии в настоящее время систем патрулирования на автомашинах и мотоциклах, снабженных радиостанциями, было бы целесообразно на время несения дежурств снабжать средствами радиосвязи и народных дружинников.

Таким образом, в отношении данной категории потенциальных потерпевших система профилактики состоит из мер:

- а) направленных на обучение и воспитание каждого конкретного лица (для должностных лиц правоохранительных органов — это элемент профессионального обучения);
- б) обеспечения их средствами индивидуальной защиты и создания такой системы взаимодействия по линии «инициативное лицо — орган милиции», при которой вмешательство милиции было бы максимально эффективным;
- в) законодательных в плане совершенствования законов о необходимой обороне;
- г) индивидуального правового воспитания граждан.

Каких-либо сложностей в выявлении потенциальных жертв этой категории не возникает, так как сама принадлежность — должностная, профессиональная, по общественному положению — является исходной для осуществления соответствующих профилактических мероприятий виктимологического характера.

В тех случаях, когда инициативные потенциальные жертвы не занимают официального положения, сведения о них поступают в основном из гласных источников, чаще всего в процессе расследования уголовных дел и проверки материалов.

Индивидуальная виктимологическая профилактика в отношении пассивных потерпевших

В данном случае виктимологическая профилактика должна строиться в расчете на потерпевших двух типов: объективно способных оказать сопротивление преступнику и объективно на это не способных. Потерпевшие с пассивным поведением чаще всего встречаются в таких преступлениях, как умышленное убийство, причинение телесного повреждения, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, развратные действия, разбой, грабеж, хулиганство, угроза убийством, тяжким телесным повреждением, поджогом.

С целью профилактики преступлений в отношении лиц, объективно не способных (стабильно или временно) противодействовать преступнику, необходимо проведение различных мероприятий.

В отношении пассивных потерпевших — больных, престарелых, подвергающихся насилию, издевательствам со стороны родственников и близких им лиц — целесообразно помещение их в дома престарелых и лечебные учреждения. Такая мера позволит ликвидировать опасный контакт между потерпевшим и причинителем вреда и тем самым образует резерв времени для организации дальнейшей профилактической работы.

При наличии оснований могут быть использованы меры, обеспечивающие безопасность пассивного потерпевшего за счет изоляции не его, а причинителя вреда. Здесь возможно привлечение к уголовной ответственности по ст. 119 УК РФ, а также и за другие преступные действия, квалифицируемые иным образом. Такая возможность нередко имеется, так как преступные действия носят систематический характер.

Реальный профилактический эффект дает и такая изолирующая мера, как принудительный размен квартиры или принудительное выселение причинителя вреда. Ликвидация напряженной ситуации и контакта между потерпевшим и причинителем вреда во многом уменьшает возможность криминального развития событий.

Профилактическое воздействие в семейных и «квартирных» ситуациях может быть обеспечено организацией надзора соседей за семьями и квартирами, где имеются пассивные потерпевшие. Систематический надзор соседей во взаимодействии с работниками милиции позволит эффективно влиять на возможного причинителя вреда хотя бы за счет устрашения, убеждения его в неизбежности наказания за причинение вреда.

Вместе с тем следует максимально широко использовать и привлечение взрослых членов семьи для осуществления непосредственной охраны, вмешательства в опасные ситуации, сообщения органам милиции о преступлениях, направленных на пассивного потерпевшего. Особое значение имеет такая организация усилий лиц из непосредственного окружения потерпевшего и причинителя вреда, которая приводит к созданию атмосферы нетерпимости по отношению к причинителю вреда, но вместе с тем и обеспечивает нормальные условия совместного проживания при положительном его поведении.

Большое значение имеют также систематические проверки работниками милиции неблагополучных семей, квартир. Вообще даже в том

случае, когда нет прямых указаний на то, что в отношении одиноких лиц, больных, престарелых совершаются какие-либо незаконные действия проживающими с ними совместно лицами, целесообразно систематически выяснять, нет ли таких фактов.

Если пассивность лиц связана с употреблением алкогольных напитков или наркотических средств, одурманивающих веществ, при наличии к тому показаний, необходимо содействовать помещению таких лиц на лечение в специализированные лечебные учреждения.

В отношении пассивных жертв, которые объективно могут противодействовать причинителям вреда, но не делают этого по различным причинам, профилактические меры, помимо направленных на непосредственную их защиту, связаны с активизацией этих лиц, воспитанием в них сознания необходимости противодействовать преступнику. Сюда относятся воспитательные беседы, направленные на формирование у лиц пассивного поведения решительности, смелости, мужества, понимания права на защиту в соответствии с законом. Таким потерпевшим необходимо внушать, что их отношение к огласке, боязнь «выносить сор из избы», принципиально неверно, противоречит не только правилам общежития, но и их собственным интересам. Аргументация в этих случаях должна основываться на показе безотрадной перспективы пассивного поведения. Активизация потерпевших — сложное дело, так как в этих случаях приходится преодолевать не только страх, стыд, но и воспитанное годами представление о том, например, что драки и угрозы мужа — явление чуть ли не естественное. В некоторых случаях в основе пассивного поведения лежат религиозные убеждения. Отчасти это можно скорректировать с помощью других верующих.

Было бы целесообразно в опорных пунктах милиции создавать стенды, наглядно иллюстрирующие, как трагически заканчивается для потерпевших их «непротивление».

Значительную часть пассивных жертв составляют несовершеннолетние. Конечно, было бы неправильно полагать, что любое несовершеннолетнее лицо уже в силу этого обстоятельства объективно не способно сопротивляться преступнику. Многое здесь зависит от вида посягательства, ситуации, личности преступника и потерпевшего. Однако чаще всего все-таки мы имеем дело с объективно не способными к противодействию лицами или, по крайней мере, способными физически, но недостаточно ясно понимающими опасность ситуации, в которой они оказались.

Несовершеннолетних, подвергающихся побоям, разлагающему влиянию взрослых в семье, следует изолировать. Это можно рассматривать как профилактическую меру. Вмешательство в судьбу подростка может быть связано с кардинальным изменением условий его жизни. В частности, в определенных случаях может быть поставлен вопрос о лишении родительских прав; если оставлять несовершеннолетнего в семье нельзя, он может быть помещен в интернат, передан другим родственникам.

Поскольку многие преступления в отношении несовершеннолетних связаны с их участием в различных преступных формированиях подростков, влиянием на них взрослых подстрекателей и организаторов преступлений, виктимологический аспект профилактики заключается и в мерах, направленных на ликвидацию преступных групп, изоляцию подростков от подстрекателей.

Мероприятиями виктимологической профилактики в отношении объективно не способных к сопротивлению несовершеннолетних потерпевших являются и действия органов милиции, направленные на устранение ситуаций, в которых возможны детоубийства и, в частности, убийства новорожденных [79].

Так как в отношении несовершеннолетних жертв часто совершаются сексуальные преступления, необходимо осуществление системы мер, направленных на недопущение именно этих преступлений. Специфичность возникновения многих из них, так же как и особенности личности потерпевших от сексуальных преступлений, создает известные трудности в работе по профилактике этих опасных и нередких, к сожалению, преступлений. Исходным моментом затруднений является сложность получения информации о готовящихся или уже совершенных в отношении несовершеннолетних изнасилованиях, развратных действиях. Причиной тому — естественная скрытность преступников, не стремящихся обнародовать свои замыслы и тем более совершенные преступления, а также молчание о происшедшем потерпевших, которые руководствуются при этом самыми различными мотивами, а в ряде случаев просто не в состоянии правильно оценить случившееся с ними. К тому же несовершеннолетние чаще всего и не осведомлены о грозящей им опасности, даже тогда, когда преступник — лицо хорошо им знакомое. Поэтому органы милиции должны широко использовать все имеющиеся в их распоряжении источники информации, не пренебрегая и самыми общими сведениями, касающимися подготовки или совершения изнасилований, развратных действий. В этом

отношении многое могут дать беседы с работниками жилищных контор, работниками дошкольных и школьных детских учреждений, врачами-педиатрами, т. е. лицами, нередко хорошо осведомленными о состоянии дел на территории, проблемах в быту отдельных семей, состоянии здоровья детей и т. д. Проверка получаемых сведений позволяет выявить складывающиеся «острые» ситуации, чреватые возможностью совершения преступления, и принять меры профилактического характера.

Имеется немало и других возможностей выявления фактов подготавливаемых или систематически совершаемых половых преступлений (изнасилований, развратных действий, сожительства с лицом, не достигшим 14-летнего возраста), которые, по сути дела, органами милиции не используются. Речь идет не о прямом «задействовании» этих возможностей непосредственно органами милиции, а об использовании полученных сведений и работе по правильному ориентированию работников детских и медицинских учреждений.

Так, источником необходимой информации могут стать медицинские осмотры несовершеннолетних (особенно малолетних детей), на теле которых могут быть обнаружены повреждения или иные следы, оставленные преступником при совершении развратных действий, изнасилования, насильственных действий сексуального характера. Нередко медсестра или врач при осмотре, воспитательница, няня при уходе за ребенком просто не обращают внимания на эти следы или не придают им значения, тогда как, имея правильное представление о возможном их происхождении, они могли бы передать милиции важные сведения.

Учителя школ, как правило, хорошо зная девочек, поведение которых свидетельствует о ненормальной для их возраста осведомленности в интимных вопросах, или, наоборот, о скрытности, забитости, меньше всего рассматривают их как объекты возможного внимания сексуального преступника. Вместе с тем эту виктимологическую сторону возможных нравственных отклонений следовало бы учитывать в первую очередь, информируя о таких подростках органы милиции.

Располагая этими сведениями, работники милиции могли бы детально изучать обстановку, в которой живут несовершеннолетние, собирать дополнительную информацию, возможно, прямо указывающую на совершение или подготовку преступления в отношении несовершеннолетних. Реальность использования этой информационной возможности во многом зависит от того, как организовано взаимо-

действие работников милиции, особенно отделов по профилактике преступлений несовершеннолетних, с работниками школ.

Практика показывает, что жертвами преступников-развратителей (несколько реже — насильников) в лице отцов и отчимов в ряде случаев оказываются девочки в семьях, где велика разница в возрасте между супругами. Такие семьи должны выявляться и внимательно изучаться. Разумеется, далеко не в каждой семье ребенок становится жертвой, но игнорировать эту возможность нельзя, особенно если при изучении выясняется, что отец неумеренно употребляет спиртное, ссорится с матерью, известен неразборчивостью в интимных связях и т. д.

Особое внимание работники милиции должны обращать на группы подростков, в которые входят девочки. Если выясняется, что участников группы связывают антиобщественные интересы, есть все основания предполагать, что участницы группы могут стать жертвами развратных действий или другого полового преступления. Такие группы совместными усилиями работников милиции и общественности, школы, родителей должны как можно быстрее ликвидироваться. Таким образом будет достигнут значительный профилактический эффект: предотвращено возможное совершение преступлений, в том числе и половых.

Работниками милиции и гражданами задерживаются лица, совершившие или пытавшиеся совершить развратные действия, изнасилование. В этих случаях обязательно проверяется, не причастен ли задержанный к другим аналогичным преступлениям. Иногда по различным причинам привлечь данное лицо к уголовной ответственности не удастся. При таком развитии событий данное лицо, конечно, остается в поле зрения органов милиции, но этого недостаточно, если в семье, в квартире, где он проживает, есть несовершеннолетние. Необходимо, во-первых, установить, не совершал ли (не пытался ли совершить) он развратных действий или иного полового преступления в отношении этих несовершеннолетних, во-вторых, принять меры, исключающие возможность создания криминальной ситуации в дальнейшем: помимо воздействия на самого задерживавшегося провести предупредительную работу с родителями несовершеннолетних. Все сказанное в равной мере относится и к профилактике половых преступлений в отношении мальчиков.

Эффективность профилактики половых преступлений в отношении несовершеннолетних во многом зависит и от того, насколько полно ис-

пользуются возможности самих потенциальных потерпевших противодействовать преступнику. Эти возможности не так уж малы у несовершеннолетних среднего возраста, и даже у девочек 8–10-летнего возраста их нельзя сбрасывать со счета. Имеется в виду не возможность физического сопротивления более сильному преступнику, а в большей мере наличие разумной предусмотрительности, которой обладают в известной мере и дети. Поэтому в процессе индивидуальной работы с детьми воспитание у них возможной для их возраста предусмотрительности, осторожности необходимо и целесообразно. Это дело непростое, и здесь необходимы совместные усилия родителей, педагогов, сотрудников ОППН.

Важным компонентом мобилизации защитных возможностей потенциальных жертв более старшего возраста является вовлечение подростков в занятия спортом, обучение их приемам самозащиты. Развитие физической силы, уверенности в себе, в своих возможностях постоять за себя могут сыграть решающую роль в выборе потерпевшей (потерпевшим) наиболее целесообразной линии поведения, обеспечивающей эффективное сопротивление.

Сложным во всех отношениях является индивидуальное воздействие на несовершеннолетних, негативные качества личности которых делают возможным добровольные связи с сексуальным преступником. Тем не менее позитивное влияние на таких несовершеннолетних, осуществляемое в зависимости от конкретных обстоятельств работниками школы или милиции, часто дает необходимый результат, корректирует поведение несовершеннолетних. В отдельных случаях с целью исключения контакта потенциального потерпевшего или потерпевшей с преступником, если несовершеннолетние ищут такого контакта или ему не противодействуют, необходимо принимать меры к изоляции подростков, а именно — помещать таких несовершеннолетних в специальные школьные учреждения.

Выбор наиболее действенных форм, средств индивидуального воздействия на такого рода потенциальных потерпевших должно основываться минимум на двух моментах:

- а) учете конкретной характеристики личности и возраста потерпевших;
- б) наличии или отсутствии данных о конкретном лице, от которого можно ожидать совершения полового преступления в отношении потерпевшего или потерпевшей, и характере обстоятельств, связывающих участников предполагаемой криминальной ситуации.

Таким образом, использование всего комплекса профилактических мероприятий с целью предотвращения половых преступлений в отношении несовершеннолетних имеет важное значение. Эти мероприятия, или, точнее, направления профилактической работы следует делить на две условные группы: с использованием внешних (обеспечение надзора и защиты потенциальных потерпевших) и внутренних (повышение способности потенциальных потерпевших к защите, противодействию преступнику, а также и формирование положительных установок личности) возможностей.

Источники информации о пассивных потерпевших могут быть самые различные: это сведения, поступающие из медицинских и детских учреждений, от населения, в результате изучения уголовных дел и материалов. Как и в отношении других категорий потерпевших, возможно использование специальных средств и методов воздействия на потенциальных потерпевших с целью повышения их активности.

Индивидуальная виктимологическая профилактика в отношении некритичных потерпевших

Для потерпевших данной категории характерным является неумение разобраться в ситуации, предусмотреть возможность опасного развития событий. Они могут пострадать от преступлений против жизни и здоровья, имущественных (особенно мошенничества) и др. Естественно, что сам элемент некритичности имеется в большинстве случаев и у потерпевших, отнесенных к другим категориям, но здесь он — решающий. Некритичность потерпевших может проявляться в сочетании с пассивным и активным поведением, с положительным и отрицательным.

Важнейшей профилактической мерой в отношении некритичных потерпевших является индивидуальная воспитательная работа, имеющая целью формирование у каждого лица умения здраво разобраться в опасных ситуациях, приобретение им должной осмотрительности. Воспитательная работа должна сочетаться с обучением тому, как и в каких ситуациях следует поступать и как эти ситуации распознать. Практически работа с каждым потенциальным потерпевшим включает индивидуальные беседы (работников милиции или по их поручению) и широко организованную правовую и медицинскую пропаганду.

С использованием поучительных примеров необходимо проводить работу с потенциальными потерпевшими из числа лиц, халатно отно-

сящихся к сохранности собственного имущества, демонстрирующих готовность к легкомысленным знакомствам, в основном с целью употребления спиртных напитков, получения медицинской помощи (производство аборт, знахарство и т. д.).

Специфической формой профилактики мошенничества является индивидуальная работа с излишне доверчивыми лицами.

Умело «обыграв» не критичность потерпевших от краж из карманов и сумок, можно добиться значительного профилактического эффекта, так как это наиболее частые преступления, совершение которых, наряду с мошенничеством, облегчается излишней доверчивостью, невнимательностью, забывчивостью потерпевших.

В тех случаях, когда не критичность потерпевших, опасная для них самих, связана с расстройствами психики, необходимо обеспечить лечение этих лиц, а в ряде случаев и помещение их в медицинские учреждения.

Если органам милиции становится известно, что назревает ситуация преступления, необходимо, за некоторыми исключениями, наряду с прочими мерами, предупредить потенциального потерпевшего.

Характер предупредительных мер зависит и от степени достоверности сведений, и от отношений, связывающих стороны в ситуации. Однако в любом случае информировать возможную жертву необходимо. Так, например, если при изучении окружения мошенника выявляются лица, не подозревающие о его истинном лице, следует предупредить их, чтобы они не попались на уловки мошенника. (Это известные ситуации, когда мошенник у нескольких знающих друг друга лиц берет деньги «в долг», «за оказание услуг».)

К группе не критичных потерпевших относятся участники коммерческой деятельности. Однако эти потенциальные жертвы часто хорошо ориентируются в обстановке, и их подводит самонадеянность.

Особая категория не критичных потерпевших — жертвы дорожно-транспортных происшествий. Профилактическая деятельность по этой линии общеизвестна: работа с пешеходами непосредственно на улицах, показ кинофильмов, окна ГИБДД, пропаганда с использованием газет, радио и телевидения, наконец, меры административного воздействия.¹

¹ См.: Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. 1975. С. 106–134. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. 2000. С. 190–210.

В заключение следует подчеркнуть, что виктимологическая профилактика с позиции криминологической теории не вызывает никаких возражений. Она, условно говоря, «обречена» быть эффективной, поскольку, как минимум, в ряде случаев отделяет жертву от преступника и физически (меры самоохраны, самозащиты), и психологически (за счет подготовки и информирования потенциальной жертвы).

И на массовом, и на индивидуальном уровне за счет мер виктимологической профилактики можно реально «сузить» поле криминальной опасности.

Возмещение вреда, причиненного жертвам, их защита и помощь в социально-психологической реабилитации

В результате совершения преступлений в отношении конкретных лиц им причиняется моральный, физический, материальный вред. Моральный вред — неизбежное последствие практически любого преступления; причинение физического вреда или (и) материального ущерба зависит от характера преступления. Однако в любом случае существует проблема возмещения ущерба, вреда и защиты жертвы в целом, которую необходимо решать, причем с наименьшими для нее потерями.

Защита и помощь жертвам включает несколько направлений.

1. Возмещение материального ущерба, причиненного посягательствами на имущество, включая и упущенную выгоду.
2. Возмещение материального ущерба как следствия физического насилия (причинения вреда жизни и здоровью).
3. Возмещение морального вреда (как в форме материальных выплат, так и иных формах заглаживания вреда).
4. Морально-психологическую реабилитацию жертвы, помощь в восстановлении утраченной социальной адаптированности.
5. Физическую защиту от повторной виктимизации.

Решение задач, вытекающих из этих направлений, связано в конечном счете с определением позиций, занимаемых государством, одной из важнейших функций которого является защита как своих граждан, так и иных лиц, находящихся на его территории.

И теоретически, и на основе практики, уже имеющей некоторую историю, можно следующим образом охарактеризовать пути решения данной проблемы:

1. Возмещение материального ущерба жертвам за счет преступника (реституция).
2. Возмещение материального ущерба жертвам за счет средств созданных для защиты жертв общественных фондов, организаций.
3. Компенсация материального ущерба жертвам за счет государства.
4. Физическая и психологическая реабилитация жертв (лечение травм, заболеваний, нервных расстройств, в ряде случаев избавление от комплексов собственной вины, ущербности и т. д.); формирование общественного мнения в пользу жертвы, организация на уровне микросреды жертвы морально комфортного для нее пространства.
5. Реализация программ и мероприятий физической защиты жертв от посягательств в постпреступный период.

Возмещение ущерба от преступлений — проблема мировая. Ее решение в каждой конкретной стране «характеризует уровень развития той или иной правовой системы. Возмещение ущерба играет важную роль в восстановлении социального порядка и в конечном итоге является стержнем системы правосудия» [49, с. 174].

Мировое сообщество уделяет серьезное внимание проблеме возмещения вреда, причиненного преступлениями и правонарушениями, и моральной реабилитации жертв. Следствием этого явилось принятие ряда правовых актов, в которых отражены эти положения.

Так, во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. (ст. 8); Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (ст. 9); Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 3 ноября 1950 г. и ряде других важнейших международно-правовых документов содержатся положения о праве каждого гражданина на «эффективное восстановление в правах» [49, с. 174]. В преамбуле заключительного документа XI конгресса Международной ассоциации уголовного права (МАУП) наряду с прочими важными положениями указано: «эффективная компенсация, базирующаяся на современных требованиях общественной солидарности, является задачей общества, в особенности в тех случаях, когда правонарушитель не известен и против него не возбуждали судебный процесс либо его осуждали, но он неплатежеспособен...»

Положения, относящиеся к проблеме возмещения ущерба потерпевшим от преступления, есть и в заключительном документе V конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшегося 1–12 сентября 1975 г. в Женеве.

В дальнейшем были приняты Европейская конвенция 1984 г. «О компенсации ущерба жертвам насильственных преступлений»; рекомендации Европейского комитета ООН по проблемам борьбы с преступностью «О положении жертвы преступления в системе уголовного права и процесса»; решения VII конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Милан, 26 августа – 6 сентября 1985 г.).

Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятая Генеральной ассамблеей ООН в 1985 г., содержит положения, имеющие принципиальное значение для решения проблемы возмещения ущерба, причиненного жертвам:

- а) правонарушители или третьи стороны должны предоставлять справедливую реституцию жертвам, их семьям или иждивенцам, которая должна включать возврат собственности или выплату за причиненный ущерб или вред, возмещение расходов, понесенных в результате виктимизации, предоставление услуг и восстановление в правах (ст. 8);
- б) государствам следует рассматривать реституцию как одну из мер наказания, включив ее в законодательство (ст. 9);
- в) если нет других возможностей, государство должно предоставлять финансовую компенсацию жертвам, которые получили значительные телесные повреждения или подорвали свое физическое или психическое здоровье, а также семьям жертв, умерших или ставших психически или физически недееспособными в результате виктимизации (ст. 12);
- г) следует создавать национальные фонды для предоставления компенсации жертвам (ст. 13) и др.

Декларация рекомендует государствам законодательно закрепить не только право жертвы на реституцию, но и на необходимую материальную, психологическую и социальную помощь и поддержку. Речь, таким образом, идет, наряду с компенсационными, о социальных обязательствах по отношению к потерпевшим от противоправных посягательств.

К разработке национального законодательства в указанном направлении призвал VIII конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 27 августа – 7 сентября 1990 г.) [49, с. 174–178].

Положения о реституции (восстановлении в прежнем состоянии, возложении на виновного судом обязанности возмещения ущерба, причиненного преступлением) есть практически во всех национальных законодательствах, хотя они и имеют свои особенности. Так, в Нидерландах, Дании, Швеции, других странах Восточной и Северной Европы реституция осуществляется в рамках как уголовного процесса, так и гражданского судопроизводства. В Великобритании, Ирландии, Кипре, Турции, Мальте, Греции, Японии и других странах основная форма возмещения ущерба — выплата по «компенсационным ордерам». Это распоряжение суда может быть альтернативой иному уголовному наказанию или дополнением к уголовному наказанию. В основном компенсационные ордера применяются по уголовным делам о насилии над личностью. Осужденный вносит деньги в соответствии с компенсационным ордером в суд, а суд в свою очередь передает их потерпевшему.

В США приняты в 1982 и 1990 гг. два федеральных закона о правах жертв преступлений. Практически в законодательстве всех штатов предусматривается право суда обязывать виновного возместить потерпевшему причиненный ущерб.¹

Как показывает практика, возмещение ущерба только на основе реституции не решает проблемы. Причиной тому и неплатежеспособность преступников, и длительность их пребывания в местах лишения свободы, и то, что по многим преступлениям преступник вообще не обнаруживается и взыскивать не с кого. В этих случаях компенсировать ущерб по справедливости должно государство. Если государство, взыскивая налоги, в том числе и на расходы по обеспечению личной и имущественной безопасности своих граждан, не решает эту задачу должным образом, оно должно нести ответственность за причиненный им преступлением ущерб.

В 1963–64 гг. в Новой Зеландии и Великобритании были приняты первые компенсационные программы. Вскоре реализация таких программ началась в Австралии, США и Канаде. Первоначально эти про-

¹ Подробно процедуры реституции по законодательствам Шотландии, Англии, Швеции, Южной Кореи, Японии, США рассматриваются: *Квашин В. Е.* Основы виктимологии. С. 179–185.

граммы финансировались из специально созданных общественных фондов, а позже в ряде стран стали развиваться программы государственной компенсации.

В сентябре 1977 г. Комитет министров Европейского союза принял резолюцию № 27 о компенсации ущерба жертвам «преднамеренного насилия», а 23 ноября 1984 г. Совет Европы принял Европейскую конвенцию «О компенсации ущерба жертвам насильственных преступлений», которую ратифицировали Великобритания, Нидерланды, Швеция, США и ряд других стран. Из положений конвенции следует, что государственная компенсация должна применяться только в случаях невозможности возмещения ущерба из других источников; не должно быть двойной компенсации; преступление должно быть насильственным, преднамеренным, причинить серьезные телесные повреждения или ущерб здоровью; насилие может быть и физическим и психическим; отравление, изнасилование и поджог являются формами преднамеренного насилия; жертвы дорожно-транспортных и имущественных преступлений данной конвенцией не охватываются.

К жертвам преступлений конвенция отнесла и лиц, пострадавших при пресечении преступления, содействии полиции, оказании помощи потерпевшему.

Для законодательства всех стран, реализующих программы государственной компенсации жертвам, характерно (при некоторых нюансах), что обязательным условием компенсации является содействие в расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела, своевременное сообщение о преступлении и положительное поведение потерпевшего. Противодействие полиции и суду, а также вина в провоцировании преступления являются основанием к отказу в компенсации.

Следует отметить, что появление компенсационных программ знаменует начало перехода от карательной к восстановительной юстиции.¹ Ее концепция заключается в том, что в социализации правонарушителя должны принимать участие те группы, в которых он живет и действует. «Жертву и преступника следует примирять путем возмещения ущерба, причиненного жертве» [173, с. 390].

Идея примирения и посредничества как альтернатива системе уголовного правосудия реализуется на практике. К 1997 г. в США разра-

¹ Детально порядок и программы государственной компенсации потерпевшим от преступлений в Шотландии, Австралии, Японии, Филиппинах, Тайване, США, Канаде рассматриваются в указ. соч. В. Е. Квашиса. С. 190–210.

ботаны и действуют свыше 300 программ примирения и посредничества, в Канаде — 26, в Европе — более 700.

Исследования американских виктимологов позволяют сделать вывод, что потерпевшие чаще предпочитают примирение и возмещение убытков преступником, чем назначение ему сурового наказания [49, с. 218].

В России проблема возмещения ущерба и социально-психологической и физической защиты потерпевших от преступлений более чем актуальна, но в ее решении мы еще очень далеки от развитых стран мира.

В России применяются только два способа возмещения ущерба: путем взыскания с лица, причинившего вред, в том числе и добровольного возмещения, и путем выплаты страховых сумм в случаях добровольного или обязательного страхования. Кроме того, родственникам некоторых категорий работников государство, в случае гибели последних, выплачивает компенсацию, а получение увечья от преступника при временной или постоянной нетрудоспособности является основанием для выплат денежного содержания по временной нетрудоспособности или назначения пенсии. Государство пока не принимает участия в возмещении материального и нематериального ущерба потерпевшим.

По уголовно-процессуальному закону России суд должен рассматривать иск о возмещении вреда, причиненного преступлением, одновременно с рассмотрением уголовного дела и только при невозможности произвести необходимые расчеты направлять его для решения в порядке гражданского судопроизводства (ст. 310 УПК), однако исключительный порядок в значительной мере превратился в правило. Естественно, это ведет к ухудшению положения потерпевшего, возлагает на него дополнительные заботы по преодолению всяческих, в том числе бюрократических, барьеров. Но даже располагая положительным решением суда, потерпевший, как правило, не получает реального возмещения по самым разным причинам, включая бездействие службы судебных приставов-исполнителей.

Сегодня сложилась ситуация, в которой, с одной стороны, растет насильственная преступность и количество ее жертв, а с другой — свелись к минимуму возможности обращения к бесплатной медицине, еще не развилась система страхования, заменившая государственную, и т. д.

Напрашивается вывод: должна быть налажена система, восполняющая недостатки того уровня возмещения ущерба, который реально существует сейчас.

В частности, это может быть примирение потерпевшего и преступника и добровольное возмещение ущерба взамен привлечения к уголовной ответственности, а в определенных случаях и назначения наказания. И уголовный, и уголовно-процессуальный законы, в принципе, допускают такую возможность. Добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, являются обстоятельством, смягчающим наказание (п. «к» ст. 61 УК). В соответствии со ст. 9 УПК РСФСР уголовное дело по преступлению небольшой тяжести может быть прекращено за примирением потерпевшего с обвиняемым. Дело частного обвинения может быть возбуждено только по жалобе потерпевшего. Ст. 75 УК РФ предусматривает в качестве основания освобождения от уголовной ответственности возмещение ущерба или иное заглаживание вреда, а ст. 76 УК РФ — примирение виновного с потерпевшим и заглаживание причиненного вреда.

Таким образом, есть необходимость и возможность в полной мере реализовать институт уголовно-правового компромисса, т. е. обмена освобождения от наказания на полную компенсацию ущерба [3, с. 45]. Однако сделать это необходимо таким образом, чтобы порядок примирения гарантировал, что оно не превращается в сделку и не прикрывает принуждение потерпевшего пойти на примирение. Пока что этот институт даже в тех ограниченных формах, в которых он существует (ст. 9 УПК, ст. 76 УК), отдан на откуп сторон. В то же время развитие концепции комплексной социальной технологии примирения имеет неплохие перспективы.¹

Очевидным пробелом в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве является отсутствие норм, предусматривающих в качестве одного из оснований условно-досрочного освобождения от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (возмещение ущерба полностью или в значительной его части). По мнению специалистов в области пенитенциарии, органы помощи осужденным и сами преступники в большинстве своем убеждены в том, что возмещение вреда его причинителем оказывает на него ресоциализирующее воздействие, повышает самооценку виновного, усиливает его контроль за своими поступками и способствует его

¹ См.: *Максудов Р., Флямер М., Грасенкова А.* Институт примирения в уголовном процессе: необходимость и условия развития. Уголовное право. № 1. 1998. *Квашин В. Е.* Указ. соч. С. 232.

примирению с потерпевшим [173, с. 364–365]. Но, решая вопрос об этом институте, нужно совершенно четко сформулировать положение, касающееся источников средств для возмещение ущерба: могут ли ими быть только средства, заработанные самим осужденным, или это могут быть средства, предоставленные семьей, близкими, в каких-то случаях — общественными фондами и др. Здесь, несомненно, есть проблема: в исправительных учреждениях России осужденные плохо обеспечены работой и реально заработать необходимые суммы вряд ли способны. Поэтому ограничение получения денежных средств источников фактически вредит потерпевшему, для которого возмещение ущерба приоритетно. Следовательно, нужно искать приемлемый компромисс.

Как это ни сложно в условиях современной России, необходимо хотя бы постепенно, но двигаться в направлении государственной системы возмещения ущерба, создания фонда для компенсационных выплат. Нужно создавать службы, оказывающие жертвам преступного насилия не только материальную, но и психологическую поддержку и защиту.

Реальная физическая защита и психологическая поддержка потерпевших, в первую очередь — от насильственных преступлений, имеют для них особенно важное значение, так как они могут подвергнуться повторной виктимизации (например, насилию со стороны не изолированного преступника, его окружения). Совершенно недопустимо предвзятое, грубое, пренебрежительное, недоверчивое (к сожалению, часто встречающееся) отношение к потерпевшим сотрудников правоохранительных органов, по вине которых не осуществляется должное реагирование на первичный вред [173, с. 369–370]. Нередко в такую ситуацию попадают лица, заявляющие о кражах. Особенно часто сталкиваются с нетактичным, а по существу оскорбительным, поведением сотрудников правоохранительных органов потерпевшие от изнасилования. Сотрудники, занимающиеся раскрытием и расследованием преступлений, часто вообще не обращают внимания на состояние потерпевших и не заботятся о том, чтобы оказать им хотя бы психологическую помощь, в которой они нуждаются. Особенно это относится к потерпевшим от насильственных преступлений, которые в результате неправильного с ними обращения ощущают себя социально изолированными, беспомощными, одинокими. В конечном счете, нередко для многих потерпевших моральный вторичный вред может быть более серьезным, чем первичный [173, с. 363–364]. Если же учесть, что в России практически не реализуется программа защиты

свидетелей и потерпевших, положение выглядит еще более нетерпимым. После того как преступление раскрыто и преступник осужден, правоохранительные органы вообще перестают интересоваться состоянием и судьбой жертвы, оставляя ее наедине со своим несчастьем [173, с. 364].

Жертвы изнасилования, насильственных действий сексуального характера, лица, которых похищали и захватывали в качестве заложника, нередко тяжело психологически травмированы. Они испытывают тяжелые нравственные страдания, впадают в депрессию, теряют уважения к себе и доверие к окружающим, становятся очень ранимыми и неадекватно воспринимают многое из того, с чем сталкиваются уже после преступления. Поэтому служба помощи и защиты потерпевших от криминального насилия, которую в различных регионах России еще только начинают создавать, должна решать первоочередную задачу психологического восстановления жертв. Соответственно и работать в этой службе должны квалифицированные психологи и юристы, а основной показатель эффективности — минимум повторной виктимизации.

Осознание необходимости и социальной значимости создания системы помощи жертвам постепенно приходит в наше общество.¹ Так, в Санкт-Петербурге существуют несколько центров для женщин, куда можно обратиться за помощью: кризисный психологический центр для женщин; городской центр социальной помощи женщинам «Женщина в опасности»; служба социально-юридической помощи пострадавшим от насилия «Александра». Первый кризисный психологический центр для женщин был открыт в городе шесть лет назад. За это время, по самым приблизительным оценкам, в центре оказали помощь двум с половиной тысячам женщин. Здесь работает телефон доверия, психологи и психотерапевты проводят консультации и тренинги в группах поддержки, юристы оказывают юридическую помощь и консультирование. Есть, правда очень маленький — всего на 20 коек, приют для женщин, что позволяет избавить жертву от опасных для нее контактов.²

¹ Об опыте зарубежных стран см.: Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. 2000. С. 213–216.

² Гинтовт Е. А. Дисс. ... канд. юр. наук. С. 152.

Заключение

Современное состояние виктимологических исследований позволяет сделать вывод, что виктимология как теория жертвы преступления, как криминальная (криминологическая) виктимология имеет право на существование. В этом своем качестве она представляет собой частную криминологическую теорию. Разовьется ли она в виктимологию, предметом которой станут жертвы не только преступлений, но и иных событий некриминального характера, пока ответить однозначно нельзя. Это вопрос времени.

Сегодня реально существует криминальная (криминологическая) виктимология, и она достаточно успешно решает одну из самых актуальных задач и теории, и практики борьбы с преступностью: учит рассматривать и оценивать каждое конкретное преступление объективно, не перекладывая всю вину только на преступника, формирует осознанное, лишенное предвзятости отношение к потерпевшим от преступлений не только с позитивным, но и негативным поведением; в конечном счете обеспечивает разработку мер виктимологической профилактики, основанных на принципе разумного гуманизма; социально-психологической реабилитации жертв; их защиты и компенсации причиненного ущерба.

Литература

1. Аванесов Г. А. Криминология, прогностика, управление. Горький. 1975.
2. Актуальные вопросы управления экономической безопасностью организации: отечественный и зарубежный опыт. СПб., 1996.
3. Алексеев А. И., Журавлев М. П., Миньковский Г. М. Проблемы уголовно-правовой и процессуальной защиты жертв преступлений // Актуальные проблемы управления и правового регулирования деятельности органов внутренних дел. М.: Академия МВД России. 1994.
4. Антонов-Романовский Г. В. Проблемы криминологического изучения изнасилований // Вопросы борьбы с преступностью. 1981. № 34.
5. Антонян Ю. М., Верещагин В. А., Попов С. А., Шостакович Б. В. Серийные сексуальные убийства. Криминальное и патопсихологическое исследование. М., 1997.
6. Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973.
7. Антонян Ю. М. Социальная среда и формирование личности преступника (неблагоприятные влияния на личность в микросреде). М. 1975. С. 158.
8. Антонян Ю. М., Павлов А. Р. Самые кровавые преступления – «серийные» сексуальные убийства // Человек против человека. Преступное насилие / Под ред. Ю. М. Антоняна, С. Ф. Милюкова. СПб., 1994.
9. Арефьев А. Ю. О виктимности предпринимателя // Современные проблемы государства и права в научных исследованиях адъюнктов. Нижний Новгород. ИВШ МВД РФ. 1994.
10. Афанасьев В., Гилинский Я. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб., 1995.
11. Бадь Л. Криминологические исследования в странах Балканского региона // Криминологические исследования в мире. М., 1995.
12. Беседина В. А. Экономическая преступность в России: проблемы противостояния. СПб., 2001.
13. Бурданова В. С., Быков В. М. Виктимологические аспекты криминалистики. Учебное пособие. Ташкент, 1981.
14. Бухгольц Э., Лекшас Дж., Хартман Р. Социалистическая криминология. М., 1975.
15. Валицкая В. И., Минская В. С. О некоторых исследованиях в буржуазной криминологии вопроса о значении поведения потерпевшего в генезисе преступления (Обзор исследований) // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. М., 1971. № 27.
16. Вандышев В. В. Изучение личности потерпевшего в процессе расследования. Л., 1989.

17. *Вандышев В. В.* Виктимологическая характеристика краж личного имущества//Проблемы совершенствования борьбы с преступностью. Иркутск, 1985.
18. *Вандышев В. В.* Виктимологическая характеристика причинения тяжких телесных повреждений//Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью. Л., 1988.
19. *Вандышев В. В.* Виктимологический аспект предупреждения преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны или в состоянии аффекта//Вестник ЛГУ. 1977. № 5, вып. 1.
20. *Вандышев В. В.* Воздействие на жертву преступления как средство побуждения ее к участию в противодействии расследованию//Человек против человека. Преступное насилие. СПб., 1994.
21. *Вандышев В. В.* Ситуации виктимизации граждан от краж личного имущества в сфере быта//Борьба с преступностью и проблемы нейтрализации криминогенных факторов сферы семьи и быта. ЛГУ, 1985.
22. *Вандышев В. В., Ривман Д. В.* Виктимологические аспекты профилактики автотранспортных преступлений//Проблемы борьбы с преступной неосторожностью. Владивосток. 1981.
23. *Вандышев В. В., Ривман Д. В.* О виктимологической профилактике неосторожных преступлений//Проблемы борьбы с преступной неосторожностью. Владивосток. 1978.
24. *Варчук В. В., Варчук Т. В.* Виктимологические аспекты профилактики преступлений//Материалы Всероссийской научно-практической конференции по проблеме профилактики правонарушений. 16 ноября 1995. М.: ВНИИ МВД России. 1997.
25. Вне закона. М. 2000. № 25.
26. *Герасимов О. В., Куликов Г. В.* Проституция и СПИД//Проституция и преступность.
27. *Гилинский Я., Румянцева Г.* Основные тенденции самоубийств в России: социологический анализ//Петербургская социология. 1997. № 1.
28. *Гилинский Я. И.* Человек человеку волк?//Насилие в современном мире. Международная конференция 27–29 июня 1997 г. СПб. 1997.
29. *Гольберт В. В.* Изучение жертв насильственной преступности: некоторые направления в современной зарубежной виктимологии//Человек против человека. Преступное насилие. СПб., 1994.
30. *Горбатовская Е. Г.* Характеристика потерпевших от убийств (опыт конкретного криминологического исследования)//Криминологическая характеристика убийств. Сб. научных трудов. М. 1997.
31. *Горшенков Г. Н.* Криминология. Введение в учебный курс. Сыктывкар. 1995.
32. *Горяинов К. К.* Жертвы преступления и их защита//Человек против человека. Преступное насилие. СПб., 1994.

33. *Горячнов К. К.* Жертвы насилия и их защита //Человек против человека. Преступное насилие. СПб., 1994.
34. *Готлиб Р. М.* Прокурорский надзор в борьбе с латентной виктимностью// Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974.
35. *Готлиб Р. М., Романова Л. И.* Виктимологические аспекты профилактики преступлений против личности//Виктимология и профилактика правонарушений. ИГУ. Иркутск, 1979.
36. *Дазель П. С.* «Вина потерпевшего» в уголовном праве//Сов. юстиция, 1967. № 6.
37. *Дазель П. С.* Потерпевший в советском уголовном праве//Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974.
38. *Дубриный В.* Кто является потерпевшим от преступления?//Социалистическая законность. 1965.
39. *Дьяченко А., Цымбал Е.* Социальный контроль за девиантным сексуальным поведением//Социальный контроль над девиантностью в современной России. СПб филиал Ин-та социологии РАН и БИЭПП. 1998.
40. *Егоришин В. М.* Проблемы обеспечения экономической безопасности в современной России (теоретико-правовые вопросы). СПб., 1998.
41. *Зелинский А. Ф., Коржанский Н. И.* Корыстная преступная деятельность. Волгоград. 1993.
42. *Зубкова В. И.* Виктимологические меры предупреждения преступлений// Вестник Московского ун-та. Серия 11(Право). 1990, № 3.
43. *Игошев К. Е.* Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький. 1974.
44. *Иншаков С. М.* Зарубежная криминология. М. 1997.
45. *Иншаков С. М.* Криминология. Учебник. М. 2000.
46. *Кайзер Г.* Криминология. Введение в основы. М. 1979.
47. Как не стать жертвой преступления. Советы профессионалов. Л. 1991.
48. *Карпец И. И.* Проблема преступности. М.1969. С. 167.
49. *Квашиш В. Е.* Основы виктимологии. М., 1999. С. 278.
50. *Квашиш В. Е.* Теоретические основы профилактики неосторожных преступлений. М. 1977.
51. *Ковалев А. Г.* Психология личности. 2-е изд. М. 1965.
52. *Козак В. Н.* Право граждан на необходимую оборону. Саратов. 1972.
53. *Комаровский В. С.* Некоторые проблемы измерения социальных установок//Вопросы философии. 1970. № 7.
54. *Коновалов В. П.* Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений. М.: ВНИИ МВД СССР, 1982.
55. *Коновалов В. П.* Перспективы развития виктимологии//Теория и практика борьбы с правонарушениями Душанбе. 1980. Вып. 1.
56. *Коновалов В. П.* Системно-структурный анализ виктимизации от преступности//Теория и практика борьбы с правонарушениями. Душанбе.

1980. Вып. 1. *Коновалов В. П.* Виктимность и ее профилактика//Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. Иркутск. 1982.
57. *Коновалов В. П., Петрова Н. М.* О классификации закономерностей виктимизации от преступности//Укрепление социалистической законности и совершенствование законодательства. Душанбе. 1984.
58. Криминальная ситуация в России и ее изменение. М. 1996.
59. Криминология/Под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М. 1988.
60. Криминология. Курс лекций/Под ред. В. Н. Бурлакова, С. Ф. Милюкова, С. А. Сидорова/СПб ВШ МВД РФ. 1995.
61. Криминология. Учебник/Под ред. А. И. Долговой. М. 1997.
62. Криминология. Учебник/Под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова, С. В. Степашина. СПб. 1999.
63. Криминология. Учебник/Под ред. И. И. Карпеца, В. Е. Эминова. М. 1995.
64. Криминология. XX век/Под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова/Юридический центр Пресс. СПб. 2000.
65. Криминология/Под ред. В. Н. Бурлакова. СПб. 1998.
66. Криминология/Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Г. М. Миньковского. М. 1994.
67. *Крысин А. В.* Безопасность предпринимательской деятельности. М. 1996.
68. *Кудрявцев В. Н.* Причинность в криминологии. М. 1968.
69. *Кудрявцев В. Н.* Причины конкретного преступления//Советская юстиция. 1970. № 22.
70. *Кудрявцев В. Н.* Причины правонарушений. М. 1976.
71. *Кузминский Е. Ф., Михайловская И. Б.* Преступность: что мы знаем о ней. Милиция: что мы думаем о ней, М. 1994.
72. *Кузнецова Н.* Уголовно-правовое значение «вины потерпевшего»//Советская юстиция. 1967. № 17.
73. Курс советской криминологии. Предмет. Методология. Преступность и ее причины. М. 1985.
74. *Лейкина Н. С.* Личность преступника и уголовная ответственность. ЛГУ. 1968.
75. *Лейкина Н. С.* Причины конкретных преступлений и личность преступника в аспекте индивидуализации наказания//Преступность и ее предупреждение. Л. 1991.
76. *Лобов С. А.* Криминальная виктимология. Лекции/Под ред. Г. М. Мерегукова. Краснодар. КЮИ МВД России. 1998.
77. *Лукичев О. В.* Детоубийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. СПб. 2000.

78. *Лунеев В. В.* Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М. 1997.
79. *Лупарев Г. П.* Преступник и его жертва. Алма-Ата. Общество «Знание». 1988.
80. *Мацкевич И. М., Эминов В. Е.* Преступное насилие среди военнослужащих. М. 1994.
81. *Минская В. С.* Безнравственные и сексуальные преступления. С.193.
82. *Минская В. С.* Криминологическое и уголовно-правовое значение поведения потерпевших//Вопросы борьбы с преступностью. 1972. № 16.
83. *Минская В. С.* Личность потерпевшего и ее криминологическое значение//Потерпевший от преступления. Владивосток. 1974.
84. *Минская В. С.* Опыт виктимологического изучения изнасилования//Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. М. 1972.
85. *Минская В. С.* Ответственность потерпевшего за поведение, способствующее совершению преступления//Советская юстиция. 1969. № 14.
86. *Минская В. С.* Отрицательное поведение потерпевшего — одна из категорий виктимологии//Советское государство и право. 1980. № 7.
87. *Минская В. С.* Уголовно-правовой и нравственно-психологический аспекты виктимологии//Советское государство и право. 1985. № 7.
88. *Минская В. С., Чечель Г. И.* Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. Иркутск. 1988.
89. *Михайлов А. Е.* Роль потерпевшего в механизме насильственных преступлений//Криминологические проблемы борьбы с преступностью. Киев. 1989.
90. *Михеев Р. И.* Личность и поведение потерпевшего//Потерпевший от преступления. Владивосток. 1974.
91. *Население и милиция в большом городе. Сравнительное социологическое исследование.* СПб. 2000.
92. *Некоторые рекомендации по мерам безопасности гражданам, пребывающим в незнакомом городе//Борьба с преступностью за рубежом.* 1993. № 5.
93. *Немчинов В. С.* Избранные произведения. М. 1967.
94. *Номоконов В. А.* Потерпевший как элемент ситуации совершения преступления.//Потерпевший от преступления. Владивосток. 1974.
95. *Нуртаев Р. Т.* О виктимологических аспектах неосторожной преступности//Современные проблемы уголовного права и криминологии. Владивосток. 1991.
96. *Основы борьбы с организованной преступностью.* М. 1996.
97. *Остроумов С. С., Франк Л. В.* О виктимологии и виктимности//Советское государство и право. 1976. № 4.
98. *Петелин Б.* Психологические факторы в преступном поведении//Советская юстиция. 1972. № 3.

99. *Платонов К. К.* О психической структуре личности//Личность при социализме. М. 1968.
100. *Платонов К. К.* О системе психологии. М. 1972.
101. *Полубинский В. И.* Правовые основы учения о жертве преступления. Горький. ВШ МВД СССР. 1979.
102. *Полубинский В.И.* Криминальная виктимология. Что это такое? М.: Знание, 1977.
103. *Полубинский В. И.* Практические аспекты криминальной виктимологии. М.: МВД СССР. 1982.
104. *Потапов С. А.* Психически аномальные жертвы насильственных преступлений//Человек против человека. Преступное насилие. СПб. 1994.
105. *Репецкая А. Л.* Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. Иркутск. 1994.
106. *Репецкая А. Л., Рыбальская В. Я.* Криминология. Иркутск. 1999.
107. *Ривман Д. В.* Некоторые вопросы изучения личности и поведения потерпевших от преступления//Преступность и ее предупреждение. Л., 1971. № 2.
108. *Ривман Д. В.* Виктимность как социальное явление//Вопросы профилактики преступлений. ВПУ МВД СССР. 1976.
109. *Ривман Д. В.* Виктимологическая профилактика преступлений//Проблемы профилактики правонарушений в условиях дальнейшего расширения и углубления социалистической демократии, гарантированной новой Конституцией СССР. Иркутск. 1978.
110. *Ривман Д. В.* Виктимологическая профилактика. Ее особенности и место в системе криминологического предупреждения преступности//Вопросы профилактики преступлений. ВПУ МВД СССР. Л. 1978.
111. *Ривман Д. В.* Виктимологические аспекты общей профилактики преступлений//Уголовно-правовые и криминологические меры предупреждения. Омск. 1986.
112. *Ривман Д. В.* Виктимологические аспекты профилактики корыстных преступлений//Организационно-правовые проблемы борьбы с нетрудовыми доходами. ГВШ МВД СССР. Горький. 1988.
113. *Ривман Д. В.* Виктимологические факторы и профилактика преступлений. ВПУ МВД СССР, 1975.
114. *Ривман Д. В.* Виктимологический аспект аналитической работы в органах внутренних дел. Л., 1977.
115. *Ривман Д. В.* Использование данных виктимологии в организации борьбы с преступностью//Труды академии МВД СССР. М. 1982.
116. *Ривман Д. В.* К вопросу о виктимологическом изучении в целях профилактики преступлений//Бюллетень ВПУ МВД СССР. Л. 1972. № 3.

117. Ривман Д. В. Классификация криминологических ситуаций в зависимости от личности и поведения потерпевшего от преступления//Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. ВПУ МВД СССР. Л. 1972.
118. Ривман Д. В. Классификация ситуаций совершения насильственных преступлений в семье//Борьба с преступностью и проблемы нейтрализации криминогенных факторов сферы семьи и быта. ЛГУ. Л. 1986.
119. Ривман Д. В. Криминологическая характеристика личности и поведения несовершеннолетних, потерпевших от развратных действий, и некоторые вопросы профилактики этих преступлений//Вопросы профилактики преступлений Л.: ВПУ МВД СССР, 1973.
120. Ривман Д. В. Некоторые криминологические аспекты личности и поведения потерпевших. Исследование и оценка по делам об убийствах//Преступность и ее предупреждение. Л. 1978.
121. Ривман Д. В. О виктимологической профилактике преступлений//Вопросы профилактики преступлений. ВПУ МВД СССР. Л. 1977.
122. Ривман Д. В. О некоторых понятиях криминальной виктимологии//Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. Иркутск. 1982.
123. Ривман Д. В. О содержании понятия «виктимность»//Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. Л.: ВПУ МВД СССР, 1974.
124. Ривман Д. В. Потерпевший от преступления: личность, поведение, оценка. Л., 1973.
125. Ривман Д. В. Проблемы и перспективы виктимологической профилактики//Вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел по охране социалистического правопорядка. ВПУ МВД СССР. Л., 1978.
126. Ривман Д. В. Роль потерпевших от насильственных преступлений, совершенных в досуговой и производственной сферах//Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью. Л. 1988.
127. Ривман Д. В. Уголовно-правовое значение личности и поведения потерпевшего от преступления//Проблемы совершенствования борьбы с преступностью. Иркутск, 1985.
128. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. СПб. 2000.
129. Ривман Д. В. К вопросу о личности и поведении потерпевших от хулиганства//Вопросы теории и практики борьбы с хулиганством. Л.: ВПУ МВД СССР, 1975.
130. Ривман Д. В. К вопросу о социально-психологической типологии потерпевших от преступлений//Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. Иркутск. 1988.
131. Романов В. В. Основы криминальной виктимологии. Учебное пособие. Минск. 1980.

132. *Романова Л. И.* Несовершеннолетний как потерпевший от преступления. Владивосток. 1974.
133. *Рыбальская В. Я.* Виктимологические проблемы преступности несовершеннолетних. Иркутск, 1983.
134. *Рыбальская В. Я.* Методика изучения личности потерпевшего. ИГУ. Иркутск. 1975.
135. *Рыбальская В. Я.* О виктимологическом направлении профилактики преступности несовершеннолетних//Виктимология и профилактика преступлений. ИГУ. Иркутск. 1979.
136. *Рыбальская В. Я.* О виктимологическом анализе преступности несовершеннолетних//Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. Иркутск. 1982.
137. *Рысков Р.* Основные направления современной польской криминологии//Криминологические исследования в мире. М. 1995.
138. *Сафонов В. Н.* Организованное вымогательство: уголовно-правовые и криминологические аспекты. СПб ИВЭСЭП. 2000.
139. *Сидоров Б. В.* Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение (Социально-психологическое и правовое исследование). Казань. 1978.
140. *Сидоров Б. В.* Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность. Казань. 1998.
141. *Склафани Ф.* Криминологические исследования в Италии//Криминологические исследования в мире. М. 1995.
142. *Смирнов Г.* Личность в социалистическом обществе//Коммунист. 1967. № 11.
143. *Тайбаков А. А.* Виктимологический аспект преступности//Социологические исследования. 1992. № 6.
144. *Урланис Б. Ц.* Общая теория статистики. М. 1973.
145. *Устинов В. С.* Методы предупредительного воздействия на преступность. Горький. 1989.
146. *Франк Л. В.* Виктимологические исследования за рубежом//Укрепление законности и правопорядка в период строительства коммунизма. Душанбе. 1973.
147. *Франк Л. В.* Виктимологические исследования за рубежом//Укрепление законности и правопорядка в период строительства коммунизма. Ч. 3. Душанбе. 1973.
148. *Франк Л. В.* Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972. С. 112.
149. *Франк Л. В.* Виктимология как вспомогательная дисциплина криминологии и криминалистики//Научная конференция, посвященная 96-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина: Сборник. Душанбе, 1966.
150. *Франк Л. В.* Несовершеннолетние как потерпевшие и правонарушители// Научная конференция, посвященная 98-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Душанбе, 1968.

151. *Франк Л. В.* О виктимологических исследованиях//Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии. Душанбе. 1977.
152. *Франк Л. В.* О классификации потерпевших в целях виктимологического исследования//Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии. Душанбе. 1968.
153. *Франк Л. В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977.
154. *Франк Л. В.* Потерпевший от преступлений, совершаемых рецидивистами//Проблемы борьбы с рецидивной преступностью. М., 1968. № 3.
155. *Франк Л. В., Шлионский А. Э.* Критический обзор новейшей литературы по виктимологии в капиталистических странах//Укрепление законности и правопорядка в период развитого социализма. Душанбе. 1978.
156. *Харитонов Н. К., Кадина Т. И.* Виктимность лиц, злоупотребляющих алкоголем//Здоровье нации и национальная безопасность. М. 1994. Международная конференция. Материалы и тезисы выступлений.
157. *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. М. 1964.
158. *Хольст Б.* Роль потерпевшего (жертвы) в убийстве//Panstwo i prawo. 1964.
159. *Центров Е. Е.* Виктимологические аспекты криминалистики//Сб. научных трудов. Иркутск. 1980.
160. *Центров Е. Е.* Криминалистическое учение о потерпевшем. М. МГУ. 1988.
161. *Центров Е. Е.* Некоторые вопросы криминалистической виктимологии//Виктимология и профилактика правонарушений. Иркутск. 1979
162. *Центров Е. Е.* Специфика взаимоотношений преступника и потерпевшего по делам о половых преступлениях//Вопросы личности преступника. М. 1971.
163. *Чайка Н. А., Клевакин В. М.* СПИД: чума XX века. Л. 1989.
164. *Чечель Г.* Жестокий способ совершения преступлений против личности. Ставрополь. 1992.
165. *Чечель Г. И.* Виктимологические проблемы предупреждения тяжких преступлений против личности//Предупреждение преступлений силами уголовного розыска. Омск. 1985.
166. *Чечель Е. Е.* Виктимологические проблемы профилактики умышленных убийств//Актуальные вопросы государства и права на современном этапе. Томск. 1983.
167. *Чечель Е. Е.* Поведение потерпевших и его значение в предупреждении преступлений//Пути повышения эффективности борьбы с преступностью. Барнаул, 1983.
168. *Шестаков Д. А.* Семейная криминология. СПб ГУ. 1996.

169. *Шестаков Д. А.* Ситуация супружеского убийства//Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью. Л. 1988.
170. *Шестаков Д. А.* Убийство на почве семейных конфликтов. Л. 1981.
171. *Шибутани Т.* Социальная психология. М. 1969.
172. *Шиканов В. И.* О криминалистической виктимологии: общий взгляд на проблему//Виктимология и профилактика преступлений. ИГУ. Иркутск. 1979.
173. *Шнайдер Г. Й.* Криминология. 1994.
174. *Яковлев А. М.* Взаимодействие личности со средой как предмет криминологического исследования//Советское государство и право. 1966. № 2.
175. *Яковлев А. М.* Преступность и социальная психология. Юр. литература. 1971.